КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LI.

1895 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.

1895.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 6 Ноября 1895 года.

Грановскій протопопъ Іоаннъ Строцкій, какъ поборникъ православія на Украинѣ во второй половинѣ XVIII столѣтія [1]).

Въ письмѣ, посланномъ 27 іюня 1790 года князю Адаму Адамовичу Чарторыжскому, протопопъ о. Іоаннъ Строцкій такъ пишетъ о себѣ: „волею Божіею я прожилъ въ свѣтскомъ званіи болѣе 25 лѣтъ, а священствую на Грановской парафіи 44 года съ лишнимъ“. На основаніи этихъ словъ слѣдуетъ предполагать, что онъ родился въ 1721 году, а священство принялъ въ 1746 году. Между православными священнослужителями, имѣвшими свои приходы на Украинѣ, онъ уже въ началѣ 70-тыхъ годовъ минувшаго столѣтія считался весьма выдающимся пастыремъ и имѣлъ неотразимое вліяніе на добровольное возсоединеніе многихъ уніатскихъ священниковъ съ православною церковью. Брацлавскій уніатскій оффиціалъ Заблоцкій въ репортѣ своемъ, поданномъ 4 генваря 1773 года своему митрополиту Володкевичу, между прочимъ, писалъ слѣдующее: „нашъ клиръ, точно ослѣпленный, постоянно жмется къ (православнымъ) духовнымъ правителямъ, будучи увлекаемъ примѣромъ Грановскаго благочиннаго (Строцкаго), который собственноручно и добровольно запи-

[1]) Статья эта составлена: во 1-хъ на основаніи архивныхъ дѣлъ Переяславской духовной консисторіи, касающихся состоянія православія на Украинѣ съ 1772 по 1783 годъ и хранящихся нынѣ въ архивѣ Кіевской консисторіи, и во 2-хъ, на основаніи принадлежавшихъ этому протопопу рукописей, которыя большею частію писаны на польскомъ языкѣ и подарены священникомъ м. Гранова Матѳеемъ Строцкимъ благочинному 5 округа липовецкаго уѣзда кіевской губерніи Фавсту Зельницкому, передавшему ихъ въ сентябрѣ 1850 г. чрезъ протоіерея І. М. Скворцева въ библіотеку Кіево-софійскаго собора, гдѣ онѣ значатся подъ № 203.

салъ себя и все благочиніе на подчиненіе переяславскому епископу. Благочинія Животовское, Уманское, Чечельницкое и Рашковское частію изъ страха, а частію добровольно тамъ же утонули" [1]). Но значеніе о. Строцкаго еще болѣе начало возрастать съ 1774 года, когда онъ сблизился съ молодымъ магнатомъ польскимъ, княземъ Адамомъ Адамовичемъ Чарторыжскимъ [2]), который, по званію генерала земель подольскихъ и старосты кременецкаго и летичевскаго, довольно часто изъ Варшавы пріѣзжалъ на Подолію и останавливался въ мѣстечкѣ Грановѣ, какъ центрѣ весьма обширныхъ Грановскихъ имѣній, принадлежавшихъ его отцу. Здѣсь молодой князь пожелалъ видѣть православнаго грановскаго священнослужителя, который своимъ могучимъ пастырскимъ вліяніемъ на православныхъ обитателей Грановщины спасъ эту мѣстность отъ той страшной кровавой бури [3]), которая съ конца апрѣля 1768 года пронеслась надъ кіевскимъ воеводствомъ и значительною частію брацлавскаго, подольскаго и изяславскаго воеводствъ. Послѣ неоднократныхъ встрѣчъ и собесѣдованій, Чарторыжскій чистосердечно полюбилъ весьма умнаго и доблестнаго грановскаго священнослужителя и сталъ относиться къ нему безъ всякой аристократической списи, а какъ братъ къ брату. Подробные, обстоятельные разсказы о. Строцкаго о крайне угнетенномъ положеніи православія на Украинѣ благотворно подѣйствовали на доброе, впечатлительное сердце молодого князя, и онъ изъявилъ искреннее желаніе принять подъ свою защиту какъ православную вѣру, такъ и священнослужителей ея. О таковомъ желаніи Чарторыжскаго Строцкій въ первой половинѣ 1774 года репортовалъ переяславскому епископу Іову Базилевичу, подъ вѣдомствомъ котораго тогда находились всѣ православныя украинскія церкви, и къ репорту своему прило-

---

[1]) Подолія. Историч. описаніе, изданное Н. Н. Батюшковымъ 1891 г., стр. 195.

[2]) Въ письмахъ, которыя Чарторыжскій послѣ 1775 г. писалъ къ о. Строцкому, онъ въ титулъ его вносилъ слова: Przewielebny w Bogu... panie y Bracie, a себя самого называлъ—Zyczliwym Bratem y sługa uniżonym. См. рукописи о. Строцкаго стр. 9 11 и 17.

[3]) Тамъ же стр. 57 см. письмо кн. Чарторыжскаго въ Брацлавскую цивильно-войсковую коммисію.

жилъ письмо князя Чарторыжскаго, въ которомъ послѣдній изъявлялъ „свое желаніе оказать защиту гонимому на Украинѣ благочестію и совѣтывалъ переяславскому архипастырю изъ числа подвластныхъ ему священниковъ выбрать двухъ, въ качествѣ делегатовъ, и отправить въ Варшаву для подачи просьбы въ Пресвѣтлую Постоянную Раду о возстановленіи дарованныхъ польскими королями восточной вѣрѣ привилегій и о карѣ нарушителей ихъ привилегій“.

Согласно прописанному совѣту, на основаніи распоряженія преосвященнаго Іова, отецъ Строцкій созвалъ въ Грановъ болѣе почетнѣйшихъ изъ украинскихъ священнослужителей, которые делегатами своими на Варшавскій Сеймъ избрали протопоповъ— винницкаго Илію Голоскевича и краснянскаго Іоанна Богдановича и немедленно отправили ихъ съ своими жалобами на предстоявшій сеймъ. Поѣздка ихъ въ Варшаву не осталась безплодною. Бывшій тогда сеймъ, по ходатайству князя Чарторыжскаго, подкрѣпленному русскимъ чрезвычайнымъ посломъ, назначилъ особаго коммисіанта и велѣлъ ему немедленно отправиться на Украину для разслѣдованія жалобъ, поданныхъ украинскими делегатами. Одновременно съ назначеніемъ коммисіанта Сеймъ на руки делегатовъ передалъ, для опубликованія, свой универсалъ, которымъ строго воспрещалось „чинить всякія новыя обиды исповѣдникамъ благочестія“.

Получивши отъ Чарторыжскаго извѣстіе о назначеніи коммисіанта, преосвященный Іовъ 16 февраля 1775 года послалъ Грановскому протопопу слѣдующее письмо: „Всечестный отецъ протопопъ Грановскій, любезный о Христѣ отецъ братъ! Ежели еще къ вамъ не прибылъ изъ Варшавы коммисіантъ, о чемъ я предъ симъ къ вамъ писалъ, то совѣтую вамъ, по полученіи сего, буди сами не можете, заразъ (сейчасъ) отправить въ Варшаву двухъ надежныхъ, какихъ вы изберете, священниковъ, и писать къ его сіятельству князю Чарторыжскому съ представленіемъ вамъ чинимыхъ обидъ. Напишите такожъ князю, что православные протопопы винницкій Илія Голоскевичъ и краснянскій Іоаннъ Богдановичъ прибыли изъ Варшавы на Украину въ цѣлости. Ежели коммисіантъ уже прибылъ къ вамъ, то о

семъ дѣлѣ съ нимъ посовѣтуйтесь, надобно ли къ князю писать объ обидахъ, или, можетъ быть, и онъ разберетъ. И какъ я прежде писалъ, такъ и нынѣ совѣтую, по его словамъ вамъ поступать. Меня довольно увѣрено (княземъ), что онъ человѣкъ надежный для нашей стороны. Весьма жалѣю, что протопопы винницкій и краснянскій, по пріѣздѣ своемъ, не отзывались къ тому человѣку, который имъ благодѣтельствовалъ, да и я къ нему писалъ, только невѣдаю, послали ли они къ нему мое письмо. Письма сего, кромѣ протопоповъ винницкаго и краснянскаго, никому не показывайте; а я, благословенію Божію васъ препоручая, ожидаю отъ васъ скораго по сему увѣдомленія и пребываю къ вамъ вседоброжелателемъ. Іовъ, епископъ переяславскій и бориспольскій. 16 февраля 1775 года“ [1]).

Спустя два мѣсяца и 25 дней, по полученіи сего письма, протопопъ Строцкій получилъ письмо и отъ князя Чарторыжскаго, къ которому онъ лично обращался съ просьбою оказать, какъ ему, такъ и всему православному священству Грановскаго Ключа защиту отъ уніатскихъ угнетеній. Чарторыжскій 10 мая 1775 года такъ писалъ ему: „Велебнѣйшій ксендзъ архипресвитеръ, мой найлюбезнѣйшій господинъ и братъ! Прилагая къ моему письму письмо вельможнаго Коссаковскаго [2]), имѣю удовольствіе завѣрить велебнѣйшаго господина, что о его дѣлѣ я уже переговорилъ съ моимъ сіятельнѣйшимъ отцемъ. Ожидаю лишь отъ пана добродзѣя донесенія о всѣхъ тѣхъ угнетеніяхъ, которыя онъ съ подвластными ему порохами терпитъ, для того чтобы къ устраненію ихъ принять надлежащія мѣры и тѣмъ на дѣлѣ доказать, насколько меня интересуетъ судьба благочестія“ [3]).

Въ приложенномъ къ сему письмѣ Коссаковскій, по распоряженію молодаго Чарторыжскаго, указалъ о. Строцкому совѣтъ, что онъ долженъ сдѣлать, какъ для утвержденія православія въ

---

[1]) Рукописи протоп. Строцкаго стр. 4.

[2]) Коссаковскій, другъ и пріятель о. Строцкаго, былъ домашнимъ секретаремъ польскаго короля и довольно часто писалъ письма къ сему протопопу. Одни изъ нихъ приложены къ архив. дѣламъ переясл. консисторіи, а другія къ рукописямъ о. Строцкаго.

[3]) Рукоп. протопопа Строцкаго стр. 11.

Грановщинѣ, такъ и для огражденія его на дальнѣйшее время отъ могущихъ опять возникнуть угнетеній со стороны уніатовъ. „Довольно скоро", писалъ Коссаковскій, „выѣзжаетъ въ свои закордонныя маетности старый дѣдичъ—свѣтлѣйшій князь и непремѣнно будетъ въ Грановѣ. Сюда, предъ его пріѣздомъ, надлежитъ вашему благоразумію собрать со всей Грановщины народъ, старыхъ и малыхъ и при этомъ разъяснить имъ опасное положеніе православія. Когда же прибудетъ свѣтлѣйшій князь, то собравшійся народъ пусть подаетъ ему просьбу о защитѣ своей отъ уніатскихъ и католическихъ властей. Но при семъ случаѣ надлежитъ употребить слезы и вопли. И не можетъ статься, чтобы доброе и милосердое его княжеской свѣтлости сердце не тронулось слезами и воплями многочисленнаго народа, страждущаго отъ угнетеній за свою вѣру" [1]). Этотъ благоразумный совѣтъ протопопомъ Строцкимъ былъ въ точности исполненъ. Старый дѣдичъ, хоть по словамъ того же Коссаковскаго, „былъ крайне послушнымъ орудіемъ злѣйшихъ враговъ православія—католическихъ и уніатскихъ духовныхъ властей" [2]), однако, подъ вліяніемъ любимаго сына своего, былъ глубоко тронутъ слезами и воплями многочисленныхъ православныхъ исповѣдниковъ и строго воспретилъ, кому слѣдовало, угнетать ихъ. Съ этого времени и стало возстановляться то благоденствіе, объ исходатайствованіи котораго епископъ Иларіонъ 22 мая 1778 года просилъ молодаго Чарторыжскаго для всѣхъ вообще православныхъ обитателей Украины [3]).

Назначенный Варшавскимъ Сеймомъ коммисіантъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1775 года пріѣзжалъ на Украину и произведенное имъ

---

[1]) Рукоп. протопопа Строцкаго стр. 11.

[2]) Тамъ-же стр. 11.

[3]) Считаю нужнымъ списать это письмо. „Сіятельнѣйшій князь, нашъ наймилостивѣйшій Благодѣтель! Умоляю Вашу княжескую Свѣтлость принять подателей сего письма, епархіальныхъ депутатовъ, въ особое милостивое свое покровительство и не оставлять ихъ своимъ пособіемъ и безъ своего наставленія, и помочь имъ исходатайствовать чрезъ россійскаго полномочнаго посла такое благоденствіе какимъ православные исповѣдники пользуются съ своимъ священствомъ во владѣніяхъ Вашего сіятельства на Украинѣ". Письмо это приложено къ хранящимся въ кіевскомъ консисторскомъ архивѣ дѣламъ переяславской консисторіи за 1778 г.

разслѣдованіе жалобъ, поданныхъ протопопами Голоскевичемъ и Богдановичемъ, не осталось безъ добрыхъ послѣдствій для гонимыхъ исповѣдниковъ православія,—чему доказательствомъ служитъ нижеслѣдующее письмо переяславскаго архипастыря къ о. Строцкому, писанное 29 мая 1775 года: „Присланное отъ васъ при доношеніи письмо извѣстнаго благодѣтеля (Чарторыжскаго) я съ величайшимъ удовольствіемъ читалъ, и Божій объ васъ промыслъ въ немъ узналъ. Се—то тотъ человѣкъ, котораго совѣтовъ и наставленій слушайтесь. Предъ симъ я къ вамъ писалъ, не изображая его имени, да и ненадо изображать и разглашать, дабы тѣмъ самимъ не подать причины ненавистникамъ къ оклеветанію. И теперь по его письму поступайте, ободряя и себя самихъ, и другихъ надеждою будущаго благополучія, и поощряя къ терпѣнію, безъ котораго никакого добра получить не можно. Расѣиваемыми отъ ненавистниковъ баснями вы не тревожьтесь. Аще Богъ съ нами, то кто на ны? Отецъ протопопъ винницкій съ товарищемъ пущай немедленно въ Варшаву ѣдутъ, не дожидаясь оттуда увѣдомленія: и давно надлежало ѣхать и старатись о пользѣ общей“ [1]).

Принятіе княземъ Чарторыжскимъ подъ свою защиту гонимаго православія переяславскій архипастырь считалъ дѣломъ промысла Божія и чрезъ о. Строцкаго повелѣлъ украинскому духовенству слушаться совѣтовъ и наставленій своего патрона и благодѣтеля, но вмѣстѣ съ тѣмъ, „дабы не подать причины ненавистникамъ къ оклеветанію“ Чарторыжскаго, воспретилъ духовенству „изображать и разглашать имя его“. Впрочемъ Чарторыжскій, благодѣтельствуя православію, нисколько не тревожился могущими возникнуть изъ за этого неблагопріятными для него послѣдствіями. Не обращая вниманія на могущество и силу многочисленныхъ и притомъ самыхъ жестокосердныхъ враговъ православія, онъ очень явно покровительствовалъ православнымъ делегатамъ, которые пріѣзжали въ Варшаву искать защиты противъ своихъ гонителей, давалъ имъ полезные совѣты и мудрыя наставленія при составленіи жалобъ и ходатайство-

---

[1]) Рукописи о. Строцкаго стр. 5.

валъ, на сколько могъ, предъ королемъ и его Пресвѣтлою Радою о законномъ разрѣшеніи ихъ. Съ этимъ добрымъ дѣломъ соединялось и гостепріимство, которое украинскіе делегаты находили въ палацахъ Чарторыжскаго. Такими благодѣяніями его пользовались: въ 1774 и 1775 г. протопопы Голоскевичъ и Богдановичъ; въ концѣ 1775 г.—Священники Григорій Бѣлявскій и Михаилъ Пѣлѣховскій; въ 1776 году—протопопы чечельницкій Лука Романовскій и винницкій Илія Голоскевичъ; въ маѣ и іюнѣ 1778 года священники, имена которыхъ пропущены въ дѣлахъ Переяславской Консисторіи; наконецъ съ октября 1778 г. по февраль 1779 г. — священники корсунской протопопіи Іоаннъ Стоцкій и Іоаннъ Зелѣнкевичъ. Послѣдніе изъ сихъ делегатовъ, 21 октября 1778 года донося переяславскому епископу Иларіону о первоначальныхъ своихъ дѣйствіяхъ, по пріѣздѣ въ Варшаву, репортъ свой заключили такъ: „Просимъ ваше Преосвященство не оставлять письмами своими его сіятельства князя Чарторыжскаго, генерала земель подольскихъ, котораго мы тутъ за отца имѣемъ и который велѣлъ намъ къ себѣ всякій день ходить на обѣдъ и на вечёру“ [1]).

По просьбѣ о. Строцкаго князь Чарторыжскій исходатайствовалъ для православныхъ делегатовъ конвой, состоявшій изъ двухъ козаковъ, которые изъ м. Полоннаго провожали ихъ въ Варшаву и обратно. Но заботливость сего князя о православныхъ делегатахъ этимъ еще не оканчивалась,—онъ желалъ своевременно получить извѣстіе даже о благополучномъ возвращеніи ихъ на мѣсто жительство. Поводомъ къ послѣдняго рода заботливости былъ слѣдующій, недавно предъ тѣмъ совершившійся фактъ. Духовные правители Украины Семенъ Переровскій и Михаилъ Гуранда составили жалобу на имя императрицы Екатерины II и, съ разрѣшенія переяславскаго епископа Іова, от-

---

[1]) Делегаты Стоцкій и Зелѣнкевичъ уклонились отъ отведеннаго для нихъ помѣщенія въ палацахъ Чарторыжскаго, потому что первый изъ нихъ не отличался трезвостію,—о чемъ секретарь Коссаковскій упоминаетъ въ своемъ письмѣ, писанномъ о. Строцкому 29 января 1779 года, гдѣ онъ, между прочимъ, совѣтуетъ ему избирать делегатовъ болѣе благонадежныхъ для дѣла. Оригиналъ сего письма приложенъ къ дѣламъ переяславской консисторіи за 1779 годъ.

правились въ С.-Петербургъ въ качествѣ депутатовъ отъ православныхъ украинскихъ исповѣдниковъ. По разсмотрѣніи ихъ жалобы въ Иностранной Коллегіи, Императрица 7 ноября 1771 года дала имъ на руки рескриптъ на имя Румянцева, предписывающій ему защищать православныхъ украинцевъ. Съ этимъ драгоцѣннымъ документомъ Переровскій и Гуранда, не заѣзжая домой, поѣхали прежде всего къ Румянцеву, квартировавшему въ Яссахъ. На пути туда они остановились въ Балтѣ, гдѣ Гуранда пропалъ безслѣдно—погибъ отъ поляковъ, которые провѣдали о Высочайшемъ рескриптѣ, испрошенномъ этимъ протопопомъ. Въ виду этого факта Чарторыжскій слишкомъ безпокоился, когда своевременно не получилъ извѣстія о благополучномъ возращеніи на Украину протопоповъ Голоскевича и Богдановича, въ первой половинѣ декабря 1774 года выѣхавшихъ изъ Варшавы съ Королевскимъ универсаломъ „строго воспрещавшимъ уніатамъ чинить новыя обиды православнымъ украинцамъ". Предполагая, что съ Богдановичемъ и Голоскевичемъ случилось то же, что съ Гурандою, онъ 29 декабря 1774 года такъ писалъ къ Грановскому протопопу: „Всевелебнѣйшій господинъ архипресвитеръ! По извѣстнымъ причинамъ желаю узнать, гдѣ теперь находятся протопресвитеры Іоаннъ Богдановичъ изъ Краснаго и Илія Голоскевичъ изъ Янова. Соизвольте немедля о семъ донести и точно информовать. Ежели бы съ ними случилось какое либо несчастіе, прошу меня извѣстить, какъ можно найскорѣе, чѣмъ премного обяжете вашего зычливаго слугу" [1]). Безпокойство Чарторыжскаго касательно православныхъ делегатовъ было ненапрасно. Когда протопопы Романовскій и Голоскевичъ, въ 1776 году, возвратившись изъ Варшавы, захотѣли обнародовать привезенный ими Королевскій универсалъ, то переодѣтые, по распоряженію полковника Іерлича, польскіе жолнѣры на площади м. Бершады страшно избили ихъ, другихъ же священниковъ, бывшихъ тамъ же, страшно изувѣчили, поломавши имъ руки и ноги [2]).

---

[1]) Рукописи протопопа Строцкаго стр. 13.

[2]) Дѣла переясл. консисторіи за 1778 г. см. Меморіалъ, поданный королю 20 ноября 1778 г.

Переписываясь сперва съ Іовомъ, а потомъ Иларіономъ, переяславскими архіереями, и касаясь тѣхъ результатовъ, какими сопровождались жалобы украинскихъ делегатовъ, Чарторыжскій не хвалился своимъ горячимъ участіемъ въ достиженіи сихъ результатовъ. О таковомъ участіи князя своевременно сообщалъ въ Переяславъ протопопъ Строцкій, руководившій дѣломъ защиты православія, и кабинетный королевскій секретарь Коссаковскій, собственными глазами видѣвшій все то, что дѣлалъ сей князь на пользу православія. Основываясь на свѣдѣніяхъ, получаемыхъ отъ этихъ лицъ, а равно и отъ самыхъ делегатовъ, переяславскіе архіереи долгомъ своимъ считали письменно благодарить Чарторыжскаго за его благодѣянія. Изъ числа таковыхъ писемъ, хранящихся въ архивѣ Кіевской Консисторіи, при дѣлахъ Переяславской Консисторіи съ 1774—1779 годъ, опубликуемъ хотя одно, писанное епископомъ Иларіономъ 5 декабря 1778 года. „Сіятельнѣйшій князь Адамъ Адамовичъ Чарторыжскій, генералъ земель подольскихъ, староста кременецкій и летичевскій!“

„Гонимые въ польской области отъ стада моего и страждущіе благочестивые священники отличными Вашего Сіятельства хвалятся много милостями и благопризрѣніемъ, всякій день и всякое время имъ являемыми. И я то съ особливѣйшимъ пріемля удовольствіемъ, Вашему Сіятельству приношу благодарность мою. Множайшія и человѣколюбивыя благодѣянія Ваши служатъ точнымъ проявленіемъ Вашей благодѣтельной души и въ благодарной моей памяти и страждущихъ пребудутъ въ роды родовъ. Какъ же Вашему Сіятельству извѣстно, до какой крайности гонимые дошли, они съ приходовъ согнаны и съ домовъ, лишены имѣній и здоровья, и не только въ томъ не чувствуютъ никакой ослабы, но еще вящшихъ ожидаютъ озлобленій: то прошу Ваше Сіятельство, елико можно, къ пользѣ и благоденствію ихъ подать имъ руку помощи и находящихся въ Варшавѣ ихъ повѣренныхъ не оставлять призрѣніемъ Вашимъ благосклоннѣйшимъ. Я же молю Всевышняго и молить буду всегда о укрѣпленіи силъ Вашихъ, о продленіи жизни Вашей до глубокой старости и о изліяніи на Васъ всѣхъ щедротъ Божіихъ и пре-

буду съ усерднѣйшимъ почтеніемъ Вашимъ усерднѣйшимъ Богомольцемъ и покорнымъ слугою

Иларіонъ, Епископъ Переяславскій".

Хотя князь Чарторыжскій принималъ горячее участіе въ защитѣ религіозныхъ правъ всѣхъ вообще украинскихъ православныхъ исповѣдниковъ, но благими послѣдствіями такого участія до поры, до времени пользовались только тѣ изъ нихъ, которые проживали въ грановскихъ имѣніяхъ, принадлежащихъ его отцу. Прихожане Грановской Іоненской церкви въ мемоpіалѣ своемъ, поданномъ 19 апрѣля 1790 года чрезъ своего настоятеля князю Чарторыжскому, такъ описываютъ положеніе православія съ 1706—1783 годъ въ Грантовскомъ ключѣ: „Незабвенной памяти Адамъ Сѣнявскій, каштелянъ краковскій, и князь Адамъ—Александръ Чарторыжскій, воевода русскій, увѣковѣчили свою любовь къ Богу и Его Святынямъ (храмамъ). Они даровали фундуши для постройки новыхъ и реставраціи ветхихъ храмовъ Божіихъ и разныя угодія для священнослужителей; а для всегдашняго содержанія Святынь Божіихъ въ благолѣпіи предоставили парохіанамъ право въ табельные (храмовые) дни справлять ежегодно кануны (производить медовареніе). Кануны сіи справлялись въ всемъ Грановскомъ ключѣ, начиная съ 1706 до 1783 года, при жизни ясневельможныхъ, достойныхъ вѣчной памяти колляторовъ, при ихъ наслѣдникахъ и при всѣхъ назначаемыхъ ими коммисарахъ даже до коммисара Бернатовича, т. е. до 1783 года. И кто только изъ высокопоставленныхъ особъ, проѣзжая чрезъ Грановскія маентности, взиралъ на святыни Божіи, тотъ невольно поражался ихъ внѣшностію, а если заходилъ въ самыя святыни, то изумлялся, видя ихъ чудное благолѣпіе, и завидовалъ присноnамятнымъ колляторамъ и дѣдичамъ, которые любовію къ святынямъ Божіимъ и заботливостію о нихъ стяжали вѣчное спасеніе душамъ своимъ" [1]).

Что же касается украинскихъ имѣній, принадлежавшихъ не князю Чарторыжскому, а другимъ польскимъ магнатамъ, то находившіеся здѣсь священнослужители и прихожане ихъ про-

[1]) Рукописи протопопа Строцкаго стр. 56 и 57.

должали испытывать всякаго рода лишенія, грабежи и угнетенія,—что зависѣло съ одной стороны отъ безсилія польскихъ королей и двоедушія Посполитой Рѣчи, которая, публикуя универсалы для защиты православія, потворствовала нарушенію ихъ, а съ другой—отъ крайней недобросовѣстности уніатскихъ митрополитовъ, прибѣгавшихъ къ разнаго рода іезуитскимъ изворотамъ, съ цѣлью противодѣйствовать не только выполненію такого рода универсаловъ, но даже выдачѣ ихъ. Для внесенія въ настоящую статью опишемъ изъ архивныхъ дѣлъ Переяславской Консисторіи (1778 и 1779 г.) одинъ изъ таковыхъ изворотовъ, тѣмъ болѣе, что возраженія противъ этого изворота составилъ протопопъ Строцкій. Украинскіе делегаты Стоцкій и Зелѣнкевичъ меморіалъ свой, съ приложеніемъ къ нему реестровъ и вѣдомостей о разнаго рода обидахъ, нанесенныхъ уніатами православнымъ, 20 ноября 1778 года вручили русскому чрезвычайному послу Штакельбергу для передачи, чрезъ литовскаго канцлера Хрентовича, польскому королю и его Радѣ. Копію сего меморіала и приложеній къ нему Хрентовичъ немедля сообщилъ уніатскому митрополиту Леону Шептицкому. Жалобы, изложенныя въ меморіалѣ и приложеніяхъ къ нему, оказались вполнѣ справедливыми, безспорными; а потому, по настоятельному требованію русскаго посла и по усиленному ходатайству князя Чарторыжскаго, король Станиславъ—Августъ Лещинскій съ своею Пресвѣтлою Радою обязательно должны быть дать сатисфакцію православнымъ делегатамъ вмѣстѣ съ тѣмъ выдать универсалъ для приведенія ея въ исполненіе. Но лукавая, іезуитская изворотливость Леона Шептицкаго помѣшала осуществленію долга правосудія. Уніатскій митрополитъ поспѣшилъ доложить королю и его Радѣ, что и уніатское духовенство можетъ представить взаимныя жалобы противъ разныхъ своевольственныхъ дѣйствій духовенства неуніатскаго и на этомъ основаніи просилъ отстрочить окончательную резолюцію по меморіалу благочествыхъ украинскихъ делегатовъ. Просимая отсрочка немедленно была дана, и этою отсрочкою Шептицкій задумалъ воспользоваться для окончательнаго отнятія у православнаго духовенства всѣхъ, еще принадлежавшихъ ему церквей. Но чтобы

при осуществленіи своего замысла стоять, такъ сказать, на юридической почвѣ, онъ представилъ въ Пресвѣтлую Раду короля слѣдующій докладъ.

„Вѣдать надлежитъ“, писалъ онъ, „что въ Брацлавскомъ воеводствѣ, близъ турецкой и татарской границъ, положеніе имѣющихъ на мѣстахъ или пустыхъ степяхъ, послѣ бывшихъ военныхъ разныхъ разореній, когда сдѣлалось спокойство, начали населять села и мѣстечки, или слободы, и за достаточнымъ поселеніемъ народа въ тѣхъ новоосѣдлыхъ селахъ и мѣстечкахъ, по желанію польскихъ господъ и ихъ подданныхъ громадъ, а по благословенію митрополитовъ и бискуповъ, соединеніе съ римско-католицкою церковью содержащихъ, позакладаны и выстроены суть церкви, которыя въ управленіи уніатскаго духовенства состояли даже до 1768 года. А въ этомъ году, по наущенію Мотренинскаго православнаго монастыря отца игумена Мелхиседека Яворскаго, при шайкѣ Желѣзняковои збунтовалась чернь украинская и ватажки ея съ пролитіемъ крови католицкой духовенство и народъ къ присоединенію власти духовной переяславской принуждали,—о чемъ обстоятельно явствуетъ манифестъ, занесенный въ городѣ Житомірѣ. А какъ чернь отъ такова самовольства усмирена, паки духовенство и народъ обратились къ прежнему послушанію своему пастыреви его преосвященству митрополиту, остались же единственно нѣкоторыя особы, съ коихъ одни за преступленія свои отъ настоящей уніатской духовной власти своей отчуждены отъ приходовъ, другіе же, льстя себя надеждою въ полученіи нѣкотораго начальства, какъ де священникъ каневскій Сvменъ Перeровскій, для продолженія единственно возмущенія между духовенствомъ замѣшательствъ и безпокойствъ, и согласуя власти духовной переяславской, учинили несправедливыя представленія, якобы издревле въ Польшѣ въ епархіи митрополіи кіевской были православныя церкви, какія уніатами захвачены были, и просили повелѣнія россійскимъ командамъ и за помощію тѣхъ командъ гвалтовно отъ уніатовъ паки церкви были отобраны, священство же разнообразно насиліями приневоливано было къ присоединенію духовной заграничной власти Переяславской неунитской въ 1772

году,—о чемъ также обстоятельно манифестъ явствуетъ, въ Житомірскомъ градѣ учиненный. А какъ только команды, разсмотрѣвши несходственное для себя дѣло, въ подаваніи защиты отказываться стали, то народъ и духовенство паки чрезъ поданіе въ унитскія консисторіи письменныхъ просьбъ къ прежнему обратились послушанію; а единственно нѣкоторые, одни преступники, другіе въ надежду полученія начальства отъ власти переяславской, третіи, опасаясь дальшихъ гонительствъ, остались отступниками и понынѣ таковыми состоятъ" [1]).

Вслѣдъ за подачею М. Шептицкимъ прописаннаго доклада уніатскіе оффиціалы Михаилъ Примовичъ, Янъ Любѣнскій и Янъ Яхимовичъ, по секретному предписанію того же Шептицкаго, разъѣзжая по всѣмъ владѣльческимъ дворамъ и разсылая письма къ болѣе вліятельнымъ польскимъ помѣщикамъ, давали имъ наставленія, какъ совращать простой православный народъ въ унію, какъ овладѣвать послѣдними церквами, еще остававшимися въ рукахъ православныхъ священниковъ, и какъ этому противозаконному дѣлу придать видъ законности. Привожу одно изъ таковыхъ писемъ, адресованное оффиціаломъ Любѣнскимъ въ 1779 году къ Голенъ-Невядомскому, чашнику Брестскому и Куявскому, проживавшему въ Дашевскомъ ключѣ. „Понеже, пишетъ оффиціалъ, власть россійскихъ войскъ престала уже входить въ духовные интересы, послѣ чего громады самые, по вдохновенію Святаго Духа, могутъ отбирать церкви отъ православныхъ поповъ и духовнымъ уніатскимъ отдавать; то чтобъ дѣло сіе имѣло теченіе надлежащимъ порядкомъ, было въ могуществѣ и не подверглось перемѣнамъ, благоволите, милостивый панъ добродзѣй, къ произведенію сего принять мое слѣдующее наставленіе: пусть громада, или два-три представители ея подадутъ мнѣ письменно свое желаніе въ слѣдующемъ: 1, что оные никакимъ образомъ не вѣдали заграничной духовной власти, но единственно за пастырей себѣ имѣли преосвященныхъ митрополитовъ, съ костеломъ римскимъ въ единеніе находящихся; 2, что

---

[1]) Копія этого доклада Леона Шептицкаго находится въ связкѣ дѣлъ переяславской консисторіи за 1779 годъ.

отъ оныхъ же пастырей всегда посвящаемы были ихъ приходскіе священники, имѣющіе презенты отъ дѣдичныхъ пановъ; 3, что отъ протопопа неунита, помощію россійскихъ войскъ, ихъ настоящій приходскій священникъ, будучи вязанный или битый, отъ приходской своей церкви былъ отдаленъ, и отъ времени такого то №№ по разнымъ мѣстамъ скитается бѣдно; 4, что оная жъ громада съ потомствомъ своимъ вседушно желаетъ пребыть и умирать въ повиновеніи пастырей, съ костеломъ римскимъ въ соединеніи находящихся, а никакой зарубежной власти не желаетъ, и оной отрекается, и въ разсужденіи самого того отдаляетъ отъ церкви православнаго священника, а прежде бывшаго уніата къ приходской ихъ церкви принимаетъ; въ таковомъ желаніи громада, отобравши ключь отъ схизметика и подписавшись на своихъ прошеніяхъ, пусть присылаетъ ко мнѣ двоихъ или больше человѣкъ съ тѣмъ; а я для памяти предбудущихъ временъ заведу оное прошеніе въ книги моего правленія и прикажу дать съ оного выпись. Прошу покорнѣйше пана добродзѣя непредать забвенію произвести сіе въ дѣйство. Еще же могли бы вы, пане добродзѣю, сіе наставленіе передать секретно двору Дашевскому, а наипаче для того, что уже и предъ тѣмъ поданы суть къ преосвященному архипастыреви отъ громадъ просьбы въ той же силѣ, которыя просьбы я отослалъ давно къ пану Стольнику для благополучнаго въ намѣреніи семъ успѣха. Симъ временемъ выѣзжаю въ Умань по пути же не примину быть вамъ челомъ и въ то время словесно передамъ вамъ все, чего на бумагѣ писать неудобно“ [1]).

Противозаконными дѣйствіями уніатскихъ оффиціаловъ число православныхъ украинскихъ церквей во второй половинѣ 1779 года до того сократилось, что въ нѣкоторыхъ протопопіяхъ (исключая Чигиринской, Богуславской, Смѣлянской и Черкасской) ихъ оставалось по двѣ или по три, а въ Уманской, Животовской, Краснянской, Чечельницкой и Винницкой всѣ до одной

[1]) Копію какъ сего письма, такъ и другихъ ему подобныхъ, протопопъ Строцкій 15 іюня 1779 года при доношеніи своемъ представилъ въ переяславскую консисторію. См. дѣла переясл. консисторіи за 1779 г., которыя хранятся въ архивѣ кіевск. консисторіи.

были отняты,—что, какъ пишетъ протопопъ Строцкій въ рапортѣ своемъ преосвященному Иларіону, епископу переяславскому, отъ 15 іюня 1879 года, „было съ причины самаго Его Величества Польскаго Короля, давшаго разрѣшеніе отнимать церкви у православнаго духовенства“.

До прописанныхъ успѣховъ уніи въ польской Украинѣ недожилъ митрополитъ Леонъ Шептицкій. На пути изъ Варшавы въ Радомысль (гдѣ тогда была каѳедра уніатскихъ митрополитовъ) Шептицкій въ началѣ мая 1779 года останавливался въ мѣстечкѣ Полонномъ и, обнадеживши русскаго Генералъ-маіора Ширкова, что по пріѣздѣ на своею каѳедру, онъ не замедлитъ дать сатисфакцію на всѣ справедливыя претензіи неунитовъ, выѣхалъ оттуда утромъ 11 мая, а 12 вечеромъ прибылъ въ Радомысль, гдѣ на 13 число скоропостижно умеръ.

Задушевному другу и пріятелю Грановского протопопа королевскому секретарю Антонію Коссаковскому казалось, что по смерти главнаго и самаго опаснѣйшаго врага православія, Шептицкаго, не трудно будетъ поправить бѣдственное положеніе православной церкви и ея священнослужителей въ польской Украинѣ, а потому онъ изъ Варшавы прислалъ о. Строцкому письмо, въ которомъ совѣтовалъ возобновить защиту православнаго духовенства, такъ неудачно окончившуюся въ концѣ 1778 и въ началѣ 1779 года. Послѣдній поспѣшилъ донести переяславскому архіерею о совѣтѣ Коссаковскаго и въ отвѣтъ на свое доношеніе изъ Переяславской Консисторіи получилъ указъ, которымъ предписывалось ему „совмѣстно со всѣми украинскими протопопами и старѣйшими священниками 1, составить возраженіе противъ отвѣтныхъ пунктовъ митрополита Шептицкаго (т. е. его доклада) на меморіалъ украинскихъ депутатовъ, отъ 20 ноября 1778 года поданный польскому королю и 2, избрать новыхъ благонадежныхъ протопоповъ для поѣздки въ Варшаву и представленіи этого возраженія королю и его совѣту“ для дохожденія на будущемъ сеймѣ удовольства по своимъ дѣламъ“ [1]).

---

[1]) Указъ этотъ находится между дѣлами переяславской консисторіи за 1779 годъ.

Требуемое указомъ Консисторіи возраженіе, послѣ совѣщанія съ протопопами и старѣйшими священниками, вызванными въ м. Грановъ, о. Строцкій составилъ и 2 іюня 1779 года представилъ въ Переяславскую Консисторію, которая нашла оное „вполнѣ удовлетворительнымъ и годнымъ для дѣла“. Спишу до словно это возраженіе, какъ полемическій трудъ, принадлежащій перу приснопамятнаго Грановскаго протопопа, болѣе полувѣка защищавшаго православіе на Украинѣ.

„Не вступаемъ въ познаніе привилегій и правъ древности религіи греческой неунитской, которое великимъ лицамъ свойственно, только возражаемъ противъ отвѣта, даннаго 15 декабря 1778 года преосвященнымъ Леономъ Шептицкимъ на пункты, отъ стороны насъ неунитовъ поданные въ Варшавѣ, и представляемъ нѣкоторыя доказательства, свидѣтельсвующія, яко религія греческая неунитская (и ея исповѣдники чинъ духовный и посполитство) въ епархіяхъ Львовской, Галицкой и Каменецкой издревле содерживалась, въ воеводствахъ же Кіевскомъ и Брацлавскомъ по нынѣ содерживается, хотя въ не сносныхъ отъ уніатовъ притѣсненіяхъ и озлобленіяхъ чрезъ всѣ годы по сіи времена въ терпѣніи состоитъ“.

1. „Антецессоръ преосвященнаго митрополита уніатскаго Леона Шептицкаго, въ неуній бывшій епископъ львовскій Аѳанасій Шептицкій, располагая въ воеводствахъ Кіевскомъ и Брацлавскомъ порядки дѣлъ духовныхъ въ утѣсненіяхъ священства неунитскаго, издалъ универсалъ 1717 года августа 21 дня, который въ церквахъ благочестивыхъ, при собраніи народа въ неуніи бывшаго, по всей Украинѣ былъ публикованъ“.

2. „Что же Аѳанасій, епископъ львовскій, былъ православнымъ и до неунитскихъ церквей давалъ святые антиминсы по Украинѣ—о томъ свидѣтельствуютъ надписи на тѣхъ же антиминсахъ, сыскующихся въ церквахъ неунитскихъ“.

3. „Свидѣтельствуютъ книги, въ типографіи Львовской Ставропигіальной напечатанныя, яко церкви, священство и народъ неуніи въ издревле въ епархіяхъ львовской, галицкой и каменецкой, а найпаче въ Украинѣ въ воеводствахъ Кіевскомъ и Брацлавскомъ содерживались и до сихъ поръ въ исповѣданіи

своемъ неунитскомъ пребываютъ;—таковыхъ книгъ не малое число на Украинѣ имѣется".

4. „Вышеупомянутый епископъ Аѳанасій Шептицкій на Синодѣ Звмойскомъ, 1720 года бывшемъ, сталъ унитомъ, о чемъ на томъ же Синодѣ присяга на унію его и протчіихъ епископовъ свидѣтельствуетъ. На томъ же Синодѣ между споромъ съ Леономъ Кишкою, митрополитомъ унитскимъ, о правленіи священствомъ въ воеводствѣ Кіевскомъ и Брацлавскомъ далъ своеручно рескриптъ Леону Кишкѣ и въ томъ же рескриптѣ довольно свидѣтельствуетъ, что антецессоры его, безпрерывно прежде его будучіе, Варлаамъ Шептицкій, Іосифъ Шумлянскій и протчіе отъ самаго начала епископства львовскаго были въ неуніи: естьли жъ въ епархіяхъ Львовской, Галицкой и Каменецкой епископы, церкви, священство и народъ весь были въ неуніи, то кольмы паче въ воеводствѣ кіевскомъ и брацлавскомъ".

5. „По наступившей публикаціи конфирмованнаго отъ Рыму Синоду Замойскаго помянутый Аѳанасій Шептицкій, епископъ львовскій, будучи уже унитомъ, до Бару, а Леонъ Кишка, митрополитъ унитскій, до Житоміра 1727 года съѣхали, священство неунитское изъ всей Украины одинъ до Житоміра, а другой до Бару созвали, и унію принять принуждали; одни протопопы явно на то пристали, а другіе, воротясь въ домы, древнюю религію вѣры своей содержали".

6. „Въ тѣ времена скоро наступила коронація короля Станислава Лещинскаго, по причинѣ чего вошло въ Польшу войско россійское, а тѣмъ самимъ отъ вышеупомянутыхъ Леона Кишки и Аѳанасія Шептицкаго принужденіе священства на унію пресѣклось. Православный митрополитъ (архіепископъ) кіевскій Варлаамъ во воеводствѣ кіевскомъ и брацлавскомъ церквами, священствомъ и народомъ порядковалъ, о чемъ свидѣтельствуетъ святый антиминсъ отъ его на предмѣстье, называемое Штилѣвка, въ Немировѣ данные 1730 года 17 дня. Таковыхъ антиминсовъ по украинскихъ церквахъ не малое есть число".

7. „По наступленіи покоя, войска россійскія зъ Польши выступили, а власть уніатская тотчасъ на православне священство въ Украинѣ, въ Кіевскомъ и Брацлавскомъ воеводствахъ,

издревле въ уніи состоящее, утѣсненія подняли, всякими способами и брошеніемъ ихъ въ ямы, и въ тѣхъ долгимъ содержаніемъ, заключеніемъ въ тюрьмы, взятіемъ ихъ имущества, съ приходовъ, съ домомъ ихъ собственныхъ, напослѣдокъ изъ Польши изгнаніемъ къ уніи принуждали. — Каковые безправные гвалты до сихъ поръ не престаютъ продолжаться. Посмотри, святое правосудіе на доказательства самаго вышеупомянутаго Аѳанасія Шептицкаго, что во всей епархіи Львовской, Галицкой и Каменецкой, а тѣмъ найпаче въ воеводствѣ кіевскомъ и брацлавскомъ церкви, священство и народъ отъ предковъ своихъ были православны и уніи никогда незнали, посмотри и суди нанесеніе въ отвѣтѣ митрополита уніатскаго въ Варшавѣ дня 15 декабря 1778 года поданное, а кромѣ того пріими въ вниманіе манифесты отъ уніатовъ въ 1768 и 1772 г. въ Житомірѣ заявленые, яко бы издревле въ воеводствамъ Кіевскомъ и Брацлавскомъ унія была. Какъ же это съ праведливостію согласно?" [1]).

8. „Доноситъ преосвященный митрополитъ уніатскій, что, во время пріѣзда его въ Винницу и Радомысль, будто *добровольно, безъ малѣйшаго принужденія*, *громадъ* якобы *посредствомъ признанія повиновенія подано ему доношеній 133*,—что громадамъ ниже въ мысль было, но оффиціалы его Примовичъ кіевскій и Любѣнскій брацлавскій, прежде пріѣзду митрополита уніатскаго Леона Шептицкаго, по дворамъ прилѣжно шатались, доношенія, какъ имъ угодно было, до властей дворскихъ подавали, громады къ подпису на тѣхъ принудить наставляли, не смотря какую Христосъ Господь въ святомъ Евангеліи далъ преосторогу: *нѣсть тайна, яже не откроется*; ибо самые гро-

---

[1]) Манифестъ 1768 г. можно читать въ I т. „Acta grodskie i ziemskie", изд. во Львовѣ. Это—протестація украинскаго уніатскаго духовенства противъ игумена Мелхиседека Значко-Яворскаго и гайдамаковъ, заставлявшихъ жалобщиковъ отправляться къ переясл. архіерею и отрекаться отъ уніи. Эта протестація подписана 289 священниками; въ томъ числѣ съ удивленіемъ встрѣчаемъ подпись: Xiądz Ian Chryzostom Strocki, pleban i dziekan Granowski, manu propria. Нечего и говорить, что эта якобы собственноручная подпись сдѣлана безъ его вѣдома; тоже нужно разумѣть и относительно многихъ другихъ лицъ.

мады публично разгласили, какъ ихъ на доношеніяхъ, отъ консисторовъ уніатскихъ насланныхъ, дворскія власти подписаться принудили. Помянутые оффиціалы Примовичъ и Любѣнскій въ сладость поставляли себѣ тотъ трудъ, за который, похвалу отъ Леона Шептицкаго получивши, до Риму зарекомендованы, откуду ихъ крестами за то пожаловано; они до сихъ поръ безпрестанный трудъ свой продолжаютъ, принуждая громады съ доношеніями, чрезъ угроженія отъ дворскихъ властей, до своихъ консисторовъ ѣхать,—чего явнымъ доказательствомъ суть письмо оффиціала брацлавскаго Яна Любѣнскаго и экстрактъ записки громадъ къ сему возраженію приложенный".

„А что громадъ объявленія и подписи, въ консисторіяхъ уніатскихъ отъ принужденія дѣланныя, никакого значенія и важности не имѣютъ,—это легко усматривается изъ того, что тѣ жъ громады, обманомъ и насиліемъ подписанные на унію, сами по себѣ доказательство подаютъ, чего желаютъ;—они великимъ множествомъ ежегодно въ Кіевъ слѣдуютъ, гдѣ исповѣдуются и Тайнамъ Божественнымъ пріобщаются, да и протчія полезныя для себя Таинства получаютъ, засвидѣтельствуютъ о томъ на пограничныхъ главныхъ караулахъ стоящія команды польскія, какое множество народа не только съ кіевскаго и брацлавскаго воеводствъ, но изъ Подоліи, изъ Волыни прихожане уніатскіе ходятъ на богомолье въ Кіевъ, въ чемъ хотя препятствовали оффиціалы Примовичъ и Любѣнскій богомольцамъ тѣмъ угроженіемъ клятвою, а кромѣ того комендантовъ польскихъ подговаривали, чтобъ слѣдующихъ въ Кіевъ платежемъ денежнымъ отягощали, который отъ всякой особы зъ народа по копѣекъ двѣнадцать, отъ священника православнаго и жены его по рублю, отъ уніатскихъ же поповъ, коихъ тожъ не мало число ежегодно слѣдуетъ въ Кіевъ, по три рубля вымогали: однакъ отягощеніе таковое, единственно для препятствованія народу до Кіева ходящему чинимое, не въ состояніи было прекратить и запретить непрерывное въ Кіевъ слѣдованіе. А потому не ясно ли доказательство тайны сердецъ человѣческихъ, чего они желаютъ?

9. Изъясняется митрополитъ уніатскій, что *священноубійцы покойнаго Кирилла, протопопа Уманскаго, строгимъ арестомъ въ Умани чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ наказываемы были, властію уніатскою отъ приходовъ своихъ навсегда отлучены, и на цѣлый годъ сидѣніемъ въ тюрмѣ осуждены;*—посмотри святое правосудіе—какая это правда? Они священноубійцы Гаевскій, дзѣконъ уманскій, да Методовскій, приходскій попъ Тарговицкій и протчіи того дѣла участники, подъ политическій арестъ 1776 года іюня 22 дня взятые, было въ томъ же самомъ 1776 году августа послѣднихъ чиселъ ходатайствомъ оффиціала Любѣискаго выпущены; какъ же много въ томъ мѣсяцевъ?! *Отъ приходовъ на всегда отлучены*; а много лучшій Гаевскому въ селѣ Лузьмицахъ, владѣнія ясновельможнаго Острожскаго, а Методовскому въ Демовкѣ, владѣнія его сіятельства князя Любомірскаго, а въ обоихъ приходахъ по четыреста особъ имѣющихъ имъ же подавано; подобные жъ и протчимъ священноубійцамъ приходы подаваны. *На цѣлогоднее сидѣніе въ тюрмѣ осуждены*; почему 1776 года сентября мѣсяца въ тюрму опредѣлены, а тогожъ года въ мѣсяцѣ декабрѣ сидѣніе въ оной окончили. Познай же святое правосудіе, какое здѣсь цѣлогоднее сидѣніе въ тюрмѣ? А что убили протопопа, то сто дней отпущенія грѣховъ получили за то, и тотчасъ имъ священнослуженіе имѣть позволено. Таковое то было наказаніе за убійство протопопа!!

10. Доноситъ преосвященный митрополитъ уніатскій, что будто въ *противность трактата, 1768 года состоявшагося въ томъ же году сами собою неуниты безправно поступили и близко тысячи церквей отняли,*—на то отвѣтствуетъ: знаетъ цѣлая Украина и признаетъ, что Григорій Мокрицкій, оффиціалъ того времени кіевскій, зачавши отъ 1766 года чрезъ 1767 и 1768 годы, въ противность трактата того жъ 1768 года, безпрестанно священниковъ благочестивыхъ изгонялъ, и поелику то скоропостижно дѣлалъ, то, не могучи поповъ уніатскихъ выстачить до приходовъ, приказалъ со всякой протопопіи высылать по нѣсколько поповъ для взятія во владѣніе приходовъ благочестивыхъ; однакъ и таковымъ способомъ не могъ уніа-

товъ выстачить; ибо до всякаго уніата по пять и по шесть приходовъ въ досмотрѣніе опредѣлялъ, которые въ пропадаяніи прихожанамъ требъ христіанскихъ не могли удовлетворить, а чрезъ то не малое число дѣтей безъ крещенія, а взрослыхъ безъ исповѣди померло; послѣ бунтовъ же, неунитскіе священники никакихъ церквей не отбирали, кромѣ своихъ собственныхъ, отъ которыхъ уніаты были изгнаны“.

11. Что же преосвященный митрополитъ Леонъ Шептицкій въ надписи отвѣта своего неунитовъ *мнимыми отступниками* изъясняетъ, въ самомъ же отвѣтѣ наноситъ, будто *одни чрезъ страхъ за погрѣшность отъ власти своей наказанія, другіе жъ, надменны самолюбіемъ, полученіемъ нѣкотораго преимущества отступниками сдѣлались*,—и на то отвѣтствуемъ: не споримъ, что мы были уніатами, только жъ отмѣнность, а найпаче рознствіе не малое въ уніи отъ восточнаго греческаго древняго исповѣданія усмотрѣвши, познали, что таковая унія единственное отъ древняго греческаго исповѣданія восточнаго отступленіе, а Римскаго западнаго исповѣданія не принятіе;—доказательство имѣемъ отъ самой мнимой уніи, которая съ восточнымъ греческимъ неунитскимъ и западнымъ Римскимъ исповѣданіемъ есть не согласна.—А несогласіе сіе состоитъ въ слѣдующемъ“.

а) „Восточная греко-русская неунитская церковь отъ самыхъ святыхъ апостоловъ, по силѣ правила ихъ 50, въ купѣли святого крещенія ясно каждую особу Пресвятыя Тройцы выговаривать, погружая въ водѣ, или изливая три раза воду, узаконеніе содержитъ, такъ чтобы по изреченіи каждой особы говорить—*крещается во имя Отца*, прибавляя *аминь*, проговоря *и Сына*—прибавить *аминь*, проговоря *и Святаго Духа*—прибавить *аминь*. И сіи слова *аминь* присовокупляются не для того только, чтобъ означить *буди*, но паче для того, чтобъ ошибочно священникъ не излилъ только разъ воды, но три раза въ водѣ погружалъ, или три раза воду изливалъ.—Въ семъ согласуетъ и западная Римская церковь, ибо и въ правилахъ своихъ при обрядѣ крещенія даетъ священникамъ наставленіе сими словами: *три раза изливай воду*. А потому Римскіе ксензды,

три раза изливая воду, крещеніе совершаютъ. Уніаты отъ восточной древней церкви отступили, а съ Римскою западною церковью не согласуютъ, въ противность обоимъ церквамъ восточной и западной крещеніе отправляютъ, одинъ только разъ воду изливая;—такъ сказано въ установленіяхъ Замойскаго Собора, на которомъ сіе слово *аминь* выброшено съ формы и положено такъ въ исправкѣ книгъ, отъ Аѳанасія Шептицкаго 1738 года изданной и напечатанной;—такъ епископы уніатскіе научаютъ! А кто симъ образомъ разъ одинъ воду излилъ, пусть прочтетъ правило седьмое другого главнаго собора въ Константинополѣ поставленное, тогда онъ познаетъ за каково сіе крещеніе вмѣняется; въ правомъ же вышеупомянутомъ апостольскомъ 50 на погружающихъ или изливающихъ воду одинъ только разъ въ крещеніи—какова вина!!“

б) „Въ литургіи предъ сообщеніемъ Святыхъ Таинъ такъ говоритъ священникъ—*раздробляется и раздѣляется святый Агнецъ Божій.* Святый апостолъ Іаковъ, отъ Самого Христа Господа епископомъ въ Іерусалимъ поставленный, Духомъ Святымъ составилъ литургію наученъ; потомъ Святый Василій, великій и св. Іоаннъ Златоустъ, литургіи святой сочинители, не прибавили сихъ словъ—*Сынъ Отчій*; уніаты-жъ, по прихотямъ своимъ измѣняя Литургію въ 1738 году, чиноположенія отъ столь великихъ Церкви Божіей учителей установленны отбросили, да по одному своему мечтанію высокоумному, какъ при служеніи обращаться, шатать руками, очи и главу оказывать, служебникъ сюда и туда перелагать—уставили въ противность исповѣданія Котолицкаго; въ молитвѣ Восточной Церкви къ словамъ—*раздробляется и раздѣляется Агнецъ Божій* прибавили *Сынъ Отчій*, утверждая, что на многія части тѣло Христово дѣлится, на столько-жъ и Божество вмѣстѣ съ тѣломъ, слѣдовательно тѣло Христово совмѣстно съ Божествомъ на крестѣ страдало.“

в) „Избавитель Христосъ Господь, Святые апостолы и Святые Отцы узаконили отъ самого Агнца пріобщать народъ, какъ и самая свидѣтельствуетъ молитва—*раздробляется и раздѣляется Агнецъ Божій*; для кого-жъ?—для народа. Уніаты въ противность

таковаго спасительнаго узаконенія запретили отъ самого Агнца пріобщать народъ, а только частками, кои въ воспоминаніе торжествующей на небеси и вооружающейся на землѣ церкви, т. е. за живыхъ и умершихъ вынимаются, тѣми пріобщать велѣли, чего отъ временъ апостольскихъ понынѣ въ древнемъ греческомъ неунитскимъ обрядѣ никогда не слыхано".

г) „Епископы греческіе неунитскіе, по обыкновенію, со временъ апостольскихъ взятому, по одному на діаконы, а по одному на священники рукополагаютъ; такой же обычай и въ Римской церкви по одному на діакона, а по одному на священники посвящать понынѣ содержится. Уніатскіе же бискупы за однимъ разомъ по пятнадцать на діакона, а по пятнадцать на священника или и больше поставляютъ,—что есть противно восточной и западной церквамъ".

д) „Епископы греческіе неунитскіе отъ священства чиншовъ не взымаютъ, такожъ и римскіе бискупы отъ своего духовенства не берутъ; уніатскіе же бискупы съ каждаго прихода отъ священниковъ чиншъ, называемый катедратикъ, ежегодно по 12 злотыхъ, а того на оффяціалромѣ, писаря и прокуратора 4 злотыхъ въ казну свою собираютъ и симъ съ западною церковію не согласуютъ. Въ Кіевскомъ воеводствѣ съ Виленскою каѳедрою болѣе двухъ тысячъ церквей, въ Брацлавскомъ воеводствѣ болѣе тысячи церквей въ епархіяхъ львовской, галицкой и каменецкой болѣе двухъ тысячъ имѣется церквей. Суди сама справедливость, сколь знатенъ чиншъ отъ священства, кромѣ доходовъ съ добръ, до митрополіи и епископіи надлежащихъ!"

е) „Епископы восточные грекороссійскіе вечерни, полунощницы, утрени и часы, такъ какъ св. апостолы и великіе учители церкви св. восточной составили и узаконили, въ воскресеніе и праздничные дни сами служеніемъ отправляютъ, а въ прочіе дни присутствіемъ своимъ всякого времени къ теплымъ молитвамъ народъ побуждаютъ; то же самое и въ римской западной церкви видимъ; ибо молитвы отъ апостольскаго престола, въ книгѣ Полууставѣ положенныя, псалмы, пророчества, антифоны и иныя книги все духовенство читаетъ; уніатское же духовенство, а имено въ брестскомъ, володимірскомъ, холмскомъ

и почасти въ луцкомъ и львовскомъ уставы восточной церкви чинить, Псалтырь, Трифолой, Октоихъ и другія книги вовсе оставили, и римскихъ молитвъ не приняли, только одинъ Часословецъ и Полууставъ свой уніатскій включили для Праздника и Пятка чрезъ цѣлый годъ".

ж) „Читая житія св. отецъ, удостовѣряемся, что которые только были вѣрованію западному католицкому противны, а въ соединеніи исповѣданія католицкаго восточнаго согласовали, тѣ принятіемъ Таинъ доказывали свое соединеніе; уніаты жъ хвастаютъ, что и они исповѣданія католицкаго римскаго, яко на прѣсномъ хлѣбѣ истинное Тѣло Христово признаютъ быть, а ни какимъ образомъ принять и сообщаться тѣмъ не хотятъ, сказуя, что уніатамъ на прѣсномъ сообщаться хлѣбѣ неподобаетъ. Какое же соединеніе вѣрованія уніатскаго съ римскимъ, когда пріятіемъ Таинъ разнствуютъ и за неподобную себѣ по римски сообщаться считаютъ вещь; они суть только наружные исповѣдники римскаго закона, и по произшедшимъ съ римскимъ духовенствомъ неспокойствамъ каковыхъ срамныхъ злорѣчій довольно наслыхались мы"!

„Колико жъ другихъ разностей—умаленіе чинопослѣдованія проскомидіи, выброшеніе деисусовъ, стыдѣніе облачаться въ русскіе для служенія аппараты, и иныя новшества, которыя совсѣмъ древнюю греческую вѣру въ забвеніе приводятъ,—сихъ ради причинъ отъ мнимой уніи отступили мы".

12. Не пропустилъ преосвящ. митрополитъ уніатскій Леонъ Шептицкій смарать неунитовъ священниковъ и тѣмъ, будто *никакой власти не подвержены и суть самовольцы и преступники.*

Отвѣчаемъ: Кому неизвѣстно, что священство неунитское власти епископа Переяславскаго подвержено есть?—А что оно повинуется государственной власти—на это мы даемъ слѣдующее доказательство. Въ 1773 г. отъ полномочнаго русскаго посла зашло неунитамъ увѣщаніе, дабы во всякой спокойности пребывали и ожидали бъ милостивыхъ взглядовъ отъ великодержавнаго короля его величества милостиваго государя нашего и отъ пресвѣтлаго совѣта постоянно; посему неунитское духо-

венство и по сіи времена въ терпѣніи пребываетъ, и никакихъ досадъ уніатамъ не дѣлаетъ; въ томъ же 1773 году, по занесеннымъ жалобамъ отъ греко-неунитскаго священства, ясневельможный Познанскій, канцлеръ коронный, письмами своими напоминалъ епископамъ унитскимъ, дабы священство свое отъ обижденія неунитскаго духовенства воздерживали, и во всякой спокойности повелѣли бъ ожидать окончанія;—таковаго повелѣнія униты не слушали, чрезъ 1774 и 1775 годы церкви и приходы православные отнимали, и весьма чувствительныя обиды греко-неунитскому священству причиняли, о чемъ поданные того жъ времени пункта доказательно и ясно свидѣтельстуютъ.

13. Послѣ вышеупомянутыхъ утѣсненій, вновь причиненныхъ, принуждены греко-неуниты 1776 года второй разъ его величеству королю, милостивѣйшему государю нашему и пресвѣтлому постоянному совѣту съ полностію жалобу занесть на унитовъ, по которымъ занесеннымъ жалобамъ отъ его величества короля, милостивѣйшаго государя нашего, того жъ 1776 года марта 15 дня выданъ универсалъ, запрещающій гоненія и напоминающій пребывать во всякой спокойности. Униты, поступая явно противъ монаршихъ его королевскаго Величества въ универсалѣ объявленныхъ повелѣній, еще болѣе неунитовъ утѣсняли, церкви и приходы отбирали, разныя мученія неунитамъ причиняли, напослѣдокъ протопопа уманскаго Кирилла Зельнѣцкаго въ смерть вбили,—довольно ясно въ пунктахъ поданныхъ плачливыя жалобы гласятъ дѣйствія унитовъ.

14. Когда по убитіи протопопа Зельнѣцкаго, не перестали гоненія отъ унитовъ, то принуждены греко-неуниты третій разъ 1778 года прибѣгать къ миловердію его королевскаго величества и пресвѣтлаго совѣта, и жаловались на несносныя отъ унитовъ озлобленія, почему послѣдовало пресвѣтлаго постояннаго совѣта прекращеніе до полученія вѣдомости отъ преосвященнаго митрополита уніатскаго и дозволено продолженіе времени до подачи его сіятельству полномоченному послу россійскому; при томъ объявлено, что запрещено будетъ, какъ унитамъ причиненіе гвалтовъ, такъ и войсковымъ близъ границъ состоящимъ, не вмѣшиваться въ справы духовныя, имъ не при-

надлежащія,—что все на бумагѣ и при печати коронной милостиво тотъ же пресвѣтлый совѣтъ выдать изволилъ; униты же при трекратномъ напоминаніи отъ его величества короля, милостиваго государя нашего, и пресвѣтлаго совѣта данномъ, чтобы пребывать въ спокойности, вовсе противными стезями, разными способами неунитовъ утѣсняли, церкви, приходы и имущества отъ неунитовъ вновь поотбирали, напослѣдокъ и по чужимъ домамъ крыющихся и податки за употребленіе единой только воды уплачивающихъ выгонять посредствомъ господъ владѣльцевъ потщились. Вновь причиненныя утѣсненія и обиды предъ престоломъ его величества короля Станислава Августа, всемилостивѣйшаго государя нашего, и пресвѣтлымъ постояннымъ совѣтомъ съ глубочайшимъ смиреніемъ изъяснить желаемъ" [1]).

Для того, чтобы всѣ прописанные пункты оказались не преложными, отецъ Строцкій приложилъ къ нимъ письменныя неоспоримыя доказательства и кромѣ того реестры и вѣдомости о всѣхъ новыхъ обидахъ и угнетеніяхъ, которыя причинены были уніатами неуніатамъ послѣ 15 марта 1776 г. Этотъ трудъ грановскаго протопопа въ началѣ ноября 1779 года чрезъ генералъ-поручика Ржевскаго былъ отосланъ въ Варшаву на имя русскаго посла Штакельборга, но не достигъ той цѣли, для которой былъ написанъ.

Прот. П. Орловскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Копія сего возраженія и приложеній къ нему хранятся въ архивѣ кіевск. консисторіи въ связкѣ дѣлъ переяславской консисторіи за 1779 г.

РАСПОПЪ НИКОЛА.

(Разсказъ изъ давняго прошлаго).

I.

Въ исходѣ 1735 г. въ походную военную канцелярію фельдмаршала графа Миниха привели троихъ человѣкъ: *Черкашеня* города Чернигова, борисоглѣбской *катедры* іеродіакона Прохора Михайлова, черкасской Крыловской слободы попа Николая Семенова и брата его козака Федора Великаго. Отсюда по нѣкоторому секретному дѣлу отправили ихъ въ Москву—въ контору тайныхъ розыскныхъ дѣлъ. Монахъ и попъ представлены были въ этотъ страшный храмъ Фемиды 1 января 1736 г. жрецамъ сего храма это былъ новогодній подарокъ.

Новоприбывшихъ отдали подъ караулъ и записали *въ приводную колодниковъ книгу*.

Іеродіаконъ Прохоръ—сочинитель секретнаго дѣла, т. е. злостный доносчикъ. Родомъ онъ *Черкашенинъ*, родился въ малороссійскомъ Новгородкѣ[1]); *постриженъ* въ Новогородскомъ Спасскомъ монастырѣ въ 1713 г. архимандритомъ того монастыря Антоніемъ Стаховскимъ; а во іеродіакона посвященъ въ Черниговѣ, въ борисоглѣбской катедрѣ тѣмъ-же Антоніемъ, когда Антоній былъ Черниговскимъ архіепископомъ.

Въ томъ Спасскомъ монастырѣ жилъ Прохоръ Михайловъ по 1725 г. Въ этомъ году Антоній переведенъ былъ въ Тобольскъ, на его же мѣсто посвященъ былъ во епископа чер-

---

[1]) Нынѣ Новгородъ-Сѣверскъ черниговской губерніи.

ниговскаго архимандритъ Иродіонъ Жураковскій. Епископъ Иродіонъ бралъ монаховъ изъ разныхъ монастырей для службъ въ домъ свой епископскій; въ томъ числѣ и Прохоръ взятъ изъ Спасскаго монастыря, въ которомъ ему весьма хорошо жилось. Жилъ онъ въ Черниговѣ—въ архіерейскомъ домѣ лѣтъ пять. Отъ нападковъ того епископа Жураковскаго всѣ монахи изъ его дому разошлись по разнымъ мѣстамъ; а іеродіаконъ остался при ономъ епископѣ и былъ опредѣленъ для смотрѣнія вотчинъ епископскихъ и для хожденія за дѣлами, за которыми дѣлами *ходилъ* лѣтъ пять. Отъ того *великаго труда и многодѣлія* Прохоръ сталъ *пьянствовать*, желая себѣ, чтобъ его отъ того дѣла епископъ Жураковскій отрѣшилъ. Оный епископъ, видя пьянство Прохора, взялъ съ него *подъ неволею письмо за его Прохоровою рукою*, чтобъ ему, Прохору, не пьянствовать. Но онъ и послѣ того письма пьянствовалъ. Епископъ Иродіонъ, видя, что Прохоръ въ положенномъ на него дѣлѣ неисправенъ и пьянствуетъ, послалъ Прохора съ провожатымъ для исправленія въ суражскій монастырь. Этотъ монастырь, принадлежащій черниговской епархіи, находился за польскимъ рубежемъ—за рѣкою Ипою. Когда пріѣхали на заставу, провожатый подалъ офицерамъ письмо епископа,—и офицеры пропустили провожатаго. Въ суражскомъ монастырѣ принялъ іеродіакона Михайлова строитель іеромонахъ Даніилъ. Подъ смотрѣніемъ строителя Даніила жилъ онъ мѣсяцевъ съ пять. Даніилъ неусыпно присматривалъ за Прохоромъ и воли ему не давалъ; однако онъ убѣжалъ изъ суражской келіи и нѣкоторое время обрѣтался въ мошенскомъ монастырѣ. Въ 1735 г. послѣ праздника Петра и Павла пріѣхалъ Прохоръ въ Запорожскую Сѣчь къ іеромонаху Павлу „по знакомству и ради неимущества своего“. Тотъ іеромонахъ кіевскаго межигорскаго монастыря Павелъ съ прочими того-жъ монастыря іеромонахами обрѣтался въ Сѣчи для церковнаго священнослуженія. Прохору здѣсь очень хорошо жилось съ братіей. Онъ думалъ погостить въ Сѣчи долгенько; но случилось такое обстоятельство, что его выпроводили отсюда.

II.

Пробираясь въ Сѣчь, Прохоръ заложилъ *пѣвчую книгу ермолой* у жида Лейбы—жителя крыловской слободы. Лейба продалъ эту книгу о. Николаю Семенову. Въ ту самую книгу *вклепался* села Новоселецъ попъ Осипъ, т. е. призналъ за свою и взялъ ее, говоря, что она изъ церкви его пропала. О найденномъ ермолоѣ объявилъ Осипъ губернатору м. Медвѣдовки. Къ этому губернатору явились для оправданія о. Николай и Лейба; а медвѣдовскій губернаторъ велѣлъ попу Николаю, чтобы онъ сыскивалъ іеродіакона Прохора: потому-что въ въ новоселецкой церкви и другія пропажи учинялись. Попъ Николай Семеновъ сыскалъ того Прохора въ запорожской слободкѣ Никитиной и предложилъ ему, чтобы онъ ѣхалъ съ нимъ къ жиду Лейбѣ да къ губернатору въ Медвѣдовку. Іеродіаконъ Михайловъ не принялъ такого предложенія. Тогда по просьбѣ попа Николая наказный кошевой Иванъ Бѣлецкій выпроводилъ монаха Прохора изъ Сѣчи; а въ караульщики за онымъ Прохоромъ далъ казака Федора Великаго. Попъ Николай и родной братъ его казакъ Федоръ по пути заѣхали къ атаману пластуновскаго куреня Василію Хайку, жившему въ въ зимовникѣ возлѣ р. Саксагани. Добрый хозяинъ занялся угощеніемъ гостей. Кутнули порядкомъ. Подвыпивши казакъ Великій началъ болтать что-то нехорошее. Болтовню его подхватилъ монахъ—и объявилъ „царственное дѣло". Сейчасъ-же здѣсь произошла расправа съ монахомъ. Хайко, раздѣвъ Прохора, билъ его плетьми и спрашивалъ „о пропалыхъ изъ церкви книгахъ". Прохоръ объявилъ, что чернецы Дубенскаго монастыря дали въ закладъ ему ермолой и другія книги за взятую у него лошадь; а онъ Прохоръ ту книгу съ другими своими вещами положилъ *на збѣрежъ* у Ильи—жителя крыловской слободы. Хайко и гости его не повѣрили такому показанію и продолжали дубасить монаха. Тогда монахъ сказалъ, что ту книгу ермолой получилъ отъ попОваго шурина и отъ ткача Голубничего, живущихъ въ Новосельцахъ. Добывъ такое признаніе и по-

балгодаривъ Хайка за пріемъ, о. Николай и казакъ Великій отправились въ путь. До крыловой слободы было еще далако.

III.

Тамъ, въ крыловской слободѣ, попадья безпокоится о своемъ мужѣ. Вотъ уже четвертая недѣля, а его нѣтъ, да нѣтъ. Быть можетъ, татары убили его въ дорогѣ или взяли въ полонъ, думала она. Такія думы со дня на день болѣе и болѣе овладѣвали скучающей женой. Вотъ она и говоритъ своему малолѣтнему сынку Ивану: когда будешь идти изъ школы домой, зайди до старухи Прасковьи да попроси, чтобы о пріѣздѣ батеньки посмотрѣла—возвратится ли онъ домой или нѣтъ? Идучи изъ школы, сынокъ зашелъ къ ворожеѣ: „не сумнѣвайтесь; батенька, о. Николай, домой будетъ".

Если зачастую и теперь обращаются къ ворожеямъ образованныя женщины, т. е. дамы высшаго и средняго круга, просятъ у ворожей отвѣтовъ на мучительные вопросы о мужѣ, сынѣ, дочери или о пропавшихъ вещахъ,—то крыловская попадья прошлаго столѣтія тѣмъ болѣе не могла не прибѣгнуть къ ворожбѣ. Но въ тѣ поры ворожба преслѣдовалась правительствомъ.

Въ указѣ Е. Имп. В. Анны Іоанновны 1731 г. марта 20 напечатано такое: „Дабы впредь никто никакихъ мнимыхъ волшебниковъ въ домъ тайно и явно не приводили, и къ нимъ въ домы не ходили, и на пути о волшебствѣ разговоровъ съ ними не имѣли, и никакому душевредному ихъ ученію не обучались; а ежели кто впредь, гнѣва Божія не боясь и сего Ея Имп. В. указа не страшась, станутъ волшебниковъ къ себѣ призывать или къ нимъ въ домъ для волшебныхъ способовъ приходить, или на путѣ о волшебствахъ разговоры съ ними имѣть и ученію ихъ послѣдовать, или такіе волшебники учнутъ собою на вредъ или мняще якобъ на пользу волшебства чинить,—то оные обманщики *кажнены* будутъ смертію *сожженіемъ*; а тѣмъ, которые для мнимой себѣ душевредной пользы, станутъ ихъ

требовать, учинено будетъ жестокое наказаніе—*биты будутъ кнутомъ*; а иные по важности винъ *кажнены* будутъ и смертію; а буде означенные обманщики такія богомерзкія дѣла за собою имѣютъ и винъ своихъ объявятъ сами безъ доношеніевъ на нихъ другихъ,—то оныя вины отпущены имъ будутъ безъ всякаго истязанія".

Крыловская попадья Марина была увѣрена, что ея сношенія съ ворожеей не откроются.

Старуха Прасковья утѣшила Марину: всетаки по временамъ становилось ей жутко: ее томило какое-то предчувствіе. И дѣйствительно, о. Николай велъ въ свой домъ злодѣя, который погубитъ его, а женѣ и дѣтямъ причинитъ бѣдствія.

IV.

Въ первый день Филиповки Маринѣ было особенно грустно. Она намѣревалась сегодня ночью побывать у старухи Прасковьи. Уже стемнѣло. Марина стала собираться къ ворожеѣ; но вотъ послышался шумъ у воротъ, она выбѣжала изъ хаты—и увидѣла свего мужа. О. Николай пріѣхалъ съ гостями—съ братомъ и монахомъ. Монахъ сказался настолько побитымъ, что не могъ встать съ повозки. Его ввели въ хату и положили на полу.

На радостяхъ Марина проболталась; сидя за столомъ (во время *вечери*) сказывала мужу своему: „Слава Богу, що ты въ домъ свій поздорову прыйихавъ; а я сумнительство объ тоби мала, думала, може татары тебе взялы,—и у ворожки пыталась; и ворожка Прасковья правду сказала, що ты прыбудешь до дому".

— Добра ворожка, ей-бо! Якъ въ глазъ влипыла и жинку не смутыла!—воскликнулъ Федоръ Великій.

— Чого-жъ то вы замишкалыся такъ довго? спросила Марина.

— Въ самой Сичи булы! Та ажъ тамъ піймавъ того черного клубука! Сказалъ о. Николай, указывая на лежавшее тѣло.

— Та ще й не хотивъ ихаты зъ нами! Пывъ непросыпуще та все казавъ: я неприкосновенная монашеская особа! Такъ мы цю особу та мерщій по потылыци! Изъяснилъ казакъ Великій.

Въ этотъ моментъ эта особа зашевелилась и начала издавать жалобные звуки.

— Чого то винъ стогне? спросила Марина.

— А того, що зъ нымъ грався Хайко: бачите, роздягъ манашеську особу та жаривъ іи плетьми! отрапортовалъ казакъ.

— А за що-жъ винъ его бывъ?

— А языкъ его до того довивъ! сказалъ о. Николай.

— Брехню завивъ на кого, чи що?

— О кныгахъ брехавъ...

— Перестаньте о томъ говорить! Я уже объявилъ вамъ за собою царственное дѣло—и еще разъ объявляю! произнесъ черный клобукъ—Прохоръ.

Всѣхъ передернуло отъ такихъ словъ. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Яке-жъ це ты маешь царственне дило? Га? Кажи? возвысивъ голосъ Федоръ.

Монахъ замолкъ и лежалъ недвижимо.

— Якъ тильки на свитъ благословыцця, поведемо его въ Медвѣдовку,—тамочки буде дило, добре буде дило! говорилъ Федоръ.

— Да, да, раненько поведемъ его до губернатора! отвѣчалъ о. Николай.

Утомленные дорогой о. Николай и братъ его спали богатырскимъ сномъ. Чуть-чуть начало свѣтать, какъ они уже были на ногахъ. Выпивъ по чаркѣ горѣлки и закусивъ наскоро, стали собираться въ путь: о. Николай пошелъ запрягать лошадь, а Федоръ занялся осмотромъ спыса, самопала и прочихъ своихъ казацкихъ оружій. О. Николай оповѣстилъ, что лошадь готова; уже онъ надѣлъ шубу, а казакъ уже насунулъ на лобъ капелюху и вознамѣривался идти за монахомъ; какъ въ этотъ моментъ вскакиваетъ Марина и сообщаетъ, что его нѣтъ тамъ, гдѣ онъ лежалъ. Опрометью бросились туда попъ и казакъ.

— Та винъ-же оттутечки лежавъ, га?

— Та мы тутъ же положылы его?

Пожимая плечами и растопыривъ руки, спрашивали братья одинъ другого торопливо и со смущеніемъ. Теперь Федоръ вполнѣ сознавалъ зловѣщее значеніе того, что объявилъ имъ чернецъ.

— Та винъ, мабуть, десь у другому мисти!.. Мабуть сховавсь! утѣшалъ Федоръ себя и брата.

Обыскали всѣ закоулки въ хатѣ и во дворѣ; но чернеца не нашли.

— Оце такъ-такъ! оце такъ штука, бачите, я тоби скажу... втикъ, га? отъ що!..

— Гм... вотъ это такъ притча во языцѣхъ!.. препаскудная штука... Я-жъ говорилъ, що намъ будетъ зъ нимъ лихая година...

— Ай-ай-ай!.. какое-жъ мерзкое дило выходить!.. Гм...

Такъ братья разсуждали между собою, стоя одинъ предъ другимъ.

— Велы, велы, а дома не вгледилы!.. Спидъ носа втикъ!.. И таки хто-жъ лихого чоловика кладеть спаты не закувавши?!... взывала Марина.

— Та ну вже хочь не досаждай! крикнулъ о. Николай.

— Та винъ же, здаеццямъ, черезъ сылу ступавъ зъ ноги на ногу!.. А втикъ... И не втямки, матери его трясця, що винъ тилько выдъ такій показуе.

Такъ разсуждалъ теперь козакъ.

— Да, винъ насъ настояще обманувъ! сознался о. Николай.

— Прямисинько одурачивъ ляпнула Марина.

— Та не досаждай-же, кажу! крикнулъ о. Николай.

— Та шо-жъ, нема чого робыты, треба шукаты! посовѣтовалъ козакъ.

— Разумѣется, само собою, що треба искать! подтвердилъ о. Николай.

Крыловскій попъ, козакъ Великій, крыловская команда искали чернеца Прохора по всѣмъ окрестнымъ мѣстамъ. Но

никто изъ нихъ не получилъ свѣдѣній о бѣглецѣ: Прохоръ какъ въ воду канулъ.

Сначала о. Николай безпокоился о томъ, не совершитъ-ли пересей Прохоръ донесенія о царственномъ дѣлѣ; а потомъ пересталъ безпокоиться: рѣшилъ, что онъ отправился на родину—въ Черниговскую епархію. Но о. Николай ошибся. Прохоръ Михайловъ отправился къ Миниху, объявилъ за собою царственное дѣло и обвинилъ въ этомъ дѣлѣ крыловскаго попа да брата его—козака Федора Великаго.

Была полночь. Сильный стукъ раздался въ воротахъ крыловскаго священника: то явились посланцы отъ фельдмаршала Миниха—и безъ всякихъ разговоровъ стали брать о. Николая и брата его. Марина—въ слезы, дѣти подняли крикъ, о. Николай падалъ на колѣни и слезно просилъ не брать его, ни въ чемъ неповиннаго. Но команда не внимала воплямъ: ей надобно было выполнить приказъ. Не прошло получаса, а команда уже мчалась съ крыловскимъ попомъ и запорожскимъ козакомъ.

— Нащо жъ вы оце прете насъ, хоть скажить? спросилъ козакъ. Отвѣта не послѣдовало.

— Пидъ Очакивъ пидемо чи що, га?

— Мы не знаемъ ничаво! отвѣтилъ конвойный.

— А черneця, часомъ не бачили тамечки?

— Гдѣ?

— А тамъ-же таки, куды оце насъ прете. Мабуть, десь стоите постоемъ—чи що?

— Тамъ есть какой-то монахъ.

— Оце такъ штука, я тоби скажу! Чи чуешь Микола? Оце втелепались такъ—такъ!

— Моя душа уже чуетъ, же онъ насъ оклеватавъ.

— Эге, оце обляпавъ, вражій сынъ! це виддячивъ, такъ-такъ! рѣшилъ чубатый козакъ и замолкъ.

По временамъ онъ задавалъ вопросы то конвойнымъ, то брату; но они были не словоохотливы, а братъ отвѣчалъ рыданіемъ.

V.

Сидя въ колодничьей палатѣ, о. Николай съ глубокой грустью вспоминалъ о женѣ и дѣтяхъ, да о томъ, какъ онъ, бывало, службу божію правилъ въ день новаго года. Горючія слезы выкатились у него изъ глазъ.

Козакъ Великій мысленно виталъ въ Сѣчи; вотъ тамъ *товариство* идетъ изъ церкви, звонятъ въ колокола. Мерещились ему братцы-сѣчевики, куфы горѣлки, бандуристъ, веселыя пѣсни и пляски. Онъ сдѣлалъ нѣсколько нервныхъ движеній, глядя на окружающую обстановку, сѣлъ и тоже зарыдалъ. Іеродіаконъ Прохоръ и жертвы его доноса не имѣли между собою сообщенія: они сидѣли въ разныхъ палатахъ. Очередь до нихъ нескоро дошла: почти два года томились они въ неволѣ, изнывая отъ тоски и неизвѣстности о томъ, что съ ними будетъ.

Царственное дѣло, объявленное Прохоромъ Михайловымъ, *слѣдовано* было въ іюлѣ и августѣ 1738 года. Результатомъ этого слѣдствія былъ *приказъ*, присланный 30 августа того же года въ канцелярію Московскаго синодальнаго правленія. Въ томъ приказѣ значилось такое: „По указу Ея Имп. В. и по опредѣленіямъ тайной канцеляріи и конторы *велено* попу Николаю Семенову за то, что онъ, *слыша* отъ брата своего казака Федора Великова *нѣкоторыя непристойныя слова* да отъ іеродіакона Прохора Михайлова, что онъ объявлялъ ему попу и тому козаку за собою царственное дѣло, *нигдѣ о томъ не донесъ*,— лиша священнаго чина учинить наказаніе: бить плетьми и сослать съ женою ево во Оренбурхъ на житье вѣчно“.

Вотъ до какой бѣды довело о. Николая столкновеніе его съ бѣглымъ монахомъ!

Какія непристойныя слова произносилъ казакъ Феодоръ Великій—неизвѣстно. Въ протоколѣ конторы тайныхъ розыскныхъ дѣлъ записано только слѣд.: „Іеродіаконъ Прохоръ доносилъ на казака Феодора Великова въ важныхъ непристойныхъ словахъ, а на попа Николая Семенова въ слышаніи тѣхъ словъ и что оной попъ нигдѣ о томъ не донесъ; и о томъ онъ Про-

хоръ на нихъ доказалъ, въ чемъ и означенной попъ Николай винился".

Какъ Прохоръ доказалъ свой доносъ, какъ винился о. Николай—тоже невѣдомо.

Казакъ Федоръ Великій подъ пыткой Богу душу отдалъ. Вѣроятно, и попа подвергали пыткамъ,—и онъ вынужденъ былъ дать таковое признаніе, какое желательно было услышать слѣдователямъ—генералу графу Семену Андреевичу Салтыкову, секретарю Степану Патокину и инымъ.

Сентября 15 дня надъ попомъ Николаемъ Семеновымъ чинили исполненіе приказа. Въ палатѣ московскаго синодальнаго правленія сняли съ о. Николая рясу, а канцелярскій служитель усѣкъ ему косу и обрѣзалъ бороду. Затѣмъ обнаживъ, Семенова, положили его на кобылу и били плетями. Отъ пятъ до шеи образовалась сплошная кровяная рана, струилась кровь, торчали тамъ и сямъ куски тѣла. Николай Семеновъ не могъ встать,—его понесли на рукахъ. Двѣ недѣли лежалъ онъ на излеченіи въ московской синодальной канцеляріи. Отсюда по приказанію конторы тайныхъ розыскныхъ дѣлъ отправили *распопу* Николая Семенова въ сыскной приказъ. Секретарь того приказа Петръ Витилевъ написалъ такую *помѣту* на указѣ московскаго синодальнаго правленія: „Распопа Николай Семеновъ *полученъ* октября 2 дня 1738 году; записавъ распопу въ въ книгу подъ № 1052, отдать его подъ караулъ, о полученіи репортовать немедленно".

VI.

Когда Семенова вели въ московское синодальное правленіе, то Прохора Михайлова вели въ сыскной приказъ,—это было въ концѣ августа. Колодникъ іеродіаконъ Прохоръ Михайловъ въ сыскномъ приказѣ былъ принятъ, отданъ подъ караулъ и въ приводную колодниковъ книгу записанъ. Сюда отправили монаха „для подлиннаго изслѣдованія о ворожбѣ жены поповой Марины, о кражѣ онымъ іеродіакономъ книгъ и о бытіи его за польскимъ рубежемъ".

Контора тайныхъ розыскныхъ дѣлъ относилась милостиво къ бѣглому монаху. Посылая его въ сыскной приказъ, она писала: „Оному іеродіакону Прохору за ево на казака Ѳедора Великова доносъ истязанія въ томъ приказѣ не чинить, ежели въ сыскномъ приказѣ по слѣдствію важныхъ ево каковыхъ винъ не явится“.

Въ сыскномъ приказѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ совершали подлинное излѣдованіе вышесказанныхъ дѣлъ. Нѣсколько разъ допрашивали порознь іеродіакона и распопу.

Распопъ утверждалъ, что жена его Марина Антонова ничего не говорила о ворожбѣ, что іеродіаконъ Прохоръ укралъ книгу *ермолой*. Іеродіаконъ Прохоръ *въ распросъ* сказалъ: „книгу ермолой положили ему черненцы дубенскаго монастыря за взятую у него лошадь, о чемъ вѣдаютъ села Новоселецъ поповъ шуринъ да ткачъ Голубничей; а той книги и другова ничего изъ новоселецкой церкви онъ не крадывалъ“. Затѣмъ сказывалъ о ворожбѣ Марины.

Нѣсколько разъ ставили лицемъ къ лицу Николая Семенова и Прохора Михайлова, задавали имъ вопросы и выслушивали ихніе разговоры. Эти очныя ставки начинались манеромъ очень интереснымъ и достойнымъ удивленія. Вотъ изъ колодничихъ палатъ привели монаха и распопа. Распопъ сталъ у подяческаго стола; къ нему подходитъ Прохоръ—*и они спрашиваютъ другъ друга о здоровьи*.

Господа слѣдователи, или присутствующіе сыскного приказа, бригадиръ Алексѣй Киселевъ, совѣтникъ Григорій Батуринъ, капитанъ Семенъ Любученковъ и секретарь Петръ Витилевъ ничего новаго не добывали изъ этихъ ставокъ. А попадьи Марины нельзя было сыскать: она убѣжала съ дѣтьми за польскій рубежъ—въ городъ Крыловъ, гдѣ имѣлся собственный домъ...

Самому іеродіакону Прохору надоѣло это *слѣдованіе*: оно похоже было на толченіе воды въ ступѣ. Надо было выдумать что нибудь новенькое. Онъ и надумалъ такое, что могло еще болѣе возвысить его во мнѣніи слѣдователей. Въ декабрѣ Прохоръ заявилъ, чтобы его представить присутствующимъ. Пред-

ставленный бригадиру Киселеву и прочимъ онъ объявилъ, что имѣетъ дѣло къ графу Семену Андреевичу Салтыкову. Киселевъ и прочіе спросили іеродіакона, зачѣмъ онъ просится къ его высокографскому сіятельству и по какому секретному дѣлу? А іеродіаконъ Прохоръ объявилъ: „секретнаго дѣла за нимъ нѣтъ; только когда онъ былъ за рубежемъ, то видѣлъ онъ за тѣмъ рубежемъ двухъ бѣглыхъ іеродіаконовъ изъ танбульскаго монастыря—Маркелла да Серапіона; оные Маркеллъ и Серапіонъ сами вырѣзываютъ печати, которыми печетями припечавываютъ бѣглымъ-же письма для проходу, да даютъ печати бѣглымъ же изъ Великороссіи монахамъ и монахинямъ; и поднынѣ іеродіаконы Маркеллъ да Серапіонъ живутъ за польскимъ рубежемъ въ м. Медвѣдовкѣ и въ с. Новосельцахъ".

Такъ Прохоръ выдавалъ, что низывается, головою своихъ товарищей, съ которыми обдѣлывалъ дѣлишки: вкупѣ съ ними вырѣзывалъ печати, фабриковалъ подложные пашпорты да крадывалъ вещи изъ новоселѣцкой церкви. Такъ заблаговременно, на всякій случай, онъ ограждалъ себя отъ обвиненія въ темномъ дѣлѣ, которое какъ-нибудь могло открыться.

Это донесеніе не относилось къ настоящему дѣлу; но оно было принято для сообщенія пограничнымъ властямъ.

Послѣ этого донесенія бригадиръ Киселевъ уже неустраивалъ свиданій и разговоровъ между распопомъ и бѣглымъ іеродіакономъ. Киселевъ и его сотоварищи почли слѣдствіе оконченнымъ и 24 декабря 1738 года опредѣлили учинить слѣдующее: 1) распопу Николая Семенова сослать въ Оренбургъ на житье вѣчно, и для того отдать ево къ отпуску при веденіи ссылочныхъ колодниковъ немедленно; 2) іеродіакона Прохора Михайлова отослать въ кіевскую губернскую канцелярію, чтобы дѣло о книгахъ и о ворожбѣ было слѣдовано въ той кіевской губернской канцеляріи: ибо оговоренные по сему дѣлу могутъ быть сысканы въ кіевскую губернскую канцелярію въ непродолжительномъ времени; 3) по изслѣдованіи вышепоказаннаго дѣла означенную жену Марину Антонову сослать изъ той губернской канцеляріи къ мужу ея въ Оренбургъ на житье вѣчно; 4) іеро-

діакону Прохору за ево на казака Федора Великова доносъ истязанія чинить не велѣно“.

Іеродіакона Прохора Михайлова отправили въ Кіевъ на ямской подводѣ въ сопровожденіи двухъ солдатъ. Доставка его въ Кіевъ обошлась казнѣ 6 руб. 36 коп.

Распопа Николая Семенова вырядили въ Оренбургъ на третій день праздника Рождества Хр. 1738 г. Когда вели его по Бѣлокаменной, то онъ не могъ равнодушно глядѣть на происходившее въ ней: народъ, по праздничному одѣтый, сновалъ по улицамъ; ходили толпы со звѣздою и съ вертепомъ, зычными голосами славили они Христа. Зарыдалъ Никола, а потомъ упалъ наземь. Конвойные пинками заставили его подняться и не отставать отъ прочихъ колодниковъ.

А. Полницкій.

Замѣтка по поводу записокъ А. А. Солтановскаго.

По вызову почтенной редакціи „Кіевской Старины“ рѣшаюсь сказать нѣсколько словъ относительно записокъ Солтановскаго, законченныхъ печатаніемъ въ этомъ журналѣ (Кіевск. Стар. 1894 г. № 3-й). Скрѣпя сердце, съ чувствомъ грусти и тоски, принимаюсь за перо, ибо долженъ погрузиться въ отдаленное прошедшее, полное воспоминаній о пережитыхъ скорбяхъ и радостяхъ, и говорить о лицахъ, давно уже отошедшихъ въ вѣчность, которыя не могутъ отозваться, возражать, спорить; берусь за перо во исполненіе нравственнаго долга возстановить нѣкоторыя событія, о которыхъ упоминается въ запискахъ Солтановскаго, въ надлежащемъ ихъ свѣтѣ, и помянуть добрымъ словомъ лицъ, вполнѣ заслуживающихъ того, несправедливо осужденныхъ и оговоренныхъ. Ручаюсь, что буду говорить сущую правду, по крайнему моему разумѣнію, упоминая только о томъ, что самъ видѣлъ и испыталъ, и что, надѣюсь, подтвердятъ немногіе, уцѣлѣвшіе въ жизни отъ давно минувшей эпохи, о которой повѣствуютъ записки Солтановскаго.

Какъ посѣщавшій въ одно время съ Солтановскимъ лекціи по филологическому факультету кіевскаго университета, я былъ лично съ нимъ знакомъ, часто разговаривалъ и даже пользовался его записками по нѣкоторымъ предметамъ курса. Солтановскій, отличавшійся вообще аккуратностію и трудолюбіемъ, обладалъ искусствомъ записывать лекціи, читанныя профессорами, особенно извѣстнымъ профессоромъ Селинымъ, такъ что

студенты довольно долгое время по исторіи русской литературы пользовались записками, составленными Солтановскимъ. Живо рисуется предо мною эта маленькая, смугленькая, съ курчавыми черными волосами, фигура молодого студента, при разговорѣ кротко, но съ нѣкоторою ироніею, улыбавшагося. Съ особымъ интересомъ и любопытствомъ приступилъ я къ чтенію первыхъ главъ, появившихся въ печати записокъ Солтановскаго, надѣясь встрѣтиться въ нихъ со многими, дорогими по воспоминаніямъ лицами, и вновь пожить на мгновеніе въ иной средѣ былой эпохи—времени молодости и юношескихъ увлеченій, но, увы, на первыхъ же порахъ разочаровался, и чѣмъ далѣе читалъ замѣтки Солтановскаго, тѣмъ болѣе онѣ поражали меня односторонностію ихъ, ничтожествомъ сообщаемыхъ имъ наблюденій, которыя больше всего направлены къ самовосхваленію. Предо мною трудно разрѣшимою загадкою возникъ психологическій вопросъ, какимъ образомъ и подъ вліяніемъ какихъ событій жизни этотъ кроткій, благодушный и отзывчивый молодой человѣкъ, какимъ знавалъ я его на школьной скамейкѣ обратился въ глубокаго и мрачнаго эгоиста, для котораго не дорого доброе имя не только людей для него постороннихъ, но даже ближайшаго товарища, притомъ впавшаго въ несчастіе и обиженнаго судьбою, а равно, какъ этотъ усердно занимавшійся наукою студентъ, представлявшій задатки широкаго умственнаго развитія и нравственной устойчивости, является въ концѣ концовъ въ своихъ словахъ и дѣлахъ узкимъ и совершенно одностороннимъ практическимъ дѣятелемъ, видящимъ весь міръ въ своей личности, отъ которой, какъ онъ полагалъ, только исходитъ правда и истинное пониманіе дѣйствительности; почти всѣ окружавшія его лица являются предъ нимъ заблуждающимися и погрязшими въ нравственной косности. Но, нѣтъ факта безъ достаточной причины, нѣтъ явленія безъ его основанія. Слѣдя постепенно за событіями жизни автора и вникая въ содержаніе его разсказовъ о своихъ дѣлахъ и впечатлѣніяхъ, я пришелъ къ тому заключенію, что слабая его натура не устояла подъ наплывомъ быстро и неожиданно послѣдовавшей съ нимъ перемѣны, къ которой притомъ не былъ онъ подготовленъ соотвѣтственнымъ

нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ. Изъ скромной доли учителя одной изъ провинціальныхъ гимназій, послѣ кратковременной службы инспекторомъ каменецъ-подольской гимназіи,— онъ вдругъ назначенъ былъ начальникомъ учебной дирекціи въ одной изъ губерній царства польскаго, т. е. завѣдывающимъ всѣми учебными въ ней заведеніями съ обширнымъ полномочіемъ организовать и установить таковыя, въ тяжелую и трудную эпоху, переживаемую тогда цѣлымъ краемъ, еще не умиротвореннымъ послѣ возникшаго возстанія. Въ царствѣ польскомъ является онъ не только администраторомъ, но и начальникомъ, поставленнымъ во главѣ учебныхъ заведеній для водворенія въ нихъ новыхъ просвѣтительныхъ началъ, чуждыхъ мелкой партійной борбы, которую вносили до сихъ поръ въ систему воспитанія люди, завѣдывавшіе имъ и имѣвшіе на него вліяніе. На новомъ высокомъ мѣстѣ у Солтановскаго, повидимому, закружилась голова, не находившая правильныхъ устоевъ въ широкомъ пониманіи предстоящихъ задачъ. И вотъ, совершая свой важный миссіонерскій подвигъ, дослужившись генеральскаго чина и большой пенсіи, Солтановскій задумалъ своими записками создать памятникъ своей дѣятельности вообще, а для того, чтобы она ярче и рельефнѣе выступила именно на темномъ фонѣ общей распущенности, небрежнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ окружавшихъ его и предшествовавшихъ ему лицъ, ихъ взяточничества и низости, онъ, можно полагать, рисуетъ дѣйствительность въ самыхъ мрачныхъ чертахъ, или, правильнѣе сказать, вездѣ видитъ только слабую ея сторону. Нельзя читать безъ улыбки, какъ въ нѣсколько мѣсяцевъ пребыванія своего инспекторомъ въ каменецъ-подольской гимназіи онъ уничтожилъ господствовавшіе будто бы здѣсь безпорядки и своеволіе въ средѣ учащихъ и учащихся, какъ подвизался онъ въ царствѣ польскомъ съ антиправительственными стремленіями поляковъ и разрушалъ ихъ козни, апатіею однихъ и распущенностію другихъ изъ числа русскихъ дѣятелей. Съ какимъ, напримѣръ, пренебрежительнымъ невниманіемъ относится онъ къ памяти извѣстнаго всей Россіи дѣятеля въ царствѣ польскомъ Н. А. Соловьева, стоявшаго въ то время въ главѣ управленія въ

царствѣ и прославившагося своею разумною, вполнѣ цѣлесообразною внутреннею политикою въ краѣ и созданіемъ въ немъ новыхъ соціальныхъ отношеній надѣленіемъ крестьянъ земельными угодіями и освобожденіемъ ихъ отъ помѣщичьяго произвола, какъ отзывается онъ о своемъ ближайшемъ начальникѣ—председатель Прав .Ком. Народнаго Просвѣщенія Ѳ. Ѳ. Витте,—энергичномъ и умномъ администраторѣ, не умѣвшемъ будто и нежелавшемъ поддержать добрыя начинанія Солтановскаго по устройству начальныхъ школъ. Въ своихъ запискахъ Солтановскій рисуетъ себя какимъ-то маленькимъ богатыремъ, которому вездѣ приходилось бороться съ темными вражескими силами, а между тѣмъ, если бы онъ, какъ бывшій долгое время учителемъ словесности, нѣсколько критически отнесся къ своимъ запискамъ, то непремѣно самъ пришелъ бы къ сознанію необходимости многое и многое измѣнить и исправить въ нихъ, какъ неудовлетворяющее самымъ примитивнымъ требованіямъ, предъявляемыхъ каждымъ учебникомъ о родахъ и видахъ литературныхъ произведеній, ихъ такъ называемымъ „мемуарамъ и запискамъ", именно: пишущій ихъ о своемъ времени долженъ строго отличать видѣнное и испытанное имъ самимъ отъ того, что дошло къ нему по слухамъ и изъ разсказовъ другихъ лицъ, въ большей или меньшей степени опредѣляя и относительную достовѣрность сообщаемыхъ свѣдѣній. Обращаетъ на себя также вниманіе слѣдующее обстоятельство; проживая одинъ изъ важнѣйшихъ историческихъ моментовъ въ жизни своей родины, ознаменовавшійся коренными преобразованіями по всѣмъ отраслямъ государственнаго строя, въ томъ числѣ созданіемъ цѣлой системы народнаго образованія, реформою среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, авторъ, какъ служащій по Мин. Нар. Просв., не обмолвился ни единымъ словомъ о предметахъ, которые, повидимому, могли бы его болѣе всего интересовать и занимать, между тѣмъ, какъ цѣлыя страницы его записокъ заполнены сообщеніями о разныхъ сплетняхъ и выдумкахъ досужихъ вѣстовщиковъ мелкаго провинціальнаго круга.

Замѣчанія мои, насколько они возможны относительно нѣкоторыхъ невѣрныхъ и несправедливыхъ показаній Солтанов-

скаго, будутъ касаться исключительно періода службы его въ г. Каменецъ-Подольскѣ инспекторомъ мѣстной гимназіи (1864—1866 г.). Писать замѣчанія на записки, подобныя запискамъ Солтановскаго, очень трудно, мѣстами невозможно, ибо нужно было бы возражать почти противъ каждой строки, каждаго показанія автора, до того эти показанія невѣрны и не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Какъ видно, Солтановскій вовсе и не заботился о правдѣ; ему нужно главнымъ образомъ, въ извѣстныхъ ему цѣляхъ, произвести на читателя извѣстное впечатлѣніе, поэтому, напримѣръ, говоря о скромной квартирѣ бѣднаго и больного учителя гимназіи Малиношевскаго, онъ называетъ ее „элегантною“, а вся эта элегантность состояла въ недорогомъ фортепіано, ибо жена его отлично играла на этомъ инструментѣ, и очень скромной мебели, какую можно обыкновенно встрѣтить въ квартирѣ семейнаго съ небольшими средствами человѣка. Квартира Малиношевскаго мнѣ хорошо памятна, такъ какъ я навѣщалъ его довольно часто, особенно во время болѣзни. Такъ, повѣствуя о каменецкихъ докторахъ К. и Б., конечно, много небывалаго и выдуманнаго, Солтановскій для усиленія и украшенія своего разсказа о нихъ, какъ какихъ-то знаменитыхъ богачахъ, говоритъ, что К. изъ доходовъ отъ своей практики построилъ домъ въ 300 тысячъ. Такихъ домовъ нѣтъ и не бывало въ Каменцѣ, городѣ небольшомъ и не имѣющемъ никакого торговаго значенія. Притомъ, какъ извѣстно каменецкимъ старожилами, К. вообще не имѣлъ большой практики и если посѣщалъ больныхъ въ городѣ, то больше бѣдныхъ и неимущихъ по чувству великодушія и состраданія къ нимъ, при чемъ оказывалъ иногда даже матеріальную поддержку людямъ, крайне нуждающимся. Домъ, о которомъ говоритъ Солтановскій, построенный К., какъ носились въ городѣ слухи, на приданое жены, дочери одного изъ владѣльцевъ подгородняго имѣнія, недавно проданъ наслѣдниками К. за 30 т. рубл., или что-то около того. Разсказывая о выѣздѣ изъ Каменца переведеннаго на службу въ Варшаву бывшаго губернатора Брауншвейга, Солтановскій пишетъ между прочимъ, что въ день выѣзда пріемная его была полна съѣхавшимися на прощаніе по-

мѣщиками-поляками и богатыми евреями, и будто бы за экипажемъ губернатора, когда онъ выѣхалъ, потянулся длинный хвостъ экипажей помѣщиковъ и евреевъ. Это прямая выдумка автора, придуманная для характеристики Браунштейга,—сторонника будто поляковъ. Никто изъ помѣщиковъ-поляковъ и евреевъ-купцовъ не провожалъ Браунштейга на первую станцію „Нѣгинъ", гдѣ былъ приготовленъ прощальный завтракъ. Поляки заняты были тогда своими дѣлами по мятежу и еще не опредѣлили, какъ слѣдуетъ имъ держаться по отношенію къ властямъ, а богатыхъ евреевъ-торговцевъ въ Каменцѣ не много и они держали и держатъ себя въ сторонѣ отъ общества. Если, впрочемъ, при прощаніи съ выѣзжавшимъ губернаторомъ Браунштейгомъ, жители г. Каменца оказали къ нему нѣкоторое особое вниманіе, то оно было совершенно нормальнымъ явленіемъ, ибо въ немъ они разставались съ начальникомъ, управлявшимъ губерніею болѣе четырехъ лѣтъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, при трудолюбіи, терпѣніи и безпристрастіи. Каждаго являвшагося къ нему по своему дѣлу просителя, не смотря на его званіе и состояніе, вѣру и національность, онъ внимательно выслушивалъ, толковалъ, вразумлялъ и давалъ нужныя указанія по его дѣлу и соотвѣтственную резолюцію. Даже впослѣдствіи обвинявшіе Браунштейга въ слабомъ отношеніи къ разнымъ повстанскимъ манифестаціямъ и въ пристрастіи къ полякамъ, не отказывали ему въ особыхъ достоинствахъ, какъ администратору. Затѣмъ, какъ можно полагать, Солтановскій писалъ свои записки не въ то время, о которомъ разсказываетъ, а впослѣдствіи по сохранившимся, не всегда вѣрнымъ воспоминаніямъ, при чемъ, не стѣсняясь, приписывалъ нѣкоторымъ мѣстнымъ дѣятелямъ своего времени поступки и нравственныя качества лицъ позднѣйшей эпохи, о которыхъ ему привелось слышать. Къ такому заключенію привели меня разспросы относительно нѣкоторыхъ показаній Солтановскаго мѣстныхъ старожиловъ, жившихъ въ Каменцѣ все время съ шестидесятыхъ годовъ. Разсказывая, напримѣръ, о пріемѣ губернаторомъ Браунштейгомъ чиновниковъ, въ день св. Пасхи 19 Апрѣля 1864 года, послѣ всенощной и литургіи, Солтановскій пишетъ: Губернаторша принимала

гостей по-царски: вся въ кружевахъ, сидѣла въ креслахъ, поставленныхъ на какомъ-то возвышеніи; вокругъ нея полукругомъ стояли представлявшіеся чины и кушали изъ чашекъ бульонъ. Всякое новое лице отвѣшивало поклонъ губернаторшѣ и примыкало къ полукругу; губернаторша въ отвѣтъ поводила только бровями. Въ залѣ, кромѣ кресла губернаторши, стоялъ длинный столъ съ пасхальными яствами, другихъ столовъ и стульевъ не было, такъ что не на чемъ было присѣсть." Все сказанное здѣсь Солтановскимъ—чистая неправда; никогда ничего подобнаго не было и не могло быть по очень простой причинѣ: у Брауншвейга вообще не было обычая принимать въ день Пасхи чиновниковъ и знакомыхъ немедленно послѣ всенощной, а всѣ поздравляли его съ праздникомъ въ церкви, послѣ литургіи разговлялись у Преосвященнаго епископа, а потомъ уже послѣ часу желавшіе являлись къ губернаторшѣ съ поздравленіемъ. Надобно здѣсь присовокупить, что жена губернатора Марья Александровна Брауншвейгъ, женщина умная, кроткая и со всѣми вѣжливая, не была и способна къ подобнымъ, приписываемымъ ей Солтановскимъ, грубымъ и неумѣстнымъ выходкамъ. Какъ мѣстнаго старожила, знавшаго нѣкогда г-жу Брауншвейгъ, меня очень заинтересовалъ вопросъ, откуда Солтановскій могъ придумать подобную небывальщину, и изъ полученныхъ отвѣтовъ оказалось, что, дѣйствительно, жена одного изъ губернаторовъ послѣдующаго времени въ семидесятыхъ годахъ имѣла обычай приблизительно къ указанію Солтановскаго принимать въ день св. Пасхи подчиненныхъ своему мужу чиновниковъ. Разсказывая разныя небылицы о бывшемъ учителѣ гимназіи Малиношевскомъ и упомянувъ, что онъ будто бы былъ несчастенъ въ семейномъ быту,—Солтановскій говоритъ, что Малиношевскій въ душѣ нигилистъ и любившій выпить, часто уходилъ изъ дому и искалъ отдыха и успокоенія въ кругу пьяницъ, учителей семинаріи, проводившихъ время въ какихъ-то праздныхъ и безумныхъ бесѣдахъ о преобразованіи всего міра и ниспроверженіи существующихъ порядковъ, обратившихъ на себя вниманіе жандармовъ. Съ своей стороны могу завѣрить, что учителя семинаріи того времени подобною репутаціею въ обществѣ не пользовались, а всѣ они, повидимому, люди дѣлъ

ные и занимавшіеся исполненіемъ прямыхъ своихъ обязанностей, Притомъ, въ эпоху, о которой пишетъ Солтановскій, русскаго соціализма и нигилизма, какъ опредѣленнаго соціальнаго толка, не существовало, а обнаружилось только нѣкоторое броженіе молодыхъ умовъ, отзывавшееся въ повременной прессѣ и нѣкоторыхъ литературныхъ произведеніяхъ, не имѣвшихъ почти никакого вліянія въ провинціальной глуши, тѣмъ болѣе, что вниманіе русскаго общества Западной Россіи тогда исключительно было занято и поглощено борьбою съ польскою смутою. Позже, однако же, какъ оказывается изъ разспросовъ, въ семидесятыхъ годахъ, неумѣстные толки въ средѣ учениковъ семинаріи и неприличные ихъ поступки обратили на себя вниманіе начальства и вызвали наряженіе слѣдствія, почему, можетъ быть, Солтановскій считалъ себя въ правѣ назвать всѣхъ вообще учителей семинаріи и своего времени пьяницами и нигилистами. Нѣкоторые изъ тогда бывшихъ учителей семинаріи живы и даже занимаютъ видныя мѣста, почему полагаю, что на нихъ лежитъ прямая и священная обязанность разъяснить обвиненіе, возводимое Солтановскимъ на всю корпорацію, и смыть пятно, наносимое цѣлому учебному заведенію, ни мало не стѣсняясь въ изложеніи фактовъ, могущихъ характеризировать тогдашнее время, и говоря одну только правду, ибо, пожалуй, впослѣдствіи заявленіе подобнаго авторитетнаго по своему положенію лица, какимъ является Солтановскій, самъ представитель учебнаго вѣдомства, можетъ ввести будущаго историка края въ заблужденіе и послужить основаніемъ къ несовсѣмъ вѣрнымъ выводамъ и заключеніямъ. Указываемыя мною и разныя другія противорѣчія и неправильныя показанія Солтановскаго о каменецкой жизни можно отчасти объяснить тѣмъ, что послѣ выхода въ отставку въ семидесятыхъ годахъ, онъ перешелъ на жительство въ уѣздный городъ Брацлавъ Подольской губерніи, куда легко могли доходить къ нему слухи и толки о жизни губернскаго города, которыми онъ и воспользовался соотвѣтственно съ своими цѣлями. Все сказанное мною, большею частію, касается такихъ мелочей, о которыхъ повидимому не слѣдовало бы и упоминать;

но эти-то мелочи, сгруппированныя вмѣстѣ, лучше всего знакомятъ съ личностью автора и характеромъ его сообщеній.

Перехожу теперь къ главному предмету моей рѣчи, вызвавшему самое появленіе настоящей статьи,—это къ разсказу Солтановскаго о порядкахъ, существовавшихъ въ Каменецъ-Подольской гимназіи до появленія Солтановскаго на должность инспектора этого учебнаго заведенія, о бывшемъ до того времени директорѣ гимназіи Бякстерѣ, но особенно къ замѣткѣ автора о жизни и дѣлахъ нѣкоего бѣднаго учителя гимназіи Малиношевскаго. Оговариваюсь здѣсь, что ни въ то время, ни впослѣдствіи не принадлежалъ къ мѣстному гимназическому кругу, а пишу, какъ посторонній зритель и наблюдатель всего совершавшагося въ ней, по чувству правды и желанію возстановить истину въ отношеніи лицъ, на которыхъ взводятся неправильныя и пристрастныя обвиненія; съ Малиношевскимъ же, какъ бывшимъ моимъ школьнымъ товарищемъ, я былъ въ близкихъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Вполнѣ увѣренъ и надѣюсь, что мои слова встрѣтятъ полное сочувствіе многихъ еще живыхъ, бывшихъ учениковъ Малиношевскаго — воспитанниковъ мѣстной гимназіи, изъ которыхъ нѣкоторые занимаютъ видное положеніе въ обществѣ, заявлявшихъ мнѣ о негодованіи, возбужденномъ въ нихъ чтеніемъ записокъ Солтановскаго и его показаніями относительно порядковъ, существовавшихъ тогда въ гимназіи, и отзывами о ихъ любимомъ и уважаемомъ учителѣ Малиношевскомъ, котораго память для нихъ дорога.

Прибывъ въ Каменецъ, Солтановскій, подобно какому либо ревизору, прежде всего incognito хотѣлъ ознакомиться съ мѣстомъ своего будущаго служенія, почему, въ качествѣ частнаго лица, рѣшилъ пойти въ гимназію въ учебные часы, и вотъ въ какихъ словахъ описываетъ онъ найденные имъ тамъ порядки: „Поднявшись по парадной лѣстницѣ во 2-ой этажъ, я очутился предъ дверьми 2-го класса. Я подошелъ къ нимъ и взглянулъ въ стекло. Сначала я ничего не могъ разобрать. Классная комната была полна дыма или какого-то тумана. Мало по малу я различилъ сидящаго на кафедрѣ учителя, а затѣмъ и учениковъ на скамейкахъ. Большинство учениковъ самаго юнаго

возраста дымили папиросами, другіе, при помощи машинокъ, готовили папиросы, вездѣ на скамьяхъ лежали куски табаку и папиросная бумага. Иные ученики читали книги. Повидимому, никто не слушалъ объясненія учителя. На корридорѣ постоянно появлялись изъ классовъ ученики. Нѣкоторые надѣвали шапки и уходили, другіе шеренгами гуляли по корридору, а въ концѣ корридора собралась порядочная толпа, о чемъ-то горячо спорила и курила папиросы. На вѣшалкѣ виднѣлись вывороченные верхніе костюмы: пледы, чемерки, ксендзовскіе плащи, горальскія галиційскія бурки, свитки и ни одной ученической шинели. Гулявшіе по корридору ученики, даже мальчуганы лѣтъ десяти, одѣты были въ ботфорты, или походные штифли съ металлическими подковками". Полагаю, что даже бѣглое чтеніе написаннаго заставитъ читателя усумниться, чтобы въ гимназіи, при томъ въ губернскомъ городѣ, въ которомъ гимназическое зданіе находится въ одной изъ самыхъ оживленныхъ мѣстностей, могли существовать подобные описываемымъ Солтановскимъ порядки, какъ бы ни былъ слабъ надзоръ за ними начальствующихъ, какъ бы ни были апатичны и ничтожны учащіе,—поэтому, для опроверженія показаній Солтановскаго, мнѣ кажется совершенно достаточнымъ заявленіе многихъ тогдашнихъ воспитанниковъ гимназіи, что все сказанное имъ—чистая выдумка и ложь, о чемъ довелось мнѣ слышать отъ нихъ разъ и что готовъ подтвердить всегда каждый изъ нихъ. Но, сопоставляя показанія автора съ фактами, можно убѣдиться въ томъ еще болѣе и видѣть ясно, что Солтановскій зарапортовался и самъ себѣ противорѣчитъ, умалчивая о томъ, о чемъ говорить для него невыгодно. Всѣ безпорядки, существовавшіе будто бы въ гимназіи, Солтановскій приписываетъ бездѣятельности и слабости бывшаго директора гимназіи Бякстера, о которомъ скажу ниже; но онъ вышелъ въ отставку за годъ и болѣе до прибытія Солтановскаго, потомъ временно присланъ былъ для исправленія должности директора гимназіи Герасименко, а затѣмъ назначенъ на эту должность Теодоровичъ, о чемъ не упоминаетъ Солтановскій, не говоритъ также, каковъ былъ сей послѣдній, какъ относился онъ къ своимъ обязанностямъ, и по-

чему новый начальникъ, завѣдывая уже нѣсколько мѣсяцевъ учебнымъ заведеніемъ, не могъ ввести въ него какого либо, по крайней мѣрѣ, внѣшняго порядка; благоразумно умалчиваетъ также авторъ о составѣ учителей гимназіи—людяхъ образованныхъ и спеціально подготовленныхъ къ своимъ обязанностямъ, спокойно мирившихся съ подобными безобразіями, ибо тогда возникалъ бы вопросъ, почему никто изъ нихъ не протестовалъ, не заявлялъ о совершающемся въ заведеніи, не требовалъ обузданія мальчиковъ и установленія нормальныхъ отношеній. Окажется еще болѣе, что Солтановскій въ своемъ разсказѣ о найденныхъ имъ въ гимназіи безпорядкахъ допускаетъ неправду и извращаетъ истину, если принять во вниманіе, что осенью 1863 года, по поводу какихъ-то дерзкихъ выходокъ гимназистовъ противъ своего начальства, пріѣзжалъ въ Каменецъ для ревизіи бывшій попечитель кіевскаго учебнаго округа, разгромилъ ее, какъ тогда говорили въ городѣ, и распорядился исключеніемъ изъ заведенія нѣскольких учениковъ. Такимъ образомъ Теодоровичъ назначенъ былъ директоромъ гимназіи, какъ лицо, уполномоченное начальникомъ для исправленія замѣченныхъ въ ней недостатковъ и водворенія надлежащаго порядка. Опускаетъ также Солтановскій изъ виду, что польское возстаніе возникло весною 1863 г. и что хотя оно отчасти отозвалось среди мѣстной подольской шляхты, но тотчасъ же на первыхъ порахъ прекращено было полицейскими мѣрами, при участіи войскъ, что въ 1864 г. было обращено строгое вниманіе на прекращеніе всякихъ патріотическихъ со стороны поляковъ манифестацій, которыя, по примѣру Варшавы и другихъ городовъ Царства Польскаго, стали появляться въ предѣлахъ Юго-Западнаго края, что учреждены были здѣсь особые суды, подвергавшіе установленнымъ взысканіямъ лицъ, замѣченныхъ полиціею въ ношеніи траура, польскихъ національныхъ костюмовъ и разныхъ символическихъ знаковъ, указывающихъ на страждущую и угнетенную отчизну, т. е. Польшу. Такимъ образомъ рѣшившійся появиться на улицахъ города въ чемеркѣ, ботфортахъ, какомъ-то ксендзовскомъ плащѣ, здѣсь не извѣстномъ, и т. п. рисковалъ быть арестованнымъ полиціею, или попасться на

глаза начальнику расквартированной въ окрестностяхъ Каменца пѣхотной дивизіи графу Нироду, очень строго и сурово относившемуся къ разнымъ польскимъ затѣямъ и манифестаціямъ. Въ виду вышеизъясненнаго, я не придаю никакого вѣроятія показанію Солтановскаго о найденныхъ имъ будто бы на вѣшалкахъ въ гимназіи буркахъ, чемеркахъ, галиційскихъ плащахъ и т. п.

Столь же невѣрны, односторонни и пристрастны отзывы Солтановскаго о бывшемъ директорѣ каменецъ-подольской гимназіи Бякстерѣ, котораго онъ представляетъ какимъ-то выжившимъ изъ ума, пустымъ и жалкимъ старикашкою, исключительно занятымъ закупкою на базарѣ провизіи, нужной для дома и приготовленія обѣда. Покушавъ плотно съ губернаторомъ Брауншвейгомъ, съ которымъ будто бы Бякстеръ былъ въ близкихъ пріятельскихъ отношеніяхъ, и котораго часто приглашалъ на обѣдъ, усталый старикъ ложился спать и послѣ продолжительнаго отдыха отправлялся къ губернатору играть въ карты.

Какъ мнѣ извѣстно изъ моихъ личныхъ отношеній (съ Бякстеромъ я былъ знакомъ), еще больше по отзывамъ свѣдущихъ и вполнѣ достойныхъ вѣры лицъ, Бякстеръ былъ основательно образованный, честный и прямой старикъ. Онъ свободно читалъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, являлся знатокомъ классической древности, обладавшимъ обширными свѣдѣніями, добытыми постояннымъ внимательнымъ чтеніемъ ученыхъ произведеній; но по-русски говорилъ плохо, съ сильнымъ иностраннымъ акцентомъ, и, дѣйствительно, мало занимался дѣлами ввѣреннаго ему заведенія, апатично относясь ко всему совершающемуся въ немъ, отчасти, можетъ быть, по старости и вслѣдствіе упадка силъ, т. е. такого возраста, въ которомъ немногіе изъ достигающихъ его обнаруживаютъ полную энергію и бодрость духа. Иностранецъ по происхожденію и воспитанію (англичанинъ), онъ не былъ достаточно подготовленъ къ предстоявшимъ ему заботамъ и трудамъ управлять русскимъ учебнымъ заведеніемъ въ важную переходную эпоху конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, тѣмъ болѣе на окраинѣ Россіи,

населенной разными національностями, молодое поколѣніе которыхъ объединялось въ школѣ, но вносило въ нее рознь разнообразными своими стремленіями; какъ англичанинъ, слишкомъ довѣрявшій авторитету Таймса и другихъ англійскихъ газетъ и изданій, которыя съ особымъ усердіемъ и заботливостію собирали разныя нелѣпыя басни о доблестяхъ польскихъ повстанцевъ и варварствахъ русскихъ, Бякстеръ, пожалуй, не могъ даже понять истиннаго положенія дѣлъ въ Юго-Западномъ краѣ и различныхъ племенныхъ, сословныхъ и религіозныхъ отношеній его обитателей. По ходившимъ тогда въ городѣ слухамъ, Бякстеръ былъ воспитателемъ въ одномъ изъ высшихъ привилегированныхъ заведеній, гдѣ отличался своею дѣятельностію, откуда, какъ опытный и усердный педагогъ, попалъ на должность директора гимназіи. Замѣчательно, что Солтановскій говоритъ о немъ, какъ о любителѣ карточной игры, а также о какихъ-то его близкихъ дружескихъ отношеніяхъ къ тогдашнему губернатору Брауншвейгу, между тѣмъ какъ Бякстеръ совсѣмъ не игралъ въ карты и карточною игрою ни мало не интересовался, а всѣ отношенія его съ губенаторомъ ограничивались исключительно оффиціальными визитами и посѣщеніями, вызываемыми разными дѣлами. Солтановскій завѣряетъ, что послѣ обѣда директоръ крѣпко спалъ, а мнѣ хорошо извѣстно, что послѣ короткаго отдыха въ послѣобѣденную пору къ нему собиралось нѣсколько молодыхъ людей, его знакомыхъ, изучавшихъ подъ его руководствомъ англійскій языкъ, съ которыми онъ занимался чтеніемъ и объясненіемъ лучшихъ классическихъ произведеній англійской литературы. Какъ можно полагать, воспитанный въ пуританскомъ духѣ, Бякстеръ, напримѣръ, не могъ равнодушно смотрѣть на нѣкоторые католическіе обряды, особенно большіе крестные ходы, сопровождаемые предношеніемъ разныхъ изваяній Святыхъ и Богородицы, и прямо называлъ эти церемоніи „остатками язычества“. Привычками, унаслѣдованными воспитаніемъ и прежнею жизнію внѣ предѣловъ Россіи, можно объяснить близкое и непосредственное участіе, которое принималъ онъ въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ, занимаясь закупкою провизіи и т. п., такъ какъ за границею содержаніе прислуги обходится очень дорого,

почему и держатъ ее меньше, чѣмъ у насъ, и сами господа не рѣдко должны заботиться о своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, топить въ каминахъ, пригрѣвать и даже приготовлять кушанья. Бякстеръ постоянно ходилъ, украшенный орденами Св. Анны и Св. Станислава 2-ой ст., которые онъ имѣлъ; но это не было знакомъ его тщеславія и суетности, а вытекало изъ глубокаго его уваженія къ знакамъ отличія, которыхъ онъ удостоился за свою усердную службу, а равно къ исходатайствованному имъ утвержденію въ званіи потомственнаго дворянина. Какъ извѣстно, иностранцы вообще съ особымъ вниманіемъ относятся къ орденамъ и разнымъ титуламъ. Умирая, Бякстеръ поручилъ близкимъ своимъ вручить свои орденскія грамоты и грамоту на дворянство, хранившіяся въ особомъ ящикѣ, сыну. А что этотъ дряхлый и слабый старикъ хорошо понималъ задачи воспитанія, обладалъ достаточнымъ запасомъ свѣдѣній и умѣлъ передать ихъ другимъ,—лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что своего сына онъ, живя одинокимъ вдовцомъ, держалъ при себѣ до 15—16-лѣтняго возраста, самъ воспитывалъ его и давалъ ему уроки, а потомъ, послѣ достаточной подготовки, выслалъ на родину, въ Англію, для поступленія въ одно изъ тамошнихъ учебныхъ заведеній. Бякстеръ сынъ блистательно окончилъ лондонскій университетъ (Rinqs-College) по медицинскому факультету, занялъ потомъ кафедру терапіи въ томъ же учебномъ заведеніи и пользовался репутаціею хорошаго и свѣдущаго профессора. Умеръ онъ въ 1886 году, и послѣ его смерти былъ напечатанъ въ одномъ изъ лондонскихъ журналовъ очень сочувственный некрологъ усопшаго, какъ ученаго медика, съ приложеніемъ его портрета.

Но верхъ беззастѣнчивости, глумленія и какого-то безсердечія высказалъ Солтановскій сооображаемыми имъ свѣдѣніями о жизни и характерѣ дѣятельности бывшаго своего товарища по университету учителя Малиношевскаго, котораго онъ представляетъ инымъ, нежели онъ былъ на самомъ дѣлѣ, какимъ знали его знакомые и пріятели, и какимъ сохранили о немъ воспоминаніе многіе, живые теперь еще его бывшіе ученики по гимназіи.

Солтановскій засталъ уже Малиношевскаго психически больнымъ, полупомѣшаннымъ. Повѣствуя о своемъ посѣщеніи больнаго и описавъ его наружный видъ, а также коснувшись обстановки комнаты, которая показалась ему элегантною, авторъ говоритъ далѣе: „Малиношевскій забѣгалъ по комнатѣ и говорилъ о безсмысленныхъ, несправедливыхъ порядкахъ, о соціализмѣ, Шопенгаурѣ, Штраусѣ, потомъ Луи-Бланѣ, Фурье и такъ далѣе. Малиношевскій, продолжаетъ Солтановскій, изъ семинаристовъ, бывшій мой товарищъ по филологическому факультету, читалъ всеобщую исторію и, пользуясь покровительствомъ нѣсколькихъ важныхъ духовныхъ лицъ, ему приходившихся съ родни, надѣялся скоро получить въ Каменцѣ мѣсто инспектора, но это ему не удалось, откуда пошли всѣ прочія бѣды. Дошло до того, что бѣдный Малиношевскій постоянно уходилъ изъ дому къ семинарскимъ учителямъ и тамъ за попойкой разсуждалъ о преобразованіи судебъ всего міра и Россіи; обзавелся соціалистическими и атеистическими сочиненіями и на урокахъ исторіи сталъ посвящать своихъ учениковъ въ теоріи разрушительныя и зловредныя, благо въ гимназіи не существовало никакого контроля надъ преподавателями. Ученики стали обожать его, стали вѣрить, какъ въ непреложное, въ каждое его изреченіе. Онъ сталъ во главѣ нигилистическаго въ гимназіи направленія. Слухи о его дѣятельности не скрылись отъ жандармовъ, и для него повышеніе по службѣ, не смотря на покровительство и даже подкупъ, сдѣлалось невозможнымъ. Неудача въ семейной жизни, неудача по службѣ довели его нервы до крайней напряженности, и онъ рехнулся. Тогдашніе нигилисты вполнѣ сочувствовали революціонному движенію поляковъ. Поляки же, будучи себѣ на умѣ, вслѣдствіе своей католической ортодоксальности и строгой дисциплинировки, съ презрѣніемъ отзывались о бредняхъ нигилистовъ, но въ глаза ихъ поощряли во всѣхъ буйствахъ и манифестаціяхъ, старались выдвинуть ихъ впередъ, называя ихъ: dobrze myslięce russini“.

Повѣрьте, во всей этой тирадѣ, посвященной памяти Малиношевскаго, кромѣ показанія, что онъ былъ изъ семинаристовъ, нѣтъ ни одного слова правды, а всѣ сообщаемыя Солтановскимъ

свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ его товарища по университету, отчасти по службѣ,—плодъ досужаго воображенія автора. Никакихъ важныхъ духовныхъ родственниковъ Малиношевскій не имѣлъ и покровительствомъ ихъ не пользовался, слѣдовательно, при помощи ихъ, не могъ надѣяться скоро получить мѣсто инспектора гимназіи, а терпѣливо и честно служилъ учителемъ съ 1849 по 1864 годъ; никакого подкупа онъ не могъ сдѣлать, никогда не думалъ о немъ, да едвали въ его время деньгами и можно было что-нибудь сдѣлать, причемъ не мѣшало бы Солтановскому, дѣлая подобное показаніе, упомянуть, откуда ему сдѣлались извѣстны даже намѣренія его товарища. Малиношевскій содержалъ себя и семью однимъ жалованьемъ. Съ началомъ болѣзни, обнаружившейся въ концѣ 1863 г. полнымъ разстройствомъ пищеваренія, затянувшимся на неопредѣленное время, нужда и недостатокъ дали себя чувствовать со всѣхъ сторонъ; не ставало средствъ на жизнь и леченіе, чѣмъ былъ онъ озабоченъ, особенно, когда доктора посовѣтовали больному ѣхать куда-то въ гидропатическое заведеніе. Упадокъ силъ, нравственныя страданія, сознаніе полной своей безпомощности,—все это въ совокупности усилило болѣзнь, которая закончилась тихимъ помѣшательствомъ. Солтановскій представляетъ Малиношевскаго пьяницею, между тѣмъ какъ онъ былъ человѣкъ очень воздержный и трезвый, и не могъ даже напиваться, такъ какъ, по совѣту докторовъ, къ которымъ ему приходилось часто обращаться за совѣтами,—въ образѣ жизни онъ долженъ былъ сохранять строго-аккуратный режимъ. Съ цѣлымъ составомъ учителей семинаріи Малиношевскій не велъ знакомства, а былъ друженъ съ однимъ только инспекторомъ семинаріи Мартыновскимъ—своимъ школьнымъ товарищемъ съ дѣтства, учившимся потомъ въ кіевской духовной академіи въ то самое время, когда Малиношевскій слушалъ лекціи въ университетѣ Св. Владиміра. Мартыновскій—человѣкъ очень серіозный, семейный, благоразумный, былъ весьма далекъ отъ всякихъ нигилистическихъ и либеральныхъ увлеченій, пользовался репутаціею хорошаго учителя и внимательнаго къ своимъ обязанностямъ педагога; сохранилась о немъ добрая память въ многочисленныхъ

его ученикахъ, какъ можно въ томъ убѣдиться изъ появившихся по поводу его смерти въ 1891 г. въ Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ статей. Не мѣшаетъ здѣсь также замѣтить, что, кажется, никто изъ подолянъ русскихъ не попалъ въ число dobrze myslięcych russinów, и тѣмъ болѣе не принималъ участія въ буйствахъ повстанцевъ и польскихъ манифестаціяхъ. А вотъ мотивы, подавшіе поводъ Солтановскому упомянуть о какихъ-то важныхъ духовныхъ родственникахъ Малиношевскаго. Еще въ дѣтствѣ, лишившись отца и матери, онъ остался на попеченіи у своей бабушки, но содержалъ его въ школахъ, потомъ въ университетѣ родной его дядя балтскій священникъ Θеодосій Левицкій, въ свое время пользовавшійся большою извѣстностію, какъ проповѣдникъ и глубоко благочестивый пастырь, посвятившій свою жизнь благу паствы, а достатокъ на помощь страждущей братьи [1]). Священникъ Левицкій умеръ въ началѣ 1837 г., и тогда Малиношевскій, оставшійся безъ всякихъ средствъ, поступилъ въ число казенно-коштныхъ студентовъ университета. Другой дядя Малиношевскаго, съ которымъ онъ поддерживалъ связи до своей смерти, былъ настоятелемъ бѣднаго монастыря въ Бессарабіи, находившагося вблизи г. Могилева, по ту сторону Днѣстра. Лѣтомъ 1863 года больной Малиношевскій, все еще надѣявшійся на поправленіе здоровья, уѣхалъ къ этому своему дядѣ въ монастырь, гдѣ вскорѣ умеръ.

Въ частныхъ, пріятельскихъ отношеніяхъ Малиношевскій считался всегда честнымъ и добрымъ малымъ, какъ учитель— свѣдущимъ, справедливымъ и способнымъ педагогомъ. Прилежно и много занимавшійся въ университетѣ, онъ, по окончаніи курса, немедленно назначенъ былъ младшимъ учителемъ въ Немировскую гимназію, а потомъ вскорѣ переведенъ старшимъ учителемъ исторіи въ Каменецъ-Подольскую гимназію. Только черезъ 7 лѣтъ, по выходѣ изъ университета, я встрѣтился съ нимъ въ Каменцѣ, и въ своихъ разсказахъ о пережитомъ, онъ, между прочимъ, сообщалъ мнѣ о первыхъ своихъ шагахъ на педаго-

---

[1]) О жизни и дѣлахъ священника Левицкаго напечатана статья въ Русской Старинѣ за прошлые года.

гическомъ поприщѣ, потребовавшемъ усиленныхъ трудовъ и занятій. По его словамъ, надобно было все начинать съ начала, т. е. учиться и учиться. Въ Каменцѣ, какъ я могъ замѣтить, онъ также преданъ былъ своему дѣлу, приготовлялся къ урокамъ, составлялъ записки по разнымъ отдѣламъ исторіи, пользуясь сочиненіями, оказавшимися въ гимназической библіотекѣ. По своимъ убѣжденіямъ и направленію онъ именно былъ діаметрально противоположнымъ изображаемому въ запискахъ Солтановскаго. Былъ онъ вѣрующимъ христіаниномъ, какимъ оставался до конца жизни. Даже въ горячую пору тѣхъ увлеченій и теорій, которыми ознаменовалась у насъ эпоха конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, онъ былъ какъ бы чуждымъ всего совершающагося кругомъ его, не увлекался политикою и чтеніемъ разныхъ газетныхъ и журнальныхъ статей съ либеральными тенденціями, вовсе не интересовался разными заграничными того времени на русскомъ языкѣ изданіями, а если читалъ, то читалъ сочиненія и статьи, имѣвшія прямое отношеніе къ его занятіямъ, придерживаясь всегда правила:—non multum, sed multa, т. е. соединяя съ чтеніемъ и изученіе прочитаннаго. Основательно знавшій свой предметъ, человѣкъ умный и честный, онъ вовсе не заискивалъ и не имѣлъ нужды заискивать расположенія своихъ учениковъ разными пріемами популярничанья, а если пользовался уваженіемъ и любовью ихъ, то таковыя вызваны были добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, кротостію и отсутствіемъ въ преподаваніи и въ отношеніи къ учащимся сухого формализма, мертвящаго бездушія и полнаго застоя. Между нимъ и учащимися не возникало никогда недоразумѣній и пререканій, которыя нерѣдко нарушаютъ мирную жизнь заведенія, вслѣдствіе безпокойнаго нрава и притязаній нѣкоторыхъ учителей, привыкшихъ къ безусловному повиновенію и авторитетности каждаго ихъ слова для дѣтей, почему и предъявляютъ они (т. е. учителя) иногда не совсѣмъ соотвѣтственныя ихъ положенію требованія. Какъ хорошій преподаватель, Малиношевскій иногда приглашаемъ былъ давать частные уроки. Такъ, нѣкоторое время онъ занимался съ дочерью и сыновьями бывшаго тогда почетнаго попечителя

гимназіи помѣщика Косцѣльскаго, даже, кажется, жилъ у него. Уже и это отчасти доказываетъ, что Малиношевскій не былъ такимъ отчаяннымъ нигилистомъ и пьяницею, какимъ рисуетъ его Солтановскій. На совѣсти Солтановскаго остается содержаніе приводимаго имъ разговора съ Малиношевскимъ, а я могу только завѣрить, что онъ спеціально не изучалъ сочиненій Луи-Блана, Фурье, Штрауса, Шопенгауера, хотя въ томъ ничего преступнаго и вреднаго положительно я не вижу. Упомянутыя имена Солтановскимъ взяты на прокатъ—случайно, какъ болѣе подходящія его цѣлямъ. Еще о Луи-Бланѣ, Фурье, отчасти Штраусѣ, въ это время иногда кое-что вскользь упоминалось въ нашихъ журналъ и ученыхъ изданіяхъ; но переводовъ ихъ сочиненій на русскій языкъ не было, да и теперь нѣтъ [1]), а выписывать эти книги въ подлинникѣ Малиношевскій былъ не въ состояніи по своей бѣдности, да и встрѣтилъ бы къ тому непреодолимыя затрудненія и препятствія, особенно въ такомъ глухомъ углу, каковъ Каменецъ. Притомъ, тогда были иные божки, которымъ поклонялись наши любители новизны въ либеральномъ духѣ, это—Бокль, Моллешотъ, Бюхнеръ, Фоггъ и т. д. Гораздо позже выступаетъ въ нашихъ журналахъ имя Шопенгауера и появляются переводы его сочиненій. Къ жандармамъ никакіе слухи о Малиношевскомъ и его будто бы предосудительной дѣятельности не доходили и не могли доходить, ибо таковой не было, и полагаю, что если бы было нѣчто похожее, то такъ или иначе, прямо или косвенно мнѣ былъ бы сдѣланъ намекъ о томъ директорами Герасименкомъ и Теодоровичемъ, съ которыми я былъ хорошо знакомъ, особенно съ послѣднимъ, съ которымъ нѣсколько разъ приходилось мнѣ переговаривать о Малиношевскомъ и его бѣдственной участи, въ цѣли изыскать какія либо средства пособить ему. Если бы Солтановскаго не волновало какое-то чувство озлобленія и, скажу прямо, скрытой зависти къ дѣятельности другихъ, онъ, думаю, если не помянулъ бы добрымъ словомъ память своего собрата учителя, какъ педагога,

[1]) Насколько мнѣ извѣстно, напр., изъ сочиненій Луи Блана есть только; 1) письма объ Англіи и 2) 1-я ч. Исторіи Французской революціи, изданныя въ семидесятыхъ годахъ.

сумѣвшаго надлежащимъ образомъ вести порученное ему дѣло, то, по крайней мѣрѣ, выразилъ бы сожалѣніе о рано погибшемъ своемъ товарищѣ подъ тяжестью непосильной жизненной борьбы. Тѣмъ печальнѣе и трагичнѣе была его судьба, что по временамъ онъ приходилъ въ сознаніе и не могъ не видѣть, что погибаетъ.

Сознаюсь, быть можетъ, я съ излишнею подробностію распространился о судьбѣ и дѣлахъ давно умершаго, безвѣстнаго учителя гимназіи, но я полагаю, что на знавшихъ его и близкихъ лежитъ обязанность снять съ памяти усопшаго неправильно приписываемую ему кличку „развратителя юношества", какимъ онъ не былъ.

Но не могъ же Солтановскій выдумывать и разсказывать разныя небылицы и сказки, а также рѣзко отзываться о людяхъ, которыхъ онъ только что узналъ и съ которыми не успѣлъ сблизиться, почему надобно предполагать, что онъ отчасти пользовался готовымъ матеріаломъ, сообщеннымъ ему другими лицами. Дѣло объясняется просто. При слабыхъ начальникахъ, къ числу коихъ несомнѣнно слѣдуетъ причислить Бякстера, обращающихъ мало вниманія на все окружающее ихъ, иногда также не могущихъ уразумѣть истиннаго значенія явленій и фактовъ, обыкновенно господствуютъ сплетни и наговоры. Подчиненные, не надѣясь на вѣрную оцѣнку этими начальниками ихъ дѣятельности, не довѣряя правильности и авторитетности этой оцѣнки, стараются создать другъ для друга репутацію посредствомъ сплетни. Циркулируютъ здѣсь иногда самые невѣроятные слухи и толки, въ основѣ коихъ лежатъ зависть и злоба людская. При этомъ нерѣдко случается, что на долю самыхъ достойныхъ людей выпадаетъ наибольшая часть обвиненій, ибо въ нихъ сослуживцы-карьеристы видятъ въ будущемъ своихъ соперниковъ при повышеніи на службѣ и представленіи къ наградамъ. Иногда также люди завидуютъ вполнѣ безкорыстно доброму имени, которымъ пользуется ихъ ближній въ обществѣ. Сплетня обыкновенно создается очень искусно, указывая на факты и стороны дѣятельности лица, трудно уловимые и изслѣдуемые. Такъ было въ данномъ случаѣ, и я имѣю поводы не сомнѣваться

въ томъ. Когда прибылъ на должность Солтановскій, ловкіе вѣстовщики тотчасъ его разгадали и, узнавъ въ немъ любителя сплетенъ, преподнесли ему готовый запасъ ихъ, обвиняя и осуждая другъ друга. Можетъ быть, первою жертвою ихъ былъ больной Малиношевскій, такъ какъ болѣзнь его представляла удобный поводъ говорить о немъ, а его достоинства, какъ человѣка и учителя, указывали въ немъ соперника искателямъ наградъ и повышеній. Иные, можетъ быть также, испытавшіе нѣкоторое униженіе при сравненіи себя съ Малиношевскимъ, какъ мало знающіе и лѣнивые, разсчитывались съ нимъ сплетнею и наговорами. Малиношевскій пользовался общею любовію учениковъ и уваженіемъ ихъ родителей,—придумали, что расположеніе это пріобрѣтено имъ унизительнымъ заискиваніемъ и либеральными идеями, проводимыми имъ на урокахъ передъ мальчиками; онъ былъ хорошо принятъ въ домѣ солиднаго поляка помѣщика, притомъ еще бывшаго почетнымъ попечителемъ гимназіи, давалъ уроки дѣвицѣ-полькѣ,—значитъ, пользовался довѣріемъ дамъ-полекъ,—удобный случай причислить его къ категоріи „полякующихъ". Тѣмъ лучше, что онъ семинаристъ, слѣдовательно, легко набросить на него тѣнь и разсказывать о немъ, какъ о провозвѣстникѣ и распространителѣ идей и стремленій нѣкоторыхъ, пользовавшихся тогда громкими именами ученыхъ и литераторовъ изъ семинаристовъ, а кстати можно прибавить, что онъ любитъ выпить, какъ и большинство тогдашнихъ русскихъ семинаристовъ. Солтановскій все же начальникъ и, при случаѣ, можетъ передать слышанное о Малиношевскомъ высшимъ властямъ, а, можетъ быть, и благоволитъ отозваться о благонадежности и достоинствахъ доносителей... Всѣ эти мелкія интрижки и махинаціи хорошо извѣстны и пережиты многими, долго служившими въ былыя времена, особенно въ періодъ раздачи разныхъ фермъ и земель въ Западномъ краѣ.

Все сказанное о Солтановскомъ излагаю я не въ цѣли осужденія его, а для разъясненія нѣкоторыхъ фактовъ, представляемыхъ имъ въ ложномъ свѣтѣ, и оправданія лицъ, несправедливо имъ осужденныхъ. Можетъ быть, авторъ записокъ, въ

сущности, остался такимъ же кроткимъ и добрымъ человѣкомъ, какимъ онъ являлся въ молодости, въ кругу товарищей; съ другой стороны, можетъ быть также, какъ чиновникъ, онъ былъ толковымъ и дѣятельнымъ исполнителемъ лежавшихъ на немъ обязанностей. Его записки—плодъ ложнаго понятія о своемъ значеніи и мѣрѣ своихъ силъ, которыя казались ему незаурядными. Такимъ образомъ, достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, въ которыя писаны, какъ можно предполагать, его записки, онъ все оставался какъ бы недоразвитымъ, вслѣдствіе своей односторонности, и принадлежитъ къ категоріи тѣхъ лицъ, о которыхъ можно сказать, что имъ прощается многое, ибо они не вѣдаютъ, что творятъ. Въ немъ не доставало ни того религіознаго чувства, которое заставляетъ добраго христіанина быть очень строгимъ и взыскательнымъ къ своимъ собственнымъ словамъ и дѣламъ, и въ то же время снисходительно относиться къ недостаткамъ и ошибкамъ ближнихъ, находя нѣкоторое оправданіе ихъ въ слабости природы человѣческой и окружающей средѣ, ни того объективнаго гуманнаго взгляда на явленія жизни и событія, который вырабатывается основательнымъ образованіемъ и философскимъ мышленіемъ. Въ своихъ запискахъ онъ остается мелкимъ дѣлателемъ карьеры, какимъ, можно полагать, былъ при жизни, унижающимъ всѣхъ окружающихъ его и выдвигающимъ на первый планъ свои подвиги и нравственныя совершенства.

Когда появились въ печати первыя главы записокъ Солтановскаго, мнѣ случилось слышать заявленія многихъ, что редакціи „Кіевской Старины“ не слѣдовало бы печатать и оглашать подобное литературное произведеніе, полное лжи и всякихъ измышленій. Полагаю, что это замѣчаніе не вполнѣ вѣрно. Если записки Солтановскаго и скудны показаніями о дѣйствительныхъ фактахъ, если въ нихъ смѣшивается правда и ложь, видѣнное авторомъ и слышанное отъ мало авторитетныхъ людей и такъ далѣе,—то въ то же время эти же записки, по своему характеру и содержанію, являются знаменіемъ времени современной Солтановскому эпохи, характеризующимъ нѣкоторыхъ тогдашнихъ дѣятелей. Можно, напримѣръ, видѣть, до какой степени авторъ былъ не дальновиденъ и наивно простъ, если ему

не приходило на мысль, что сообщаемыми имъ свѣдѣніями, не полными и безсвязными, а также характеристиками, онъ гораздо больше вредитъ своей репутаціи, какъ человѣка и чиновника, нежели репутаціи тѣхъ, съ которыми ему случилось встрѣтиться на жизненномъ пути, которыхъ онъ рисуетъ въ такихъ мрачныхъ и непривлекательныхъ чертахъ.

Н. Г.

Дядько-землякъ.

(Разсказъ).

I.

Это было въ 188... году. Я ѣхалъ на каникулы на Волынь, и мнѣ предстояла въ Москвѣ обычная пересадка на московско-курскую желѣзную дорогу. Вокзалъ былъ полонъ пассажирами. Происходила обыкновенная сутолока, хорошо извѣстная каждому, кто ѣзжалъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Среди суетившихся на платформѣ пассажировъ я невольно обратилъ вниманіе на земляка. Его нельзя было не узнать. Да, это онъ!... Длинная, сѣрая свитка, наглухо закрытая на груди „на гентыкахъ:—виднѣвшіеся на шеѣ отвороты холстяной рубахи „зъ червоными стёнжками"; красный, широкій поясъ „зъ кутасами", нѣсколько разъ обхватывавшій станъ;—грязныя, изъ бѣлаго полотна, широкія шаровары, запущенныя въ просторные „чоботы" съ широкими отводами у колѣнъ;—наконецъ, четыреугольная шапка, просторная, суконная также „зъ кутасами", свободно сидѣвшая на головѣ и закрывавшая ее до самыхъ ушей—все это слишкомъ хорошо говорило о той извѣстной странѣ, куда направлялся пассажиръ. Публика обращала вниманіе на его богатырскій ростъ, которымъ онъ выдѣлялся изъ толпы. „Изъ Подоліи, или изъ Волыни"... думалъ я, наблюдая за землякомъ, „какъ будто изъ Подоліи... но нѣтъ, впрочемъ, словно-бы изъ Волыни"... Но когда чрезъ нѣкоторое время я

увидѣлъ въ рукахъ „у дядька“ деревянную „люльку“ въ роговой оправѣ съ „бляшаной“ крышкой и „зъ дротомъ“ на шнурочкѣ, для чистки люльки,—а въ рукахъ „кресало“ и кремень съ губкой“,—я смѣло подошелъ къ рѣшеткѣ, у которой стоялъ дядько.

— Здоровеньки булы, земляче! Певне зъ Волыни?

Онъ тотчасъ-жъ вытянулъ изо рта люльку, неловко скомкалъ ее съ кресаломъ и губкой въ рукѣ, а другою снялъ съ головы четвероуголку и нѣкоторое время стоялъ, молча...

— Здоровы, кажу, булы! Чи не на Волынь-но оце часамы вы йдете?

— Та вже-жъ, въ Пеньково, ровеньского уизду...

— Я самъ зъ ровеньского уизду.

— Чи вже-жъ? Панычъ зъ ровеньского уизду? Онъ оглядѣлъ меня.

— Эге. Въ Пенькови десять разъ бувавъ. Добре знаю Пеньково.

Онъ разставилъ руки и нѣсколько секундъ стоялъ въ нѣкоторомъ удивленіи... Потомъ на его лицѣ появилась улыбка. Онъ уставился на меня и, казалось, глазамъ своимъ не вѣрилъ.

— Накладайте шапку; побалакаемо трохи,—я давно до дядька приглядуюсь.

— Эге... а я оце хочу люльку запалыть. Та не знаю, чи можна, бо щобъ часамы „*казны*“ не накрычалы. Онъ провелъ глазами на вокзальныхъ сторожей, шумно катившихъ по платформѣ на тачкѣ багажъ. Когда сторожа прошли, онъ снова началъ торопливо набивать трубку и кресать огонь.

— То панычъ также зъ волывьскои губерніи? переспрашивалъ онъ, энергично ударяя „кресаломъ“ объ „огниво“, какъ бы не вѣря моимъ словамъ.

Я кивнулъ въ знакъ согласія.

— И Пеньково знае?

Я опять кивнулъ... Онъ пожалъ плечами, отвернулъ голову въ палисадникъ за рѣшетку и началъ смѣяться тѣмъ смѣхомъ, который выражалъ и удивленіе, и радость.

— Я также зъ Пенькова, сказалъ онъ тронутымъ голосомъ и чуть даже не выпустилъ люльку изо рта, такъ трога-

тельно было для него воспоминаніе о Пеньковѣ, и такъ странно звучало это слово въ Москвѣ на курско-московской вокзальной платформѣ, среди чужихъ людей.

— А дядько звиткиль йиде?

Но онъ не слушалъ меня, погруженный въ воспоминанія.

— А чи не знаете-но вы, обратился онъ ко мнѣ, чи пеньковецькій Балабенько Иванъ вмеръ, чи ни?

— Ни, не знаю.

— Не знаете... А вже винъ старый чоловикъ бувъ. Дай Боже кожному стильки прожыты на свити Божому, скильки прожывъ Иванъ Балабенько въ Пенькови. Певне що вмеръ вже... бо я давно вже... Я зъ Сибири йду до дому.

Въ это время швейцаръ выкрикивалъ какой-то звонокъ. Дядько встрепенулся словно во снѣ, и лицо его приняло то возбужденно-тревожное выраженіе, съ которымъ я его засталъ при началѣ знакомства. Онъ схватилъ свои узлы и торопливо сталъ натягивать ихъ на себя, на плечи. Люлька опять выпала изо рта. Онъ растерянно ее подымалъ.

— Це певне намъ казны крычать?! спросилъ онъ.

— Ни, це не намъ, намъ поѣздъ еще не готовъ.

— Ще наша машына не прыйшла?

— Ни, ни... Я скажу колы прыйде. Не турбуйтеся... я скажу...

Онъ успокоился и сложилъ узлы опять у рѣшетки.

— Панычъ скажуть мени, колы наша машына прыйде, бо тыи казны (онъ указалъ на стоявшаго невдалекѣ жандарма) брешуть та морочать людей. Я вамъ скажу панычу (онъ взялъ меня за бортъ сюртука): то було въ Тюмени. Я хотивъ сидаты на машыну.., а казны не пустылы. Ей-богу... такъ машына и пишла безъ мене.

— Такъ и пишла?!

— Зепевне, що пишла... А я то такъ и зостався. Бо я йду зъ Сибири, назадъ, нибы до дому.

— Вы не переселенець часамы?

— Ни... Я по манихвесту вертаюся до дому. Царь мене оправдавъ. Вже мени, значится, срокъ выйшовъ.

— Вы въ ссылкѣ, значитъ, были?

— Эге, эге.., Двадцять и симъ литъ бувъ въ Сибири. А знаете за що?.. Ось я вамъ тепера все роскажу, якъ то це дило, значится, було. Це ще за Польшу, благословы Господы, треба начинаты...

Но время и условія разсказа были самыя неблагопріятныя. Проходившіе мимо пассажиры то и дѣло толкали насъ... При всякомъ крикѣ швейцара или жандарма, „дядько" обрывалъ свой разсказъ и требовалъ объясненія, „що то казны крычать? чи не намъ часомъ?" Дядько путался въ разсказѣ и мѣстами былъ не совсѣмъ понятенъ.

— Кто на Кіевъ—особые передніе вагоны! раздался голосъ жандарма вслѣдъ за первымъ звонкомъ.

— Оце то вже таки, я чую, казна закрычала намъ. Треба лизты на машыну. Я пиду зъ вамы, то буде безпечнійше.

II.

Когда скорый поѣздъ, выходящій изъ Москвы въ полдень, мчалъ насъ по живописнымъ пригороднымъ дачнымъ мѣстностямъ,—я уже слушалъ отъ дядька болѣе или менѣе связный разсказъ о его похожденіяхъ и объ обстоятельствахъ, приведшихъ его къ ссылкѣ.

— То, проше панычa, такъ було. Ще за паньщыну, якъ польщизна була въ нашій сторони. Служывъ я у помищика— пана Нортовскаго, що колысь то въ Славути маіонтокъ мавъ. Бувъ я въ его фурманомъ, коней доглядавъ. Бодай-бы не навврочиты на будуще житье,—добре мени въ его жылося: усего було досыть и панъ добрый. Маіонтокъ такій—го, го... (онъ покачалъ головой и махнулъ рукой, въ знакъ обширности помѣщичьяго имѣнія). Вже певне такіи маіонтки тепереньки на згадку пишлы, перевелыся... Хлиба скильки було, жыта, пшеныци, овса! Бувало якъ выстроить панъ на горбу стырты, то неначе якъ муры якіи стоять. Добре, лыхо-ма жылося!.. Такъ ни, чогось ще закортило: воевать, бачъ, захтилы, нибы бунтовать. Щось таке началося... Попрыизжалы якіись паны зъ Варшавы, та ним-

ци... Давай тее-сее, шуры-муры... „Подавай намъ, значить, стрельбу та саблю, будемо мы бытыся". За́-що, по́-що,—хто ихъ тамъ розбере?.. Досыть того, що и я замишався въ те дило.

— Замишалыся?

— Замишався, бо безъ мене колысь а ніяке дило не робылося. Якъ Өедька Котыка нема, то и дило—не въ дило. То таке, бачите, дило було. Зъ самого началу, якъ нибы началася тая спотычка зъ панамы, я не мавъ ніякои думки, щобъ йты протыв панивъ, бо мени добре жылося. Нехай соби воюють, а мени яке до ныхъ дило. Правда, змовлявъ мене панъ, щобъ я йшовъ въ польску службу, але мени не дуже... бо не кортыть. Багато тамъ польскихъ панивъ воевалося: панъ Рудницкій, панъ Овсяный, панъ Ружицкій, панъ Маршалокъ. То всихъ ихъ переловылы, та ще й якъ... Смихота една!.. Отъ, едного разу, якось такъ зранку, прысылають за моимъ паномъ, щобъ прыихавъ нибы въ гости въ Шепетовку,—„Ну, каже, Өедько, запрягай-но кони, бо поидемо". Якъ поихалы, то вже не хутко вернулыся, бо то такіи булы гости: сыдило за столомъ начальство тай допрашувало, хто въ чому выноватый. Допытають едного—въ тюрьму, допытають другого—въ Сибирь, третёго—на каторгу. Доходыть дило до мене.—„А ты, пытають, чій?"—„Я, кажу, пана Нортовского".—„Ну, кажуть, куды пишовъ панъ, туды и хлопъ". Стритывъ я тоди свого пана тай кажу: „въ добры гости оце мы тепереньки попалы, не хутко зъ ныхъ выберемося". То щожъ?! Пану завше лучше: посыдивъ трохи, поговорывъ зъ судьямы, похытровавъ щось тамъ, тай выпустылы его, а мене въ тюрьму.

Въ тюрьму?! За что-же?

Але почекайте бо-но, не перебывайте!—Старикъ замахалъ руками.

Я вамъ розскажу все. Ну, въ тюрьму той въ тюрьму, не велыка бида: въ тюрьми якось то люде жывуть. Отъ сыжу я въ тюрьми тай думаю: „панъ хоть воевавъ, нагулявся, тай той не въ тюрьми... а я и не робывъ ничого, не вжежъ мени сыдиты? Ни, ще не такый-то дурень Өедько Котыкъ, щобъ его тюрьма стрымала. Треба втикты". Та не довго думаючи, якъ

вси спалы, розламавъ викно въ волости, розламавъ граты, що въ окни булы, тай высадывся... Опынывся я допиро геть ажъ въ заславскимъ уизди... Наши вже тоди пишлы проты панивъ и я также прыставъ. Погулялы трохи, нема що. Той посли вже мене зловылы ажъ въ острожскимъ уизди. Тай засудылы мене тоди казны ажъ на двадцять и симъ литъ.

— Сколько тебѣ всего лѣтъ? спросилъ чиновникъ, сидѣвшій невдалекѣ отъ дядька и тоже принимавшій участіе въ разговорѣ.

— О, вже Ѳедько Котыкъ чимало на свити швендается. А якъ бы вы оце думалы скильки мени литъ? обратился онъ фамильярно къ чиновнику.

Глядя на его крѣпкій, здоровый станъ, прямую, несгорбленную спину, живое лицо съ бойкими глазами, сидѣвшими въ глубинѣ лица, и густые, хорошо сохранившіеся волосы на головѣ,—каждый давалъ ему не болѣе 50—55 лѣтъ.

— Симдесятъ симъ годъ, сказалъ Ѳедько и обвелъ присутствующихъ своими маленькими чорными глазами. Видно было, что его не первый разъ спрашиваютъ о лѣтахъ и что его отвѣтъ всегда производилъ на слушателей извѣстное впечатлѣніе, что очень нравилось Котику.

— Ге, ге, чи то я такый колысь бувъ?! Онъ всталъ съ лавки и, сложивъ два кулака, представилъ, какимъ онъ нѣкогда былъ. Якъ муръ бувъ, крипкій якъ каминь. Бувало, якъ сяду на коня, то за якого козака вдававъ? Такихъ козакивъ мало було. Еденъ енералъ насъ стритывъ, якъ насъ велы, значить въ Сибиръ. Подывывся на мене, на мій зростъ, тай каже: оцего молодця якъ повисыты, то не кождая осына стрымае“...—„Ничого, кажу я, ще сыла не пропала; для вашои мылости, то не тра довго шукаты, бо кожная осына служиты-ме“...—„Що ты сказавъ, хаме“, пристае до мене.—„Ничого; казавъ, що для вашого благородія радъ стараться“.

Въ публикѣ стали смѣяться. Это подбодрило Ѳедька, и онъ охотно разсказалъ нѣсколько забавныхъ случаевъ своего удальства и молодечества. Во время этихъ разсказовъ его лицо совершенно преображалось. Воспоминанія молодили его. Образы минувшаго, нѣсколько заглушенные почти тридцатилѣтней ссыл-

кой, снова выплывали въ сознаніи... а мысль о родинѣ, съ которой были связаны эти воспоминанія и которую онъ такъ давно не видѣлъ,—придавала этимъ образамъ какую-то особую жизнерадостную прелесть. На лицѣ старика можно было безъ труда наблюдать яркія черты возбужденія, явившагося подъ наплывомъ воспоминаній: зрачки черныхъ глубокихъ глазъ быстро перебѣгали съ мѣста на мѣсто и спѣшили какъ бы договаривать языкомъ, брови надъ глазами то опускались, то подымались высоко подъ самый лобъ, то исчезали въ густыхъ складкахъ лба, когда шла рѣчь о какомъ-нибудь разбоѣ или несправедливости; усы, густою прядью висѣвшіе по обѣимъ сторонамъ рта, безпрерывно моргали, то растопыриваясь въ обѣ стороны въ горизонтальную линію, когда онъ смѣялся, то сходясь колесомъ,—когда онъ передавалъ что-нибудь серьезно и спокойно; на лицѣ появилась масса морщинокъ, которыя подъ вліяніемъ разсказа складывались въ самые разнообразные узоры. Онъ то и дѣло откладывалъ свои густые съ просѣдью волосы, падавшіе внизъ при наклоненіи головы... Руки при разговорѣ оживленно жестикулировали. Забываясь, старикъ то и дѣло дергалъ своихъ слушателей за бортъ сюртука, за шапку, за шею... Начавъ разговоръ, онъ уже не могъ сидѣть и безпрестанно вертѣлся во всѣ стороны. Когда разсказывалъ, его лицо било жизнью, страстью, увлеченіемъ, когда, наговорившись, онъ молчалъ,—то же лицо изображало спокойствіе и было олицетвореніемъ истино-малороссійской флегмы, невозмутимости. Эти взаимно-исключающія себя черты уживаются въ нѣкоторыхъ малороссахъ.

— Пидъ Мирополемъ, въ лиси... высыпала ихъ гибель, страхъ скильки... Идуть—спиваютъ: „Еще Польша не сгинела"... крычать, верещать... Тьфу, мара... Передній крычыть—„идземъ", задній крычыть—„почекай троху"; одынъ каже „прентко", другій—„кеды цѣнжко"... Въ тенъ часъ зъ пикету голосуе: „москáли идуть, до оренжа!".—„Але якъ-то, проше пана, до оренжа, кеды гербата недопита"... Тай почалося у ныхъ сраженіе... Той ружье заряжае, той гербату допывае, той до лясу втикае... а москали наступають.

И старикъ метался въ узкомъ проходѣ вагона, показывая наглядно, какъ происходилъ нѣкогда бой поляковъ съ москалями подъ Мирополемъ. Задравъ полы своего засаленнаго тулупа, онъ ужѐ представлялъ, какъ ляхи до лясу бѣжали и какъ москали наступали, но въ это время вошелъ кондукторъ.

— Ваши билеты господа!

— Ой, почекайте-но, наивно возразилъ старикъ, отстраняя рукой кондуктора, ставшаго на дорогѣ дѣйствія польскихъ войскъ. Ну, то, якъ бачите, побралы воны вси свои самовары и перыны...

— Позвольте вашъ билетъ! настойчиво повторилъ кондукторъ, прямо обращаясь къ старику.

— Якій билетъ? возразилъ тотъ, держа фалды своей свитки и все еще не теряя надежды обстоятельно представить планъ военныхъ дѣйствій при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ вагонной обстановки.

— Я?! Звиткиль?! Зъ Тауйська, недалеко отъ Тауйська жывъ...

— Позвольте вашъ билетъ!

— Тожъ я вже показовавъ билетъ. Онъ опустилъ фалды. Лицо его измѣнилось: оно приняло прежнее выраженіе—равнодушное, скучное.

— Когда вы показывали?

— Та-жъ показовавъ, ще якъ йихавъ по машыни зъ Тюмени... ще тамъ казны не хтили мене пустыты на машыну...

— Доставайте билетъ, говорятъ вамъ... строго прикрикнулъ оберъ-кондукторъ.

— Оце лыхо... билетъ та билетъ...

Онъ началъ медленно развязывать большой узелъ, изъ котораго вытянулъ другой поменьше. Завязавши для безопасности первый на скорую руку, онъ принялся за второй, изъ котораго вынулъ третій, а изъ третьяго—четвертый. Кондуктора стояли надъ нимъ и ждали. Въ публикѣ смѣялись. Но дядько, не обращая ни на кого вниманія, меланхолично рылся въ своихъ узлахъ съ самоувѣренностью самаго аккуратнаго пассажира, точно знающаго, гдѣ что лежитъ въ его сложномъ багажѣ.

— Скоро-ли вы?...

— Ой, почекайте трохи... билета, та билета... говорилъ онъ, сжимая въ зубахъ тесьмы отъ узловъ и разбирая руками узлы. Кондуктора такъ и ушли, недождавшись билета.

— На обратномъ пути зайдемъ, сказали они.

А старикъ, порывшись еще минутъ десять, досталъ, наконецъ, мошонку небольшую, плоскую, крѣпко обвязанную ременными шнурками, и сказалъ:

— Отъ-теперъ буде и билетъ... А то все: „билета та билета"... Давай ему заразъ билета. Не бачивъ винъ бачъ билета—подавай ему заразъ... Нащо пороты таку горячку, колы можно тыхесенько, гарнесенько сказаты, по людски...

Придерживая рукой всѣ свои узлы, онъ въ другой рукѣ держалъ билетъ и ждалъ кондуктора. Кондукторъ посмотрѣлъ билетъ и велѣлъ убрать узлы подъ лавку.

— Не треба, возразилъ старикъ, и тутъ имъ добре.

— Уберите, говорятъ вамъ, приставалъ кондукторъ.

— Хиба воны вамъ смердять, чи що? возразилъ Ѳедько, продолжая обратную процедуру завязыванія узловъ.

— Уберите подъ лавку, тутъ имъ не мѣсто.

— Имъ и тутъ добре, отвѣчалъ невозмутимо нашъ пеньковецъ изъ Волыни и остался таки при своемъ. Сколько ни просили его послѣ этого вновь прибывавшіе пассажиры убрать съ лавки узелъ, занимавшій порядочное таки мѣсто,—старикъ не уступалъ, отговариваясь тѣмъ, что они не смердятъ. Пассажиры только пожимали плечами и оставляли чудака-старика въ покоѣ, подъискивая себѣ другое мѣсто. Впослѣдствіи они вступали въ число слушателей Котика, разсказы котораго были развлеченіемъ скучающей публики.

— Чи можно тутъ запалыты? спросилъ онъ меня въ полъголоса, отзывая къ окну.

— Ни, тутъ не можно, а въ тому отдѣленіи—можно... або не площадку идить.

— А тутъ казны не позволять?

— Тутъ нельзя. Написано—„курить воспрещается".

Большого труда стоило мнѣ уговорить старика сходить на площадку и покурить. Убѣдившись, что вещи его въ вагонѣ не пропадутъ, а „казны" ничего не имѣютъ противъ куренія, онъ вышелъ на площадку... Скоро оттуда чрезъ двери потянуло такимъ необыкновеннымъ запахомъ, что, когда дядько вернулся, его сейчасъ засыпали вопросами: гдѣ онъ досталъ такого табаку? какъ онъ называется? по чемъ фунтъ? Оказалось, что это не простой табакъ, а китайскій—самый лучшій. Хотя этотъ табакъ и отдавалъ нѣсколько сушеною малиною, тѣмъ не менѣе Ѳедько готовъ былъ пойти объ какой угодно закладъ и побожиться чѣмъ угодно, что это самый лучшій сортъ... Доказательствомъ служило то обстоятельство, что сѣмена этого „тютюну" Котикъ везъ даже въ Пеньково, ровенскаго уѣзда „на росплидъ".

III

Показалось Царицыно съ своими причудливыми развалинами стариннаго замка и роскошными прудами въ долинахъ. Старинный, красивый мостъ, перекинутый чрезъ прудъ, соединялъ два берега, утопавшихъ въ богатой растительности. Картина была очень хороша. Я обратилъ на нее вниманіе дядька.

— Этъ, замѣтилъ онъ, то зовсимъ ничого... и скептически покивалъ головой. Отъ на Волыни замки—такъ замки... Я ще малый бувъ, то мы колысь бигалы кругомъ замка. Ото бувъ замокъ! А це—зовсимъ ничого.

Не удостоивъ своимъ вниманіемъ красивые царицынскіе виды, дядько тѣмъ не менѣе, по примѣру пассажировъ, глядѣлъ въ окно.

— Якъ называется ця ричка? спросилъ онъ.

— Это не рѣка, а пруды.

— А млынъ тутъ е?

— Нѣтъ...

— Гмъ... Нащо-жъ сей прудъ, колы млына нема? Що винъ вартъ?

При мысли о прудѣ, *запрудѣ*—у Котика всегда возникало представленіе о мельницѣ, для которой сооружена запруда.

Пассажиры смѣялись. Дядько недоумѣвалъ.

— А рыба въ ему е?

— Конечно, есть.

— А яка рыба?

Но на этотъ вопросъ никто не могъ удовлетворить дядька отвѣтомъ. А дядьку очень хотѣлось узнать, „чи водятся тутъ сомы, або марена, або карпы"?.. Никто не отвѣчалъ. Тогда дядько назвалъ еще нѣсколько породъ извѣстныхъ ему рыбъ... и, вообще, онъ обнаружилъ такое знаніе въ области рыбнаго царства, что оставалось только спросить, ужъ не рыбакъ ли онъ?

— Та ще-й якій? О го-го... щобъ вы зналы... Одъ мене ніяка рыба не втиче. Якъ ще я бувъ въ Пенькови, то бувало вси казалы: щастлыва та рыба, що втиче отъ Ѳедька Котыка. Не дарма мене прозвалы „котыкъ". Я таки добрый котъ. О го-го... Скильки я переловывъ сомивъ... А вы думалы?!

Дальше слѣдовало обстоятельное перечисленіе породъ рыбъ, пойманныхъ Ѳедькомъ Котикомъ, сопровождавшееся въ видѣ иллюстраціи разсказами разныхъ эпизодовъ и происшествій рыбной ловли. Судя по разсказамъ, Котикъ былъ первый рыболовъ не только въ Пеньковѣ, но и въ Тауйскѣ, а, пожалуй, даже и въ цѣлой Сибири, потому что самъ „енералъ" нѣсколько разъ приказывалъ Котику ловить рыбу въ Охотскомъ морѣ.

— Безъ мене тамъ ничого не вышло-бы, бо я таки добре знаю, де годытся тоню затянуты, а де—тильки плюнь да оступыся.

Дядько не намѣренъ былъ оставлять и въ Пеньковѣ рыбной ловли.

— Тамъ у насъ и озеро, и ричка есть... Куды цему озерови, що мы проихалы! Тьфу, що це за озеро... Отъ, въ Пенькови—мое почтеніе, що озеро-то озеро, и ричка зъ озера йде по лугамъ, и млынъ стоить; Павло Шевчукъ бувъ мелникомъ... добрый бувъ чоловикъ, царство ему небесное, бо певне вже вмеръ, старый бувъ, якъ мене взялы въ Сибиръ. То винъ бувало также зо мною рыбу ловывъ. Скильки мы зъ нымъ рыбы переловылы, страхъ сказаты!

— Вы и теперь рыбу будете удить, когда пріѣдете на родину?

— О, запевне що буду, колыбъ Господь Богъ сподобывъ добраться. Въ мене наветь амурскіи гачки есть. Самыи крашчіи гачки, бо амурскіи гачки—то самыи наикрашчіи на всю Россію. Ось я вамъ заразъ покажу.

Не смотря на то, что никто изъ присутствовавшихъ не заявилъ сомнѣнія на счетъ доброкачественности амурскихъ рыбныхъ крючковъ, Котикъ счелъ нужнымъ раскрыть опять свой багажъ и показать большіе, острые съ „зарубинами" крючки, ничѣмъ по существу не отличавшіеся отъ обыкновенныхъ, не амурскихъ крючковъ.

— О, це амурскіи, сказалъ онъ и затѣмъ началъ опять длинное связываніе узловъ.

— А вы въ Сибири на службѣ были гдѣ-нибудь?

— А бувъ. На таможни, въ магазынахъ служывъ. Тамъ багато магазыновъ всякихъ. Сторожомъ бувъ, гроши зароблявъ и земли шматокъ мавъ, оброблявъ, то зъ того также жывъ... тай зновъ-же рыбу продававъ. Этъ, жылося не що, добре таки.

— Зачѣмъ же вы назадъ ѣдете? остались бы тамъ?

— Ни, неможна. Треба до старои йты, бо вона безъ мене ничого не зробыть. Сыротою писля мене зосталася.

— А вы бы выписали себѣ свою старую туда, въ Сибирь...

Старикъ долго не могъ сообразить, что такое „выписать", потомъ сосредоточенно отвѣтилъ:

— Ни, не годытся... бо, якъ-то кажуть: „ридне село—святе кубло"...

— То-то рада будетъ стара?

— Эге, запевне що зрадіе, давно не бачивши.

— Дядько писалъ, що ѣдетъ?

— Эге, пысавъ.

— Должно быть — не узнаетъ дядька, перемѣнился за столько времени?

— Може зъ першои мынуты и не познае, запевне, що таки трохи перeминывся.

— То якось позаторикъ, продолжалъ дядько послѣ нѣкотораго молчанія, до насъ въ Сибиръ прыйшлы зъ Волыни, зъ Подоли, зъ Кіевщины: багато ихъ тоди щось прыийхало. То воны

заразъ мене спизналы, а я ихъ... мы стритылыся—якъ нибы браты ридніи. Я ихъ заразъ спытавъ, чи взялы воны волыньскихъ симянъ до пашни... бо якъ прынесты сюды волыньскихъ симянъ, то буде певный урожай. Якъ взялы, то не пронадуть, бо наши—не дурни, до праци охочіи... а волыньскіи симена—то самыи лучшіи; якъ посіешь ихъ на чужій земли, то таке вродытся що и годи. Оце напрыкладъ жыто (онъ указалъ чрезъ окно на зеленѣвшую рожь тульской губерніи),—чи-жъ тамъ таке зобачишь?! Ни, крый Боже... тамъ жыто-таке жыто, мое почтеніе: колосъ—якъ сажень, та густый такый и повный, до земли гнется...

— Скучно было за родиной?

— Скучно-то скучно, нема що... Але проте и нашихъ тамъ багато... есть зъ разныхъ губерній. Ихъ тамъ тысячи...

— Хорошо имъ живется въ Сибири?

— Хто коло пашни бувъ, то тому добре: визьме соби шматокъ земли, тай робыть такъ, якъ нибы и дома. А хто шолтай-болтай на фабрыкахъ тамъ всякихъ, тому добро не везе. Бо на фабрыкахъ, скажу я вамъ, гроши дурныи... Нехай ще нашъ почикае на фабрыку, нехай походыть перше зъ плугомъ, зъ раломъ, та бороною,—то и добре ему буде; а хто пишовъ на фабрыку, той безпреминно буде въ карты граты, гуляты... Фабрыка до добра не доведе. А робыты землю въ Сибири добре: земля тамъ ривна, якъ вода и чистая такая... Кепсько тильки, що хата видъ хаты трохи далеко; але то не що...

— Какъ на вашихъ тамъ смотрѣли: дружелюбно относились къ вамъ—хохламъ?

— Чому?! Къ кому дружелюбно, а къ кому—не дуже. Але проте нашихъ тамъ поважають, люблять; бо нашъ братъ до роботы дуже здатный;—зъ торбою въ чужій сторони нашъ не пиде: зо всихъ сылъ буде выбыватыся, а зъ торбою просыты мылостыны не буде...

— А однако въ Малороссіи сколько нищихъ?

— То въ Малороссіи—то зовсимъ друге дило... то мижъ своимы... Мижъ своимы не грихъ хлиба просыты. Въ насъ такъ: „хто надъ чужимъ окномъ хлиба прохае, той свою ридню вы-

клыкае"... заключилъ старикъ поговоркой, наставительно кивая головой.

— А чужа сторона, продолжалъ онъ,—лыхая ридня. Тамъ самая лучшая ридня—крипкіи плечи да руки. Якъ не маешъ отъ-цего (онъ подтянулъ плечи и выпрямилъ руки),—то и ридни въ тебе нема на чужій сторони. Правду Ѳедько Котыкъ каже, чи ни?—обратился онъ снова полусерьёзно, полуфамильярно къ чиновнику.

— Правда. А китайцевъ вы видѣли?

При воспоминаніи о китайцахъ старикъ залился громкимъ простодушнымъ смѣхомъ. Всѣ сошлись у его лавочки.

— Оце то доииро вы мени згадалы... Хо, хо, хо... Це такъ люде, що безъ смиху то и згадаты про ныхъ грихъ. Китайци... Хо, хо, хо... и чортъ ихъ видае, пробачайте за выпадокъ такого слова, яка дурна маты ихъ народыла... Ей-богу... Це не люде, а якіись мыши тай годи, дальби... Таке мале (онъ поднялъ руку и протянулъ её горизонтально къ своей груди), а таке худе, а таке дурне... та ще й зъ косою... Дальби: коса зъ заду теличается. Я якъ перщій. разъ зобачивъ того китайця, то я на впрысядки реготавъ, не мигъ стрыматыся видъ реготу. И не нащо воно не здатне: лиnыве таке, робыты не хоче ничогисенько, а йисты, лыхо-ма, любыть. Поки стоишь коло его зъ палкою, то буде робыты, а якъ одвернувся, то и китаець вже переставъ робыты, вже лопоче щось по своему: „тху, чху, якъ, дзянь"... Такый народъ!

— А йисты любыть,—продолжалъ старикъ послѣ нѣкотораго перерыва,—о, що любыть, то любыть! За столомъ дурня зъ себе не строить. Ну, то все таки, сказавши: йисть по людски, якъ треба, а сыдиты за столомъ не вміе. Сяде на землю, ноги пидъ себе пидложить, тай лопае... Ты ёму поставь цилого барана, то два-три китайця зъидять и хвоста ще облыжуть та спытають, чи нема-но часомъ чого-небудь на закуску. Такый народъ!

Особенно возмущенъ былъ дядько неумѣніемъ китайцевъ хозяйничать.

— Воны тильки кпятся надъ землею, ей-богу... Богъ давъ имъ таку землю, а воны тильки кпятся надъ нею. Ось, напрыкладъ, я вамъ роскажу, якъ воны зъ поля збирають. Выросте въ ныхъ така пшеныця що и годи... то воны, думаете, що? Визьмуть палки, да тымы палкамы збывають зерно пшеныци; а щобъ зерно не пропало, то воны постылають таке довге рядно по рилли, нибы якъ покосъ; да въ те рядно и збывають зерно... Ото дурны. Якъ ихъ ще свята земля носыть, такихъ дурнивъ? Чи вы знаете, въ ныхъ навить воза нема, ей-богу нема (старикъ оживленно сталъ бить себя въ грудь и божиться. Отсутствіе возовъ у китайцевъ, это, по его мнѣнію, представляло собою такое необыкновенное явленіе, которое могло быть удостовѣрено только клятвами). Якъ мы прыйшлы туды да наробылы возивъ, то орда (такъ онъ сталъ называть китайцевъ) прыходыла дывытыся, що то воно таке: дывытся спереду, ззаду, прысядае внызъ, що то воно таке, на колесахъ... Этъ, дурни, тай годи! Або дрова... визьме колоду, обвяже виревками, або ланцугомъ тай волоче по земли. Смихота...

И при этомъ старикъ очень оживленно показывалъ для наглядности, какъ китайцы тянутъ бревно изъ лѣсу, какъ оглядывали они возы малороссовъ, какъ сбиваютъ збоже палками и т. п. По недоразумѣнію доставалось тутъ по нѣсколько толчковъ близь стоящимъ слушателямъ, случившимся какъ разъ „на рилли", по которой „орда" колотитъ палками рожь...

Большей сравнительно симпатіей Котика пользовались японцы, которыхъ онъ называлъ „ляпонцямы", а страну—„Ляпоніей". Хотя, по словамъ старика, „рожа у ляпонцивъ не злучше, якъ у китайця, така, що визьмы плюнь та, перекрестывшись, отступысь", но они трудолюбивы, у нихъ даже батюшки и церкви есть; „воны, по замѣчанію старика, колысь мають буты людьми; зъ ныхъ таки мусять выйты люде... Въ нихъ, та въ американъ, та въ англичанки—таможни хороши и корабли хороши... а китайська таможня ницъ не стоить. Китай—орда... То якъ прыйидуть американскіи корабли, або зъ Ляпоніи, або англичаньскіи, то заразъ кажуть—нехай прыйдуть хохлы, або поляки до роботы"... То мы и заробляемо гроши. Тамъ

можно по три рубли въ день заробыты. Нашимъ тамъ таки добре було... ба робыты вміють. А другому дай злото, то выйде блото.

Зашла рѣчь о войнѣ Китая съ Японіей. По ходу разсказа предстояло разсказать, какъ китаецъ идетъ на войну и начинаетъ сражаться. Уже Котикъ разставилъ полы своего кафтана и собирался натягивать лукъ... какъ опять явились кондуктора. Публика разступилась. Дядько остался на срединѣ въ позѣ сражающагося китайца.

— Чего ты мечешься? спросилъ его кондукторъ.

— Ну, або що?

— Сиди!

— Або що?

— Мѣшаешь публикѣ проходить.

-- Ну, або що?..

— Я тебѣ говорю—сиди на своемъ мѣстѣ.

— Або що? съ невозмутимымъ равнодушіемъ отвѣчалъ Котикъ. Хиба и васъ кортыть? Чи що?

— Ото лыхіи казны, замѣтилъ старикъ, по уходѣ кондукторовъ, полуудивленно глядя нѣкоторое время на дверь, скрывшую „казны", при общемъ смѣхѣ публики.

— Должно быть вамъ „казны" очень надоѣли? спросилъ сосѣдъ дядька.

— О-о!.. И не пытайте...

IV.

Поѣздъ мчался. Проѣхали уже Тулу. Вечерѣло. Въ нашемъ вагонѣ сѣли новые пассажиры. Бравый купчина тулякъ, усѣвшись на кончикъ лавки, отдуваясь, расчесывалъ свою бороду и осматривалъ своихъ сосѣдей. Съ нимъ ѣхало нѣсколько товарищей. Щупленькая, тоненькая барынька съ худосочной дѣвочкой-дочерью усѣлась у дверей на оберкондукторскомъ мѣстѣ и глядѣла въ окно съ рѣшительнымъ видомъ не заводить ни съ кѣмъ знакомства и не разговаривать. Четыремъ нѣмцамъ работ-

никамъ не хватало мѣста, и они кое-какъ „примостили“ свои вещи, а сами стояли. Всѣ эти пассажиры сѣли въ Тулѣ и, не смотря на неудобство своего положенія, были довольны, что имъ удалось занять мѣстечко въ биткомъ набитомъ пассажирами поѣздѣ. Прибытіе новыхъ лицъ внесло нѣкоторое оживленіе въ среду успѣвшей уже соскучиться старой публики. Мѣсто дядька было занято купцомъ...

— Нащо вы уступылы свое мисце? спросилъ я Котика, стоявшаго съ своими узлами у окна.

Винъ, бачте, якій гладкій та грубый... то щобъ зъ нымъ, бодай чого въ дорози не прыключилося... Нехай, неборака, поседыть трохи, а Котыкъ и такъ постоить, отвѣчалъ старикъ, сочувственно глядя на купца, съ котораго отъ жары катились крупныя капли пота.

Новые пассажиры сейчасъ же познакомились съ дядькомъ и опять полились разсказы о польскихъ бунтахъ, о китайцахъ, „японцахъ“, американахъ и амурскихъ „гачкахъ“. Старикъ разсказывалъ замѣчательно охотно и готовъ былъ повторить одно и тоже для каждаго новаго слушателя, и замѣчательно, по мѣрѣ того, какъ онъ разсказывалъ, въ немъ возростало увлеченіе. Говорилъ онъ все старыя исторіи, хорошо извѣстныя прежнимъ пассажирамъ, но говорилъ съ такими прибаутками, поговорками, такъ увлекательно и съ такими жестами, что и слушавшій уже дядька охотно вступалъ отъ нечего дѣлать въ число новыхъ его слушателей.

— Какъ ты, братецъ ты мой, попалъ въ Сибирь? спросилъ его толстый купецъ, немножко оправившійся отъ духоты въ вечернемъ воздухѣ, наполнившемъ вагонъ свѣжестью.

— Якъ попавъ?! Гмъ?!.. Хиба-жъ то такъ трудно?! Графы, князи, та всяки купци попадають, а то щобъ Ѳедько Котыкъ не попавъ?! А купцивъ то тамъ таки занадто багато...

Купецъ ухмыляется, соображая малопонятныя для себя малороссійскія слова, гладитъ бороду и задаетъ чрезъ нѣкоторое время новый вопросъ.

А что, братецъ ты мой, холодно въ Сибири?

Якъ кому! отвѣчаетъ Котикъ. Кому то дуже холодно, а кому то и занадто наветь тепло. Купцямъ всюды теплесенько.

Ну, а тебѣ каково было?

Ничого..: часамы морозы бувалы, нема що казаты.

Гмъ... да!.. мурлычитъ про себя купецъ и соображаетъ, что-бы такое еще спросить.

Что-же, подаркй ты роднымъ-то везешь?

Якіи тамъ подарки?! Намъ неможна подаркивъ носыты, бо въ Сибири, на дорози такъ злодіи оберуть, що й лышенько... Всякого оберуть, а особлыве купцивъ... Ще нашъ часамы прошмыгне, ну, а вже купцю то таки спуску не дадуть, зъ товарамы не попадайся, бо до сорочки оберуть. Я памятаю, не довго, позаторикъ, одного купця...

И онъ разсказалъ одинъ изъ частыхъ въ Сибири случаевъ ограбленія проѣзжавшаго чрезъ тайгу купца, на большой широкой дорогѣ.

Купецъ, наконецъ, соображаетъ, что камешки бросаются прямо въ его огородъ и перестаетъ разспрашивать, сохраняя позу сонливаго, утробно-благодушествующаго человѣка, у котораго кромѣ интересовъ наживы есть еще сильная потребность всхрапнуть. Но такъ какъ обстоятельства не благопріятствовали осуществленію этой потребности, то купецъ долго крѣпился, искусственно поддерживая въ себѣ бодрое настроеніе духа. Вскорѣ онъ, впрочемъ, совершенно ослабѣлъ и наклонялъ свою отяжелѣвшую голову то къ одному сосѣду, то къ другому, то опускался головой впередъ себя межъ лавочекъ...

— Проше пана, дайте ему мисце; бачите бо, що чоловикъ хоче спаты. Тай дуже жъ винъ ослабнувъ... Посуньтеся-бо, сталъ просить Котикъ пассажира, сидѣвшаго рука объ руку съ дремавшимъ купцомъ. Но пассажиръ, къ удивленію Котика, отказалъ въ прозьбѣ.

— Посуньтесь-бо таки...

— Вамъ-то что до него?

— Та якъ-же то можно: такій чоловикъ, та щобъ не даты ему спаты?! Ще хто знае, чи дойиде винъ до дому такій? Онъ указалъ на купца. Тотъ положительно давилъ своего сосѣда,

склонившись къ нему на плечо, словно шепча ему что-то на ухо. Шея у него была красная. Губы отвисли. Онъ тяжело храпѣлъ. Животъ сильно выдался впередъ.

Котикъ безъ шутокъ хлопоталъ объ удобствахъ для купца. Онъ, по своей наивности, не уничтоженной двадцати-семилѣтнимъ пребываніемъ въ Сибири, не могъ понять, какъ можно было не дать спать *такому* человѣку; и долго—забавлялъ пассажировъ своей наивной просьбой уступить ему „банкетку", какъ онъ почему-то называлъ лавочку для сидѣнія. Ѳедько успокоился только тогда, когда на одной изъ станцій купецъ вышелъ. Онъ даже помогъ ему вещи выносить, приговаривая вслѣдъ: хвалыты Бога, що здоровеньки прыйихалы, ото вдома будуть радесеньки... бо дорога—бардзо не певна ричь. (Замѣчательно, что для выраженія серьезной мысли, Котикъ иногда прибѣгалъ къ польскимъ словамъ и выраженіямъ). Купецъ только пыхтѣлъ.

Вернувшись въ вагонъ, дядько сѣлъ опять на свое прежнее мѣсто и чрезъ нѣкоторое время снова началъ разсказывать нѣмцамъ, какіе въ Сибири заводы и фабрики и про китайцевъ... Нужды мало было въ томъ, что нѣмцы мало его понимали, а мѣстами даже вовсе не понимали. Онъ все таки разсказывалъ имъ, трепля ихъ за фалды и просаленные жилеты. Но на этотъ разъ договоривъ до пункта объ аппетитѣ китайцевъ, онъ вдругъ оборвалъ свою рѣчь замѣчаніемъ:

— Оце, не будь дурень Ѳедько Котыкъ, то и поисты ему, здается, треба... бо въ Пенькови то давно вже о сю пору повечералы й Богу помолылыся...

Онъ снялъ шапку, откинулъ назадъ упавшіе волосы, развязалъ узлы, досталъ громадный кругъ хлѣба,—чернаго и черстваго,—и, перекрестившись, сталъ его рѣзать и ѣсть—медленно, „смакуючи, щобъ", какъ онъ выразился, „чутно було, якъ кожный ковтокъ погибае". Кто-то, замѣтивъ, что чрезъ нѣкоторое время половины хлѣба словно какъ и не бывало,—сказалъ, что у него аппетитъ не хуже, чѣмъ у китайца.

— Лучше... отвѣтилъ старикъ, жуя полный ротъ хлѣба,—куды имъ чорномазымъ!.. Орда.

Ему предложили бѣлаго хлѣба, колбасы... Онъ ни отъ чего не отказывался. Все принималъ съ благодарностью, крестясь. И все „погибало“ въ его желудкѣ.

— Оце, тепереньки скажемъ, якъ трошки подъивъ, то и кишки въ животи у старого нибы заворушилыся... сказалъ онъ въ заключеніе своей трапезы, звязывая небольшой кусокъ оставшагося хлѣба въ узелъ. Сосѣдъ удивился, что онъ такъ много съѣлъ хлѣба.

— Этъ, чи то мы ще такъ вечераемо?! Хиба-жъ я працювавъ, щобъ мени вечераты, якъ треба? Колы-бъ то вы мене забачилы на роботи, то тоди бъ сказалы, якъ-то Өедоръ Котыкъ вміють вечераты.

Онъ даже заигралъ губами, воспоминая свои заслуженныя работой ужины.

— А це що? Тилько, пробачайте, кишки подразнывъ трохи, щобъ... не зацвилы.

Послѣ ужина дядько разсказалъ намъ про Березовскаго, который у самого царя Александра „при собственной его персони“ за однимъ столомъ обѣдалъ и ужиналъ и который потомъ измѣнилъ ему, перешелъ на сторону поляковъ и былъ предводителемъ мятежниковъ.

V.

Настала ночь... тревожная, непокойная, какъ всегда въ вагонѣ... Всѣ, кому удалось занять въ вагонѣ побольше мѣста, пытались, наперекоръ всѣмъ неудобствамъ, заснуть, и словно въ судорогахъ жались на своихъ маленькихъ неудобныхъ лавочкахъ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ. Три нѣмца склонились головами другъ другу на плечо и спали. Барынька, сидя въ углу, дремала, держа на колѣнахъ головку своей спящей, разметавшейся во снѣ, дочери. А чиновникъ пытался свести свою голову почти къ самимъ колѣнамъ и превратить, такимъ образомъ, мѣсто своего сидѣнія въ кровать... но напрасно...

Одинъ дядько не дремалъ. Онъ давно уступилъ свою „беньветку“ нѣмцу, а самъ стоялъ у окна около своего узелка. Хотя онъ смотрѣлъ въ окно, но едва-ли что могъ разсмотрѣть въ тем-

нотѣ. Онъ думалъ—сосредоточенно и самоуглубленно. И въ такомъ положеніи онъ могъ стоять долго, забывая усталость. Порою онъ поворачивался къ спящимъ и, взявшись рукой за верхнюю полку, окидывалъ ихъ общимъ взоромъ и словно сострадалъ ихъ конвульсивнымъ попыткамъ заснуть.

— Не спитъ старикъ, говорили пассажиры, нервно поворачиваясь и глядя на неподвижную фигуру колосса-дядька, какъ-бы замершаго въ своемъ наблюдательномъ положеніи.

— Словно солдатъ на часахъ. Бодрый старикъ!

— Отъ спить-но, спить... бо хутко ничь перейде, то не буде колы и спаты, раздавался грудной добродушный баритонъ дядька, взявшаго на себя добровольную опеку заботиться о снѣ пассажировъ.

Прекращеніе обычнаго шума колесъ и возня въ вагонѣ пробудили меня. Было два часа ночи. Мы пріѣхали въ Курскъ. Значительная часть пассажировъ и въ числѣ ихъ нѣмцы—пересаживались въ другой конецъ на Воронежъ. Котикъ помогъ имъ высадиться, напутствовалъ ихъ всякими благожеланіями. Новыхъ пассажировъ прибыло не много. Нѣсколько лавочекъ оказалось совершенно свободныхъ.

— Чому вы, дядьку, не займете бенькетки?.. тажъ вона зовсимъ свободна, сказалъ я, вытягиваясь на своей лавочкѣ и указывая на сосѣднюю, пустую.

— А хиба нихто не буде спаты?

— Ни...

— А може дальше ще хто сяде, то нехай... Онъ спить-но! Повелительнымъ тономъ заключилъ разговоръ дядько, считая его совершенно излишнимъ.

Черезъ минуту я уже слышалъ, какъ старикъ говорилъ новому пассажиру о сибирскомъ „житьи“. Онъ по обыкновенію началъ съ земледѣлія...

— Яке тамъ жыто... американы, ляпонци... таможни, магазыны... можно заробыть три рубли... доносилось до моего уха.

„Теперь должно слѣдовать о китайскомъ хлѣбопашествѣ, потомъ о волынцахъ переселенцахъ и сѣменахъ волынскихъ“... подумалъ я. Такъ и есть...

— Орда, чиста орда... дурны... йидять тыльки добре... амурски гачки...

„Будетъ ли показывать гачки?.. Должно быть не будетъ... Нѣтъ, показываетъ... Теперь о Пеньковѣ“...

— А скажите, какъ вы попали туда? спрашиваетъ пассажиръ.

— Въ Сибирь?!. Чижъ трудно туды попасты? Началъ старикъ..,

„Сейчасъ, думаю, будетъ говорить: „графы, князи попадаютъ“... но нѣтъ“...

— Попасты туды не трудно, а выбратыся то—трудно... Якъ то кажуть: „попасты—отъ напасты, а выбратыся—отъ милости“. Такъ и то... Я по манихвесту... и т. д.

Пассажиръ стоялъ, мало понимая сказанное. Старикъ держалъ его за пуговицу. Его рвало къ разсказу, и, разъ начавши говорить, онъ уже не могъ остановиться.

„Удивительно словоохотливый старикъ“, подумалъ я, снова засыпая подъ шумъ колесъ и знакомые разсказы, отрывками доносившіеся до моего уха.

Толчекъ—опять остановка. Разсвѣтало. Новый пассажиръ давно спитъ. Дядько сидитъ на краешкѣ лавочки и смотритъ въ окно. Онъ словно ждетъ моего пробужденія.

— Вже тополя пишла! тихо говоритъ онъ, нагибаясь ко мнѣ и указывая рукой на широкоствольныя рослыя тополи, съ трехъ сторонъ окутывающія станціи кіево-курской желѣзной дороги и привѣтливо наклоняющія свои верхушки къ поѣзду. Вдали межъ тополями за станціей виднѣлись богатыя черноземныя поля. Отблескъ утренней зари разогналъ ночной полумракъ вагона и легъ блѣднымъ свѣтомъ и на изможденныхъ лицахъ спавшихъ пассажировъ. Пассажиры не столько спали, сколько мучились. Непреодолимая естественная потребность сна заставляла ихъ переживать самыя невозможныя положенія...

Скоро совсѣмъ разсвѣло, и настало утро. Въ вагонѣ пошла своеобразная жизнь: неприхотливая, торопливая... Кто приводилъ въ порядокъ свою импровизированную постель и зѣвалъ такъ, что еле могъ стоять на ногахъ, а кто спѣшилъ съ же-

стянымъ чайникомъ на вокзалъ. На всѣхъ лицахъ замѣтны были слѣды безпокойно проведенной ночи. Одинъ Котикъ былъ неуязвимъ. Надъ нимъ сонъ словно не имѣлъ силы. Онъ былъ бодръ, какъ будто только-что сѣлъ на предыдущей станціи въ вагонъ. Я съ новымъ любопытствомъ смотрѣлъ на него: какъ статуя стоитъ старикъ у окна, глядитъ... и ни одна жилка не дрогнетъ у него на лицѣ. Онъ словно застылъ. Это былъ уже не вчерашній, новый человѣкъ.

— Що такъ стоите, дядьку?

— Думы думаю, отвѣтилъ онъ, кивая головой. Якъ то жыты мени теперь прыйдется. Зосталося въ мене тамъ тры сыны. Едного взялы въ москали. Той вже давно выслужився; а двое вже поженылыся, побралы жинокъ, господарують... Една моя стара зосталася. Не знаю, якъ-то ій тамъ жывется...

При воспоминаніи о старухѣ, у дядька въ рѣчи зазвучала особая нотка, какой не было, когда онъ разсказывалъ о „ляпонцахъ и американахъ“. Что-то наивно-любящее, старчески-трогательное слышалось въ тонѣ этой рѣчи у старика, полнаго живыми, сантиментальными воспоминаніями. Онъ даже понизилъ голосъ, не желая, чтобы постороніе слышали объ обстоятельствахъ его семейной жизни. Къ старику положительно тянуло. Я не могъ оторваться отъ обаянія, производимаго его рѣчами, и рѣшилъ поближе познакомиться съ нимъ, поговорить...

— Щожъ дядька такъ безпокоить?

— Не знаю я, который зъ сынивъ мене прыйме... бо и въ того, и въ того есть вже диты. Може будуть нарикаты, що я дарма въ ныхъ буду хлибъ йисты; але я ще крипкій, буду робыты: и косыты, и молотыты... и... и... хто ихъ знае... якъ... тее... нибы... я...

У Котика на глазахъ неожиданно показались капли слезъ. Но не желая малодушествовать предъ неизвѣстнымъ для себя человѣкомъ, хотя-бы и землякомъ, онъ скоро оправился: сильно потянулъ носомъ, замигалъ рѣсницами, прогоняя набѣжавшую слезу, высморкался, уставился въ окно и началъ говорить о постороннемъ.

— Отъ-тутъ певне добра земля, сказалъ онъ, кивнувъ головой въ окно и неудачно глотая слюну, которая не шла въ горло...

— Отъ незнать чого такъ зажурылыся: диты запевне що прыймуть батька... Стильки литъ не бачилыся... утѣшалъ я.

— Отожъ бо то, що стильки литъ не бачилыся, то може вже воны зовсимъ одвыклы одъ мене, може и знаты-видаты мене не захотять, може наветь думають, що я вже дуже старый и ни до якои роботы не здатный... а я... я... ще... я можу...

Опять приступъ волненья... Старика очевидно мучило предполагаемое имъ недовѣріе его сыновей къ его трудоспособности. Мысль, что на него, быть можетъ, посмотрятъ, какъ на совершенно празднаго члена семьи, котораго должно кормить изъ милости, мучила его, не давала покою.

— А я имъ и рыбу буду ловыты... и землю... и все... въ мене амурськіи гачки... Я ще не згубывъ своеи сылы. Онъ замолкъ на минуту. Отъ якъ бачите,—началъ онъ опять оправившись,—поки бувъ въ Сибири, то и тревоги не було, а теперъ, якъ все блыжче да блыжче до дому, то чогось и смутка мене бере...

Я его старался утѣшить, какъ могъ. Онъ успокоился.

— Оце я кажу, яка тутъ хороша земля, чорна та жирна така.

Предъ нами въ окнѣ бѣжали черноземныя поля курской губерніи.

— Тутъ чоловикъ, продолжалъ онъ, якъ бы и не хтивъ робыты, то мусыть, бо сама земля просыться, щобъ еи обробляты... О гарна земля! Ривная та чистая. Въ Сибири тежъ ривная, але тамъ не такая чистая.

Онъ задумался. Потомъ, взявши меня за плечо, спросилъ въ полъ-голоса, почти нагибаясь къ самому уху.

— А чи не зналы-но вы часомъ Гарбарчука?

— Ни.

Онъ скосилъ голову на бокъ и этимъ выразилъ глубокое сожалѣніе о недостаточности моихъ знаній.

— Хто-жъ винъ такій?

— Якъ-то хто?! Винъ зъ нашихъ... О, Гарбарчукъ, це я вамъ скажу, пекельный чоловикъ, винъ на все пиде... Винъ тежъ бувъ засланъ зо мною въ Сибиръ и теперъ вертается по манихвесту. Отъ вояка—такъ вояка, мое почтеніе... Якъ винъ колысь бывся!.. страшенно и сказаты. Пекельный чоловикъ, одне слово. А може вы часомъ зналы Дорожиньского.

Я долженъ былъ сознаться, что и этого не зналъ, рискуя совершенно пасть во мнѣніи дядька.

— О! замоталъ головою дядько, то тежъ чоловичина, не доведы Боже. Еденъ панъ, знаете, втикавъ видъ насъ, то винъ якъ схопывъ за колесо брички на всему ходу, то, якъ бачите, мовъ колеса загальмовавъ... ажъ коней потягнуло назадъ, а кони добры у пана булы. О, чоловичина!..

— Дежъ Дорожиньскій жыве?

— Въ Сибири. Его наветь по манихвесту не пустылы, бо дуже заядлый лыцарь. Але винъ тамъ доброго клопоту имъ задае. Здачи, якъ треба, кождому здасть. О, его не зачепай! Зо всимы можешь пожартоваты, тильки не зъ Дорожиньскимъ, бо винъ такого перцю задасть, що не до жартивъ буде... Винъ вже старый теперъ, але ще крипкій... Ще его не кождый зломае.

— Хто-жъ винъ такій бувъ?

— Винъ, бачте, служивъ у едного пана, якъ нибы и я. Але якъ почалося повстаніе, то винъ пошовъ проты панивъ. Зобравъ людей, тай давай бунтоваты. Скильки винъ крови у панивъ спортывъ!.. Москали та казны прыйизжалы усміряты Дорожиньского. Ге, хто не знае его?! Якъ-бы то такихъ побильше, то мабудь панивъ та пидпанковъ ризныхъ меньше стало на земли.

— А хиба паны що?

— Якъ-то що?! отвѣтилъ многозначительно Котикъ, глядя въ окно. „У мужика спына одъ роботы дмется, а панъ соби стоить да сміется“, якъ-то кажуть...

— Тожъ теперъ вже такихъ панивъ нема, що держалы колысь мужикивъ въ роботи.

— Запевне що нема... але за те теперъ всюды по свити казны пишлы.

Изъ дальнѣйшаго разговора съ Котикомъ я съ удивленіемъ узналъ, что „якъ бы не Дорожиньскій,—то ще и до сеи поры платылы-бы люде барщину“. Освобожденіе крестьянъ Котикъ представлялъ мѣрой, необходимо вызванной со стороны правительства народными волненіями, бунтами, въ которыхъ главную роль игралъ его знакомый Дорожинскій. Участія самого Котика въ этихъ волненіяхъ мнѣ такъ и не удалось выяснить. По его разсказамъ выходило, что онъ будто стоялъ то за своего пана Нортовского, который былъ „добрый“, то за „громаду“. Но ясно было, что это былъ человѣкъ протестующаго настроенія, и это настроеніе не совсѣмъ изгладилось въ немъ даже и теперь, по прошествіи 27 лѣтъ ссылки.

— Вы бы пишлы теперъ быться зъ-за панивъ и въ Сибирь бы пишлы? спросилъ я.

Старикъ нѣкоторое время молчалъ, соображая.

— *Диты пишлы-бы*, отвѣтилъ онъ съ твердой увѣренностью въ словахъ. А зъ Ѳедька Котыка вже буде... зъ его досыть...

Но замѣчательно, что съ этимъ теоретически-протестующимъ настроеніемъ въ Котикѣ уживалось самое миролюбивое отношеніе на практикѣ къ тѣмъ-же панамъ и „казнамъ“. Онъ былъ такъ предупредителенъ, уступалъ каждому свою „беньketку“ и такъ радъ былъ оказать всякому встрѣтившемуся пану и не пану возможную услугу...

Нѣкоторое время мы стояли молча у окна. Разговоръ не клеился.

— Ой було, було! вздохнулъ онъ, подымая голову. Всёго було: и лыха, и добра... Було, було́... Поживъ таки трохи.

— А вы при Николаѣ служылы?

— А якъ-же-жь?! Ге... де я не служывъ?! И на венгра ходывъ, и на Малаховимъ кургани бувъ... А скильки зъ мене Севастополь крови вынявъ! Въ лазарети лежавъ, бо мене въ колино пуля пробыла. Тильки на турка не ходывъ, якъ въ 77 году воевалы, бо тоди вже я бувъ въ Сибири. А скильки въ мене медалей ризныхъ було, орденивъ ризныхъ було! Царь багато давъ медалей, то щожъ вы думаете?—казны все поодны-

малы... Якъ засудылы мене въ Сибиръ, то вси медали одняла, тильки одну оставылы за Севастополь. Ось я вамъ покажу.

Снова началось развязыванье узловъ. Старикъ показалъ обыкновенную севастопольскую медаль съ надписью: „Не намъ, не намъ, а имени Твоему“. Эту медаль онъ тщательно хранилъ въ мѣшечкѣ и берегъ—какъ святыню, какъ единственное доказательство прежнихъ своихъ заслугъ. Съ медалью были связаны его лучшія воспоминанія.

— А ось вамъ ще мій паспортъ. Прочитайте-но, що тамъ казны напысалы?

Это былъ билетъ, выданный волостнымъ правленіемъ одного изъ селъ крайней восточной Сибири, гдѣ обстоятельно перечислялись признаки Котика, въ числѣ ихъ обозначалась рана въ колѣнѣ.

— Скильки Вамъ литъ? спросилъ я.

— Симьдесять и симъ.

— А що-жъ тутъ показано 73? Въ билети...

— Де?

— Ось. Я указалъ мѣсто. Онъ нагнулся къ бумагѣ и видимо разсматривалъ цифры. Вы вміете читаты?

— Ни, не вмію. То кажете, тутъ напысано, що нибы симьдесятъ и три?

— Эге.

— Ото все казны... Хиба я не казавъ? То воны набрехалы. То завше такъ брешуть...

Я улыбнулся.

Нащо-жъ имъ брехаты? Не все имъ едно, що дядьку буде 77, чи 73?

— Ни, не все... То воны набрехалы. Стоялъ таки на своемъ дядько. Бо воны всюды брешуть... Воны всякого чоловика обгадять. А прочитайте-но ще, куды я нибы повыненъ йихаты?

— „Въ волынскую губернію, гдѣ обязанъ представить сей билетъ волостному правленію“.

— Такъ, такъ... Це то не збрехалы. Це вже на моему вику буде послидній билетъ. Вже бильше не буду маты дила зъ казнами: прыйду въ Пеньково, тай—досыть.

Онъ связалъ узлы и опять сталъ у окна, не переставая наблюдать села, деревни...

— Це вже зовсимъ наше пишло, сказалъ онъ, указывая на обозъ малороссовъ, ѣхавшихъ волами и засмѣялся не извѣстно чему. Ось дывиться-но, попереду йде баба... точнисенько якъ една моя кума-молодыця въ Пеньkови... И хустка наветъ така, ажъ теперъ ще памятаю...

Дядько погрузился въ воспоминанье о кумѣ. Воспоминанья должно быть были пріятны, потому что онъ то и дѣло улыбался...

Ѳ. Кудринскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КЪ ИСТОРІИ УМАНСКОЙ РѢЗНИ 1768 Г[1]).

(Читано въ Историко-филологическомъ Обществѣ при Нѣжинскомъ институтѣ).

Слезами и кровью написана исторія еврейскаго народа со времени потери имъ своей политической самостоятельности. Втеченіе 18 столѣтій жизнь этого народа представляетъ собою безпрерывную Одиссею, безконечный мартирологъ, цѣпь жгучихъ страданій, одно мучительнѣе другого. Правда, жизнь евреевъ въ первые вѣка христіанства изобилуетъ свѣтлыми, отрадными фактами, свидѣтельствующими о томъ, что и израиль вѣдалъ лучшіе дни, что и съ нимъ обращались по человѣчески. Но за то съ наступленіемъ эпохи Крестовыхъ походовъ для евреевъ настали очень горькія и тяжелыя времена. При господствѣ въ то время грубого невѣжества и фанатизма, разъяренная чернь, увлекаемая и разжигаемая какимъ-нибудь фанатикомъ вѣры или просто злоумышленникомъ, желавшимъ поживиться насчетъ евреевъ, расправлялась съ этими послѣдними самымъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ образомъ. Стоило только какому-нибудь фанатику или ловкому прощалыгѣ взвести на евреевъ какую-нибудь небылицу, обвинить ихъ въ несуществовавшихъ преступленіяхъ и направить на нихъ невѣжественную толпу, и горько тогда доставалось несчастнымъ евреямъ. Находилось ли государство подъ гнетомъ страшнаго бѣдствія; явилась ли повальная эпидемія, уносившая сотни и тысячи несчастныхъ жертвъ; вспыхнулъ ли стихійный пожаръ, превратившій цвѣтущія селенія въ печальныя

[1]) Печатая эту статью, дѣлаемъ, съ согласія автора, свои примѣчанія.—*Ред.*

развалины; случился ли голодъ со всѣми его ужасными послѣдствіями: никогда въ такихъ случаяхъ не доискивались истинныхъ причинъ несчастья, а всюду и во всемъ видѣли продѣлки евреевъ и они то были козлами отпущенія. Поэтому, на любой страницѣ исторіи евреевъ въ западной Европѣ глазамъ нашимъ представляются душу раздирающія картины массовыхъ изгнаній, поголовныхъ избіеній, конфискацій имуществъ и возмутительнаго грабежа. Одна только Русь представляетъ въ этомъ отношеніи относительно счастливое исключеніе. Не смотря на то, что евреи проникли сюда при первыхъ Рюриковичахъ, а, быть можетъ, гораздо раньше еще, они не подвергались тутъ такимъ частымъ преслѣдованіямъ и гоненіямъ, не испытывали тѣхъ физическихъ мученій и нравственныхъ униженій, какія выпадали постоянно на долю ихъ собратьевъ въ Западной Европѣ. Но, говоря это, я отнюдь не думаю, что евреи на Руси наслаждались всегда полнымъ благоденствіемъ, что жизнь ихъ протекала тутъ мирно и спокойно и не была нарушена вторженіемъ буйной черни [1]. Я именно говорю относительно, потому что были такіе печальные моменты въ жизни евреевъ на Руси, которые кровавыми буквами занесены въ лѣтописи этого народа и при одномъ воспоминаніи о которыхъ сердце содрагается и кровь въ жилахъ застываетъ. Съ особенной рельефностью въ мартирологіи евреевъ на Руси выдѣляются два такихъ момента, которые навсегда останутся свѣжи въ памяти каждаго изъ нихъ и которые кровавымъ и зловѣщимъ заревомъ освѣщаютъ темную, малоразработанную исторію ихъ въ Россіи. Это были минуты, въ которыя на страдавшаяся и натерпѣвшаяся толпа расправляется со своими врагами-евреями за вѣковыя обиды и мученія самымъ ужаснымъ и невѣроятнымъ образомъ. Моменты эти извѣстны подъ названіемъ возстанія козаковъ подъ предводительствомъ Хмельницкаго

[1]) Первое свѣдѣніе нашихъ лѣтописей о гоненіи евреевъ относится къ 1113 г., когда, послѣ смерти В. К. Святополка, кіевляне разграбили дворъ притѣснявшаго ихъ тысяцкаго Путяты и „идоша на жиды и разграбиша я". Это нападеніе объясняется первымъ распоряженіемъ Мономаха, занявшаго вслѣдъ за тѣмъ княжескій столъ: онъ, желая удалить причину волненія, собралъ мужей своихъ и порѣшилъ общимъ совѣтомъ уменьшить росты. Соловьевъ II, 78—79.—*Ред.*

и движенія гайдамаковъ подъ начальствомъ Желѣзняка и Гонты, или такъ называемая коліивщина.[1]). Движеніе Хмельницкаго и положеніе при немъ евреевъ достаточно разработаны лучшими историческими силами у насъ и заграницей. За то исторія коліивщины долго вовсе не изслѣдовалась, но въ послѣднее двадцатилѣтіе очень посчастливилось исторіи гайдамачины. Въ теченіе такого въ сущности незначительнаго времени была открыта, разработана и издана масса документовъ, бросающихъ яркій свѣтъ на считавшіеся долго темными и запутанными вопросы. Самый главный вопросъ о томъ, что вызвало на историческую арену печальное явленіе гайдамачины, вопросъ, возбуждавшій очень долго самую ожесточенную полемику между русскими и поляками, желавшими взваливать отвѣтственность за тяжесть совершенныхъ гайдамаками преступленій одна на другую,— вопросъ этотъ тщательно разработанъ и рѣшенъ съ честью для Россіи. Съ этой послѣдней снято теперь тяжкое обвиненіе въ томъ, что она, по словамъ польскихъ историковъ, изъ политическихъ соображеній принимала активное участіе въ дѣлѣ разжиганія народныхъ страстей, направленныхъ къ истребленію ненавистныхъ имъ поляковъ. Обнародованные по этому вопросу документы [2]) самымъ краснорѣчивымъ образомъ доказываютъ, что Россія не только не брала подъ свое покровительство бунтовавшихъ гайдамаковъ, не только не поощряла ихъ притязаній, но учинила даже надъ ними самую жестокую расправу за всѣ совершенныя ими злодѣйства. Выяснено также съ очевидной убѣдительностью, что гайдамацкія волненія не происходили на почвѣ экономическихъ неурядицъ, не были послѣдствіемъ тяжелаго матеріальнаго гнета, тяготѣвшаго будто-бы тогда надъ гайдамаками [3]), а имѣли такъ сказать чисто духовный и религіозный характеръ [4]). Это была жестокая и отчаянная борьба между пред-

---

[1]) Такое названіе событіе это получило потому, что гайдамаки сражались тогда длинными кольями, что было ихъ главнымъ оружіемъ тогда. *А. Ю. З. Р. ч. I, томъ II.*

[2]) „Кіевская Старина„. 1882 г.

[3]) Переписка гр. Румянцева.

[4]) Мы полагаемъ, что это положеніе автора не вытекаетъ изъ современной разработки даннаго вопроса; изслѣдованія о бытѣ крестьянъ (конечно не гайдама-

ставителями двухъ другъ другу ненавистныхъ исповѣданій, католицизма и православія, изъ которыхъ первое насильственно и грубо навязывалось послѣдователямъ другого [1]). Установлено положительно, что гайдамаки были не шайка кровожадныхъ людей, жившихъ грабежемъ и разбоемъ, какъ это утверждалось раньше [2]), дѣйствовавшихъ безъ всякаго определеннаго плана, но что они боролись за вполнѣ опредѣленную идею, заключавшуюся въ желаніи завладѣть Кіевскимъ воеводствомъ или, по крайней мѣрѣ, значительными частями его [3]). Теперь не подлежитъ больше сомнѣнію также и то, что событіе, совершившееся въ 1768 году и казавшееся какъ-бы отдѣльнымъ, ничѣмъ не связаннымъ [4]) эпизодомъ изъ жизни южно-русскаго народа, на самомъ дѣлѣ стоитъ въ непосредственной связи съ цѣлымъ рядомъ событій, происходившихъ въ предшествовавшія времена и подготовившихъ, такъ сказать, событіе 1768 г. [5]). Словомъ, главная причина, долго мѣшавшая безпристрастному и всестороннему выясненію запутанныхъ вопросовъ по исторіи гайдамачины и коліивщины, именно отсутствіе необходимыхъ документальныхъ данныхъ, на что въ свое время сѣтовалъ профес. Антоновичъ, теперь, благодаря обилію матеріала, обнародованнаго въ послѣднее время, вполнѣ устранена, и гайдамачина такимъ образомъ принимаетъ уже цѣльный и опредѣленный хахактеръ и можетъ считаться вопросомъ рѣшеннымъ и закрытымъ. Но, если достаточно установлены причины и мотивы, вызвавшіе на свѣтъ Божій кровавую драму гайдамачины, то страшный эпилогъ этой драмы, знаменитая уманская рѣзня, которая въ исторіи массовыхъ народныхъ преступленій займетъ очень видное мѣсто, эпилогъ этотъ, говорю я, не достаточно

ковъ), по нашему мнѣнію, ясно указываютъ на то, что юридическое и экономическое положеніе крестьянъ было одною изъ важнѣйшихъ, хотя не единственною, причиною гайдамацкаго броженія.—*Ред.*

[1]) А. Ю. З. Р. ч. I томъ II.

[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи. ч. II.

[3]) Шульгинъ. Очеркъ кол. по изд. и неизд. документамъ.

[4]) Костомаровъ. Матеріалы для исторіи коліевщ.

[5]) Уманскій сотникъ Иванъ Гонта.

еще изслѣдованъ, и въ этомъ отношеніи историки колiивщины не сказали еще своего послѣдняго слова. Дѣло въ томъ, что изъ всѣхъ документовъ, заключающихъ въ себѣ описаніе уманской рѣзни, только одинъ написанъ очевидцемъ печальной катастрофы подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и пережитаго [1]). Остальные-же были составлены въ болѣе или менѣе долгій промежутокъ времени послѣ страшной рѣзни, и поэтому сообщенія ихъ, написанныя по воспоминаніямъ или по разспросамъ современниковъ и старожиловъ, (какъ напр. записки Павла Младановича, Липпомана, Мощинскаго и Тучапскаго), страдаютъ нѣкоторой неправдоподобностью и явнымъ противорѣчіемъ. Кромѣ того, одно изъ такихъ описаній принадлежитъ перу человѣка заинтересованнаго, придающаго событіямъ, предшествовавшимъ сдачѣ Умани, личный, тенденціозный характеръ. Я говорю о запискахъ Вероники Кребсъ, дочери бывшаго въ 1768 году Уманскаго губернатора Младановича, несомнѣннаго виновника гибели столькихъ невинныхъ жертвъ, котораго дочь, однако, всячески выдѣляетъ и защищаетъ, взваливая всю вину на бездѣятельность конфедератовъ и др. А между тѣмъ этотъ Младановичъ своей излишней довѣрчивостью Гонтѣ, своей абсолютной бездѣятельностью, мѣшавшей и другимъ что нибудь дѣлать на пользу обороны города, не мало способствовалъ овладѣнію непріятелемъ Умани и происходившей тамъ рѣзнѣ. Эта рѣзня, по своимъ ужасающимъ размѣрамъ, по обилію пролитой крови, по громадному количеству несчастныхъ жертвъ, ею поглощенныхъ, по страшной экзальтированной народной ярости, обнаруженной толпой и превосходящей всякія границы вѣроятности, такъ ужасна и потрясающа, что самые ничтожнѣйшіе и косвенные ея виновники должны быть тщательно отысканы и привязаны къ позорному столбу исторіи. И такъ обнародованными до сихъ поръ описаніями уманской катастрофы не исчерпываются, по моему, подробности о взятіи Умани, не достаточно охарактеризована личность уманскаго губернатора, сыгравшаго такую печальную роль въ этой страшной трагедіи. Кромѣ того

[1]) Оп. бѣд., пост. Умань и Украйну. „Кіевск. Стар.“ 1882 г.

въ тѣхъ описаніяхъ не указано на одинъ пошлый и звѣрскій его поступокъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже и который впослѣдствіи былъ отчасти причиной гибели его. Всякое новое историческое свѣдѣніе, непосредственно относящееся къ уманской рѣзнѣ, заслуживаетъ быть обнародованнымъ. Вотъ соображенія, по которымъ я, не вдаваясь въ обсужденіе вообще причинъ, породившихъ гайдамацкее движеніе, рѣшилъ дать въ русскомъ переводѣ найденный покойнымъ магистромъ Гурляндомъ въ азіатскомъ департаментѣ и изданный послѣ его смерти написанный на еврейскомъ жаргонѣ документъ, относящійся къ исторіи коліивщины [1]). Авторъ мемуара, бывшій печальнымъ зрителемъ разыгравшейся уманской трагедіи, спасшійся отъ угрожавшей ему гибели, описываетъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и пережитаго подробности уманской рѣзни, ставшей такой печальной для многихъ его единовѣрцевъ. Документъ этотъ поражаетъ очевидностью сообщаемыхъ имъ фактовъ и заслуживаетъ, по моему, бóльшаго довѣрія, чѣмъ изданныя до сихъ поръ польскія записки, заключающія въ себѣ описаніе уманской рѣзни, такъ какъ онъ написанъ безъ всякихъ предвзятыхъ политическихъ тенденцій, а передаетъ только факты, какъ они происходили, не придавая имъ своей собственной, личной окраски. Притомъ онъ освѣщаетъ нѣкоторыя запутанныя подробности, предшествовавшія сдачѣ города. Авторъ мемуара, нельзя сказать, чтобы отличался мастерствомъ изложенія и умѣніемъ обрисовывать предметы яркими и рѣзкими чертами; мемуаръ его уснащенъ массою излишнихъ подробностей и повтореній, тѣмъ не менѣе я рѣшилъ ничего не выпускать и держаться, на сколько это возможно, буквальнаго перевода. Надѣюсь, что всѣ интересующіеся исторіей коліивщины обратятъ на этотъ документъ должное вниманіе и прочтутъ его съ нѣкоторымъ интересомъ. Въ заключеніе я долженъ обратить вниманіе кого слѣдуетъ на еще одинъ пробѣлъ въ исторіи гайдамачины, который заслуживаетъ быть пополненнымъ. Я говорю о полномъ игнорированіи изслѣдователями этой эпохи вопроса объ участіи евреевъ въ дѣлѣ

---

[1]) Лекеротъ Гагзеротъ Бизраиль. Гурляндъ Одесса.

подготовленія гайдамацкихъ волненій на Украйнѣ. Дѣйствительно, въ то время, какъ о дѣятельности евреевъ въ подготовленіи движенія Хмельницкаго написано довольно много, тотъ же самый вопросъ о роли евреевъ передъ гайдамачиной обойденъ полнѣйшимъ молчаніемъ. По крайней мѣрѣ нѣтъ, кажется, никакихъ болѣе или менѣе явныхъ указаній на тлетворное вліяніе, на предосудительные поступки евреевъ по отношенію къ гайдамакамъ. Даже главный виновникъ гайдамацкихъ звѣрствъ, разжигавшій расходившуюся толпу, Мотренинскій архимандритъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій, въ своихъ жалобахъ и ляментаціяхъ на угнетеніе православныхъ и православной церкви со стороны поляковъ, о евреяхъ почти и не говоритъ [1]). А между тѣмъ было-бы въ высшей степени желательнымъ выясненіе вопроса о томъ, понесли-ли евреи свое страшное наказаніе при движеніи гайдамаковъ заслуженно, какъ по крайней мѣрѣ при Хмельницкомъ, или они въ данномъ случаѣ были только бѣдными *Макарами* за чужіе грѣхи, за грѣхи польскіе. Извѣстно только то, что положеніе евреевъ на Украйнѣ въ то время было гораздо хуже и ужаснѣе положенія поляковъ; постигшая ихъ участь была печальнѣе участи послѣднихъ. Убійства крестьянами евреевъ, говоритъ г. Шульгинъ [2]), происходили чаще убійствъ шляхты. Особенно часто они рѣшались на убійство евреевъ, будучи пьяными. Убивать евреевъ было какъ-бы обязательно. Евреи не знали, куда дѣваться. Никто не хотѣлъ защищать ихъ отъ бушевавшей толпы. Евреи арендаторы вовсе не могли разсчитывать на пощаду. Поляки скорѣе могли, говоритъ другой историкъ гайдамачины [3]), спастись, чѣмъ евреи, потому что поляки находили защиту и въ своихъ замкахъ, и въ своемъ вооруженномъ дво-

---

[1]) Вся эта тирада объ архимандритѣ Мельхиседекѣ не вѣрна: Изъ Ар. Ю. З Р., ч. I т. II, можно наглядно убѣдиться, что арх. М. не только не былъ „главнымъ виновникомъ гайдамацкихъ звѣрствъ", но уже за два года до коліивщины не жилъ въ краѣ (стр. CCVIII—CCIX).—*Ред.*

[2]) Очеркъ коліивщ. по издан. и неизд. документамъ.

[3]) Мордовцевъ. Гайдамачина.

рянствѣ и, наконецъ, въ городской милиціи[1]), въ которой начальниками были поляки. За то евреи остались совершенно беззащитными. Много уже евреевъ успѣло погибнуть, пока гайдамаки двигали свои нестройныя массы отъ Смѣлы до Лисянки. Вдали представлялись еще большіе ужасы и поголовная смерть всему еврейскому населенію. Обремененные большими семействами, въ особенности бѣднѣйшіе изъ нихъ, не имѣли даже возможности куда-нибудь бѣжать. Самыя гайдамацкія пѣсни говорятъ, что имъ было легче справляться съ жидами, чѣмъ съ поляками, и гайдамаки прямо говорятъ, что они всѣмъ имъ снимутъ головы, начиная Борухомъ и кончая Нохимомъ. Вотъ каковъ былъ мартирологій евреевъ на Украйнѣ тогда. Было-ли это по заслугамъ—вотъ вопросъ, который напрашивается на разрѣшеніе. Я, быть можетъ, возвращусь еще къ этому вопросу, а пока перейду къ переводу вышеупомянутаго еврейскаго документа. Авторъ, повидимому, ведетъ свой разсказъ съ той минуты, когда Желѣзнякъ пожелалъ помѣряться силами съ Потоцкими, тогдашними владѣльцами Умани, и съ этой цѣлью онъ повернулъ свой отрядъ по направленію къ Умани, куда, въ добавокъ, влекло его богатство города. Вотъ содержаніе документа[2]).

---

[1]) Это очевидное недоразумѣніе; при польскомъ режимѣ не существовало на Украинѣ никакой *городской милиціи.—Ред.*

[2]) Предлагаемый г. Галантомъ еврейскій мемуаръ о колівщинѣ, конечно, представляетъ интересный матеріалъ для исторіи этого событія, какъ сводъ преданій и взглядовъ еврейскаго населенія края. Мы, однако, полагаемъ, что издатель признаетъ за нимъ слишкомъ серьезное значеніе, утверждая, что мемуаръ этотъ превосходитъ всѣ другіе, понынѣ изданные, точностію и обстоятельностью изложенія. Мемуары: Младановича, г-жи Кребсъ и безыменнаго Базиліана написаны несомнѣнно очевидцами событій, между тѣмъ какъ изъ текста еврейскаго мемуара не видно, чтобы авторъ его былъ „печальнымъ зрителемъ разигравшейся трагедіи"; напротивъ того, нѣкоторыя извѣстія ясно указываютъ, что составитель мемуара находился вдали отъ территоріи, гдѣ разыгрывалась трагедія и собиралъ лишь разсказы объ отдѣльныхъ эпизодахъ, ходившіе среди евреевъ; такъ напримѣръ, весь разсказъ объ усмиреніи гайдамаковъ и казни Гонты совершенно фантастиченъ; авторъ приписываетъ дѣйствія полковника Гурьева—Ксаверію Браницкому и полагаетъ, что гайдамаки были усмирены польскими войсками, по иниціативѣ бродскихъ евреевъ, воздѣйствовавшихъ съ этой цѣлью на Браницкаго. Притомъ авторъ мемуара человѣкъ мало развитой и потому сообщаетъ многія свѣдѣнія или неясно и сбивчиво—

„Господи Милосердный! Доколѣ Ты будешь спокойно взирать на несчастья, постигающія Твой избранный народъ... Это бѣдствіе стоило жизни очень многимъ евреямъ... Ибо одинъ буянъ [1]) изъ Тетіева явился въ городъ [2]) и умертвилъ болѣе четырехсотъ человѣкъ. Затѣмъ они (?) принялись за находившихся въ городѣ евреевъ и истребили ихъ въ количествѣ 5,000 человѣкъ... Многіе хотѣли купить себѣ жизнь цѣною дорогого выкупа, но это не помогло; и кто только могъ бѣжать—бѣжалъ. Первою несчастною жертвою сдѣлалась женщина, гнавшая на разсвѣтѣ въ поле скотъ. Буянъ, наткнувшись на нее, ударилъ ее своимъ ножемъ. Свидѣтельницей этого страшнаго зрѣлища была другая женщина торговка. Охваченная ужасомъ, она стремительно бросилась къ находившимся въ городѣ евреямъ... Послѣдніе, убѣдившись въ неизбѣжности своей печальной участи, рѣшили не отступать, хотя-бы пришлость погибнуть [3]). Городской канторъ, предвидя близкую смерть, побѣжалъ въ микву [4]), облачился, какъ для молитвы подобаетъ, плача и вопя, сталъ исповѣдываться. Встрѣтившись съ буяномъ,

---

какъ напримѣръ эпизодъ объ истребленіи евреевъ у г. Балты, или безъ всякой критики весьма наивно помѣщаетъ слухи и догадки, ходившіе среди евреевъ, которые онъ выдаетъ за факты, но которыхъ онъ не могъ бы знать, еслибы они и происходили въ дѣйствительности и еслибы авторъ и проживалъ въ Умани во время катастрофы; таковы, напримѣръ, свѣдѣнія о совѣщаніи Гонты съ Желѣзнякомъ, о секретной перепискѣ Гонты съ Младановичемъ и т. п. Мы также не согласны съ мнѣніемъ г. Галанта, относительно объективнаго настроенія автора мемуара, который, по его мнѣнію, написанъ „безъ всякихъ предвзятыхъ тенденцій и собственной личной окраски". Для всякаго читателя ясно, что авторъ смотритъ на происшествія исключительно съ точки зрѣнія интересовъ своихъ единоплеменниковъ, естественно скорбитъ о постигшемъ ихъ горѣ и утрируетъ вслѣдствіе личнаго возмущенія, какъ бѣдствія, постигшія его единовѣрцевъ, такъ и доблестное ихъ поведеніе: стойкость, мужество и т. п.—*Ред.*

[1]) Въ жаргонномъ текстѣ, съ котораго мы переводимъ, написано др. еврейское слово росһаз, что значитъ легкомысленный, легкоумный, буянъ; послѣднимъ значеніемъ я всюду буду переводить приведенное еврейское слово.

[2]) Надо полагать, что рѣчь идетъ тутъ или о Звенигородкѣ, или о Лисянкѣ.

[3]) О томъ, что евреи твердо рѣшили не покидать города, хотя-бы съ опасностью для жизни, мы находимъ неоспоримыя доказательства и у другихъ историковъ. Мордовцевъ. Гайдамачина; Оп. бѣд. пост. Умань и Украйну. „Кіев. Стар." 1882 г. Мартъ.

[4]) Нѣчто въ родѣ купаленъ, гдѣ благочестивые евреи предъ молитвою совершаютъ надъ собою обрядъ омовенія тѣла.

онъ выхватилъ у него ножъ, и своими руками закололъ себя, свою жену и дѣтей. Въ понедѣльникъ, 5 Тамуза [1]), буяны подошли къ Умани. Въ то время за городомъ находилось до четырехсотъ возовъ, полныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые и пали отъ руки буяновъ [2]). Находившіеся въ городѣ евреи, понимая угрожавшую имъ опасность, стали вооружаться для обороны города [3]). Проникши въ замыселъ евреевъ и убѣдившись, что ему придется считаться съ крупною силою, разбойникъ [4]) Гонта пустился на хитрость: онъ написалъ городскому раввину письмо, въ которомъ слезно умоляя (о чемъ?), обѣщаетъ евреямъ свои услуги и покровительство. Хитрость вполнѣ удалась. Прочитавши письмо, раввинъ повѣрилъ словамъ Гонты, что такимъ способомъ (какимъ?) легко будетъ отдѣлаться отъ опаснаго врага. Раввинъ выразилъ Гонтѣ свою искреннюю благодарность за его благорасположеніе къ евреямъ и отъ себя обѣщалъ ему большіе подарки. Тогда-же онъ и просилъ: Прими насъ подъ защиту, мы же дадимъ каждому изъ твоего отряда по парѣ одеждъ; обманывать тебя не станемъ. А вельможа нашъ сдѣлаетъ и тебя вельможей и подаритъ тебѣ много селъ и деревень [5]). Гонта,

---

[1]) Дата по христіанскому лѣтоисчисленію не обозначена; приблизительно начало іюня.

[2]) Печальная участь, постигшая Лисянку, навела паническій страхъ на все польское и еврейское населеніе Украйны, которое стало искать себѣ убѣжища въ Умани, какъ мѣстѣ болѣе безопасномъ; но городъ, не смотря на обширные свои размѣры, не могъ вмѣстить въ себѣ возроставшаго все болѣе и болѣе количества бѣглецовъ, почему около 6,000 человѣкъ расположились таборомъ у лѣска Грекова, около Умани, и всѣ погибли. Скальковскій. Ист. Нов. Сѣчи; Наѣзды Гайдамакъ.

[3]) Евреи боролись съ рѣдкимъ мужествомъ, поражавшимъ даже и поляковъ и Шафранскій, жалуясь на бездѣятельность и беззаботность послѣднихъ, ставилъ имъ въ примѣръ первыхъ, мужественно оборонявшихъ городъ и не покидавшихъ своихъ постовъ. Зап. Кребсъ; зап. Липпомана.

[4]) Въ жаргонномъ документѣ написано др.-ев. слово roscho, что значитъ нечестивецъ, виновный; на жаргонномъ-же нарѣчіи подъ этимъ словомъ принято разумѣть жестокосердаго человѣка, разбойника. Очевидно, что мемуаристъ былъ особенно возмущенъ противъ главныхъ зачинщиковъ коліивщины, т. к. ихъ *угощаетъ* болѣе острымъ и рѣзкимъ эпитетомъ.

[5]) Мѣсто это объ измѣнѣ или, по крайней мѣрѣ, о желаніи евреевъ измѣнить городу, поражаетъ своимъ противорѣчіемъ собственному разсказу автора о твердомъ намѣреніи евреевъ не покидать города и разсказамъ др. мемуаристовъ объ оборонѣ и сдачѣ города.

какъ оказалось, задумалъ злой умыселъ. При совѣщаніи его съ Желѣзнякомъ, какъ овладѣть городомъ, послѣдній совѣтовалъ поклясться въ искренности, и городъ-де сдастся. Гонта послѣдовалъ совѣту Желѣзняка. И вотъ за три дня до вступленія въ городъ онъ ложно присягнулъ взять евреевъ подъ свое покровительство; благодаря-то сему и было умерщвлено нѣсколько тысячъ евреевъ. Въ понедѣльникъ буяны подступили къ городу и произвели страшный шумъ; было рѣшено войти въ городъ къ вечеру. Тогда выстрѣлили изъ пушекъ, и городскія ворота были заперты. Въ ту самую ночь къ городу подошли (откуда) нѣсколько тысячъ (!) евреевъ, и всѣ были перерѣзаны буянами. Во вторникъ, во время завтрака, они расположились близь города. Желѣзнякъ посовѣтовалъ Гонтѣ попытать счастье и написать коммиссару города [1]) письмо: напрасно ты споришь съ нами; впослѣдствіи ты самъ останешься въ дуракахъ. Развѣ ты не знаешь, что послѣдовалъ царскій указъ, повелѣвающій казнить всѣхъ евреевъ, находящихся въ Польшѣ; въ виду этого, не сопротивляйся и выдай намъ евреевъ. Во всякомъ случаѣ, впусти насъ въ городъ, а мы поставимъ тебя начальникомъ надъ нами. Это письмо, дѣйствительно, произвело желанное впечатлѣніе. Коммиссаръ рѣшилъ, что для него рискованно возстановлять противъ себя Гонту по тому соображенію, что если непріятель овладѣетъ городомъ, тогда ни ему, комиссару, ни магнатамъ не будетъ пощады. И вотъ коммиссаръ рѣшилъ сдаться Гонтѣ безъ всякаго сопротивленія, что де расположитъ Гонту въ его пользу [2]). Но *магнаты* [3]), ксендзы и студенты [4]) иначе отнеслись къ миролюбивымъ заявленіямъ Гонты. Они стали у стѣнъ города и еще усерднѣе продолжали вооружаться. Чтобы

---

[1]) Уманскій губернаторъ Младановичъ.

[2]) Слово *магнаты* очевидно должно отнести къ неточности перевода. Вѣроятно составитель мемуара имѣлъ въ виду шляхтичей. Никто изъ польскихъ магнатовъ въ данное время въ Умани не присутствовалъ.—*Ред.*

[3]) На крайне предосудительный и безчеловѣчный поступокъ Младановича, желавшаго купить себѣ жизнь цѣною гибели столькихъ несчастныхъ евреевъ, никто изъ мемуаристовъ еще не указалъ.

[4]) Ученики базиліанскаго училища.

показать Гонтѣ, что безъ бою городъ не сдастся, и что для защиты его потребуютъ всѣ средства, на сколько это будетъ возможно, осажденные въ городѣ стали стрѣлять въ непріятеля. Затѣмъ всѣ разошлись. Евреи-же стеклись въ синагогу и стали умолять Всевышняго сжалиться надъ ними, ради невинныхъ и безгрѣшныхъ дѣтей. Комиссаръ-же сѣлъ на лошадь и, обнаживъ саблю, сталъ разгонять собравшихся у воротъ города евреевъ и *магнатовъ*. „Не стрѣляйте, сказалъ онъ, ибо я заключилъ съ ними перемиріе“. Узнавъ это, буяны еще ближе придвинулись къ городу. Панъ Марковскій [1]), видя это, съ крикомъ набросился на комиссара, желавшаго открыть непріятелю ворота... Ибо стоило только пану Марковскому захотѣть, и ни одной разбойничьей ноги не осталось-бы (?). Ты хочешь, говорилъ онъ комиссару, чтобы весь міръ плакалъ и проклиналъ тебя. Убѣдившись, что слова его не подѣйствовали на комиссара, панъ Марковскій прибѣжалъ къ городскимъ воротамъ съ тѣмъ, чтобы стрѣлять въ буяновъ. Но сюда поспѣшилъ комиссаръ и, желая лишить пушку возможности стрѣлятъ, заклепалъ ее. Тогда разъяренная толпа съ страшнымъ шумомъ ворвалась въ городъ. Началась ужасная рѣзня. Со всѣхъ сторонъ текли ручьи крови; были слышны только раздирающіе душу крики тѣхъ, которыхъ рѣзали и которые умирали, проклиная Гонту. Со времени основанія Польши не было еще такого несчастья, причинявшаго такую мучительную смерть столькимъ полякамъ и евреямъ. Прежде всего они стали рѣзать евреевъ, и никому не давали пощады. Насчастныя дѣти умоляли разбойниковъ дарить жизнь ихъ родителямъ. Гонта велѣлъ умертвить ихъ за это жесточайшимъ способомъ. Всѣхъ дѣтей связали, колесовали и лошадьми ихъ растоптали. Затѣмъ поймали они одну необыкновенной красоты дѣвушку—отца ея звали рабби Моисей святой—и стали ее принуждать креститься, обѣщая подарить ей жизнь. Но она въ страшномъ гнѣвѣ стала говорить своимъ мучителямъ: „Изверги, какъ смѣете вы принудить меня на такой

[1]) Хорувжій Марковскій не соглашался отперегь ворота, но Младановичъ настаивалъ. Зап. Тучапскаго.

отвратительный поступокъ; я предпочитаю лучше умереть". Ее привели къ колодезю [1]) и указали на набросанную туда кучу убитыхъ... Они стали точить свои ножи, чтобы заколоть ее. Стоявшая невдалекѣ мать ея всячески ее ободряла и говорила: „Такъ, такъ, дочь моя, не забывай своего Бога, Бога дорогихъ предковъ нашихъ". Буяны схватили и бросили ее живую въ колодезь...

Оставшіеся въ городѣ евреи сошлись въ синагогу, желая найти убѣжище отъ лютаго врага. Многіе задабривали буяновъ деньгами и подарками; но тѣ, получивъ деньги, ихъ все таки убили. Всѣ горько плакали и рыдали. Собравшіеся въ синагогѣ евреи стали вооружаться. Среди нихъ былъ одинъ еврей, извѣстный подъ именемъ рабби Лейбъ Шарогородскій. Онъ воспылалъ гнѣвомъ, месть закипѣла въ немъ и, схвативъ мечъ, онъ поразилъ имъ больше двадцати человѣкъ. Другой еврей закололъ ножемъ своимъ нѣсколькихъ человѣкъ. Буяны, убѣдившись, что такимъ образомъ (?) трудно овладѣть евреями, подкатили къ синагогѣ пушку и выстрѣлили. Стѣны съ грохотомъ повалились... Это было въ понедѣльникъ передъ вечеромъ. Нѣсколько тысячъ евреевъ погибло внутри и возлѣ синагоги [2]). Одна несчастная женщина, обезумѣвшая отъ охватившаго ее ужаса и волнуемая страхомъ видѣть своихъ нѣжно любимыхъ дѣтей растерзанными, бросилась въ рѣку и утонула. Во все это время буяны предавались необыкновенному пьянству и обжорству; все же имущество города было ими разграблено. Затѣмъ они отправились въ ратушу и созвали туда всѣхъ оставшихся въ городѣ купцовъ. Здѣсь обѣщали имъ жизнь, если только они добровольно отдадутъ все свое имущество. Купцы повѣрили и принесли что получше изъ вещей: золото, серебро и разныя дорогія украшенія. Когда все было снесено, ихъ стали подвергать жесточайшей смерти: схва-

---

[1]) Это, конечно, тотъ роковой колодезь, о которомъ Тучапскій говоритъ, что онъ былъ глубиною въ 200 сажень, и весь онъ былъ наполненъ трупами. Зап. Тучапскаго.

[2]) Тучапскій говоритъ, что болѣе страшныя жестокости обрушились на евреевъ. Они плавали въ собственной крови, безъ рукъ, безъ ушей, безъ ногъ, обнаженные, и сами просили, чтобы ихъ убивали. Зап., Тучапскаго

тывали ихъ за бороды и пейсы, и съ высоты ратуши бросали внизъ съ такой силой, что кости разлетались. Уманскій еврейскій проповѣдникъ, будучи очевидцемъ страшнаго бѣдствія, обрушившагося надъ его несчастными единовѣрцами, спрятался со всѣмъ своимъ семействомъ въ погребъ, надѣясь избѣжать хоть такимъ образомъ неминучей смерти; но несчастный горько обманулся: одинъ буянъ забрался въ погребъ и однимъ взмахомъ топора отрубилъ ему голову... Затѣмъ погибло еще много мужчинъ и женщинъ; убитымъ и раненымъ не было счета... Уцѣлѣвшіе евреи побѣжали въ синагогу [1]) и, раскрывъ свитокъ Торы, стали умолять Бога сжалиться надъ ними. Но буяны явились и туда. Разложивъ на полу свитокъ Торы, они стали топтать его ногами и рѣзать на немъ евреевъ. Многіе сами предпочли умереть за святыню; другіе бросались подъ ножи буяновъ; третьи самихъ себя или другъ друга закалывали... Нѣкій рабби Гиршъ канторъ сказалъ: „Братья! Я съ радостью готовъ лишить себя жизни, но, Богъ вѣсть, удостоимся ли мы быть погребенными, такъ какъ буяны, повидимому, ни одного изъ насъ не оставятъ въ живыхъ"... Рѣзня была такъ велика и ужасна, что кровь зарѣзанныхъ стояла въ синагогѣ повыше пороговъ [2])... Потомъ буяны вынесли изъ синагоги всѣ свитки Торы, разложили ихъ по улицамъ города и верхомъ проѣзжали по нимъ... Трупы убитыхъ евреевъ десятками (не гипербола ли это?) тысячъ валялись по городу... Ихъ подвергали мучительнымъ истязаніямъ: рубили, кололи, четвертовали и колесовали, они же съ радостью принимали смерть, а Богу своему все таки не измѣнили... Малютокъ отрывали отъ грудей своихъ матерей и *колесовали* [3])... Одинъ буянъ закололъ на одномъ чурбанѣ нѣсколько сотъ евреевъ... Дѣти пострадали за грѣхи своихъ отцовъ и матерей.

[1]) Въ Умани было, повидимому, нѣсколько синагогъ. т. к. одна, какъ сказано выше, было раньше еще разрушена.

[2]) Въ одной синагогѣ перерѣзали ихъ, по словамъ Тучапскаго, больше трехъ тысячъ человѣкъ. Зап. Тучапскаго.

[3]) *Разсказъ о колесованіи*, очевидно, одно изъ преувеличеній, которыми переполненъ разсказъ; для колесованія необходимо было построить особую машину и запастись опытнымъ палачемъ, что наврядъ-ли мыслимо среди описаннаго порывистаго избіенія.—*Ред.*

Валявшіеся трупы бросали за лишь (?) отъ города; ручьи крови всюду виднѣлись. Трупы сдѣлались добычей свиней и собакъ. Рѣзня эта продолжалась восемь дней. Спустя нѣсколько времени, Гонта объявилъ приказъ, что никто не смѣетъ скрывать у себя еврея; кто ослушается, голова того будетъ разсѣчена. Около восьмидесяти вооруженныхъ человѣкъ, незамѣтно пробрались въ одинъ погребъ, намѣреваясь укрываться отъ бдительнаго ока непріятеля. Всякаго буяна, попытавшагося туда проникнуть, убивали. Буяны, видя, что такъ имъ не овладѣть погребомъ, принесли соломы, зажгли ее и бросили въ погребъ, отчего всѣ находившіеся въ погребѣ погибли въ мучительныхъ страданіяхъ. Многіе искали себѣ убѣжище среди огромныхъ камней, покрывавшихъ сосѣднія поля, но и изъ нихъ никто не уцѣлѣлъ. Такимъ образомъ (какимъ ?) они закалывали и дѣтей. Мучимые страшнымъ голодомъ, приходили они къ своимъ палачамъ просить хлѣба; хлѣба имъ дѣйствительно давали, но сейчасъ-же и убивали. Словомъ, напрасно я напрягу свои усилія описывать вамъ весь ужасъ обрушившагося на насъ несчастья... Было пролито столько невинной крови, что слѣды ея виднѣлись далеко за городомъ. По вступленіи въ городъ Гонта велѣлъ вогнать въ костелъ всѣхъ *магнатовъ*, должностныхъ лицъ и комиссара [1]). Вокругъ костела поставили многочисленную стражу оберегать всѣ входы и выходы. Гонта приказалъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не могъ ускользнуть. Нѣкоторые изъ магнатовъ обратились къ стоявшему среди нихъ комиссару съ ѣдкой насмѣшкой: „Ты, вѣдь, доброжелатель нашъ и съ Гонтой очень друженъ; посовѣтуй-же, какъ намъ избѣгнуть теперь неминучей смерти". Но комиссаръ растерянно молчалъ; сознавалъ онъ, что и его конецъ близокъ. Вошедши въ костелъ, Гонта схватилъ поблѣднѣвшаго комиссара, набросилъ ему арканъ на шею, и самымъ позорнымъ образомъ вывелъ его изъ костела: Гонта нарушилъ данную клятву. Всѣ магнаты были умерщвлены. Комиссара раздѣли до нага, набросили ему на

[1]) По мнѣнію польскихъ мемуаровъ, губернаторъ Младановичъ, исполненный досады и отчаянія, самъ отправился въ костелъ. Зап. Липпомана; Зап. П. Младановича; Зап. Тучапскаго.

шею веревку и въ такомъ видѣ водили его по всѣмъ улицамъ города. Затѣмъ ввели его въ одинъ домъ, и Гонта далъ ему стаканъ меду говоря при этомъ: „Пей, скорѣе! Подарокъ этотъ предподноситъ тебѣ твое любимое чадо". Гонта сѣлъ и всячески издѣвался надъ смущеніемъ комиссара. „Ты, вѣдь, клялся пощадить меня, сказалъ съ укоромъ комиссаръ Гонтѣ".—„И ты вѣдь измѣнилъ своему слову, данному евреямъ, не выдавать ихъ мнѣ", гнѣвно отвѣтилъ Гонта. „За клятвонарушеніе одно тебѣ вознагражденіе — смерть"! Явился буянъ, и комиссаръ палъ мертвымъ [1]). Они оставались въ городѣ до тѣхъ поръ, пока все не было расхищено ими. Затѣмъ буяны разсѣялись по близъ лежащимъ деревнямъ, желая лишить евреевъ возможности спасенія. По дорогѣ буяны наткнулись на сто возовъ евреевъ. Послѣдніе отъ страшнаго испуга не знали, куда дѣваться и, обезумѣвъ отъ обуявшаго ихъ ужаса, бросились въ рѣку, и всѣ утонули. Были тамъ въ то время два брата очень благочестивыхъ. Многіе совѣтовали имъ спастись бѣгствомъ, но они наотрѣзъ отказались и предпочли умереть лучше вмѣстѣ съ своими несчастными единовѣрцами. Два буяна приступили къ братьямъ, отняли имѣвшіяся у нихъ деньги, приговаривая: „переночуйте тутъ, а завтра утромъ мы переправимъ васъ черезъ рѣку". Ночью буяны вошли къ нимъ въ комнату, одного сейчасъ закололи, а другому, попытавшемуся бороться съ ними, вонзили кинжалъ въ грудь. Недовольствуясь этимъ, они вбили ему колъ въ голову. Окровавленный, издавалъ онъ такіе раздирающіе душу крики, что было слышно далеко за городъ. Евреи, искавшіе спасенія въ бѣгствѣ въ Балту, преслѣдуемые мечемъ Гонты [2]), были настигнуты буянами не далеко отъ Балты, въ коли-

[1]) Разсказанный тутъ фактъ личной расправы Гонты съ губернаторомъ Младановичемъ отчасти подтверждается, отчасти опровергается другими мемуаристами Зап. Тучапскаго; Зап. П. Младановича.

[2]) Несомнѣнно, что тутъ рѣчь идетъ о другомъ героѣ движенія коліевъ, не участвовавшемъ, правда, въ Уманской рѣзнѣ съ Гонтой и Желѣзнякомъ, но расправлявшемся съ поляками и евреями въ другихъ мѣстностяхъ Украйны, между прочимъ преслѣдовавшемъ евреевъ послѣ бѣгства ихъ въ Балту. Я говорю о Неживомъ. Костомаровъ. Мат. для ист. кол.

чествѣ 70 человѣкъ; между ними были евреи изъ-подъ Занковы (?) При видѣ грозныхъ враговъ, они отъ испуга окаменѣли и не могли двинуться съ мѣста. Одинъ грекъ предложилъ купить себѣ жизнь деньгами. Евреи отдали имъ имѣвшіеся у нихъ 300 дукатовъ. Другой грекъ велѣлъ имъ сбросить съ себя одежду, и когда требованіе это было исполнено, ихъ всѣхъ умертвили. Это произошло 4 Тамуза [1]). Все мѣсто было усѣяно валявшимися трупами. Одинъ турокъ верхомъ прискакалъ въ городъ и разсказалъ евреямъ обо всемъ, случившемся за городомъ. Евреи стали совѣщаться, какъ отдать послѣдній долгъ убитымъ и похоронить ихъ. Они отправились къ старшему (какому?) и предложили ему 500 талеровъ за разрѣшеніе похоронить убитыхъ. Старшій согласился, а для защиты ихъ отъ бродившихъ повсюду буяновъ, послалъ съ ними двадцать туровъ. Два еврея, переодѣвшись турками, сопровождали ихъ. Среди кучи убитыхъ они нашли одну изувѣченную женщину, которая едва слышнымъ голосомъ разсказала имъ о происходившей ужасной рѣзнѣ. Ее перевели въ городъ, гдѣ она вскорѣ и скончалась. Искавшіе спасенія въ Балтѣ жестоко обманулись. Гонта послалъ за ними въ погоню нѣсколько пушекъ и 500 человѣкъ, подъ начальствомъ одного старшаго, по имени Шила [2]), видъ котораго производилъ впечатлѣніе кровожаднаго звѣря. По вступленіи въ городъ они предавались пьянству и обжорству. Шило послалъ четырехъ человѣкъ узнать, съ какою силою ему придется тутъ считаться. По дорогѣ они натолкнулись на двухъ юношей, которыхъ и хотѣли убить. На помощь юношамъ явился старшій (?), и буяны, получивъ съ него деньги, выпустили свою добычу. „Кто послалъ васъ сюда", обратился старшій къ нимъ съ вопросами.—„Мы посланы сюда для того, чтобы во всей Польшѣ не оставить въ живыхъ ни еврея, ни поляка", отвѣтили они. Въ такомъ случаѣ, сказалъ стар-

---

[1]) Сюда вкралась, конечно, ошибка: должно быть 14 Тамуза.

[2]) По словамъ нѣкоторыхъ историковъ, Шило, дѣйствовавшій и раньше вполнѣ самостоятельно, независимо отъ гайдамацкихъ шаекъ, по взятіи Умани, бросился на Балту, куда влекло его извѣстіе, что многіе евреи и поляки нашли тамъ убѣжища, и онъ самъ отправился за ними въ Балту.

шій, я не выдамъ вамъ ни одного изъ нихъ; безъ вѣдома турка (?) я не могу бросить ихъ на произволъ. Если даже вы представляете собою царскую рать, то и тогда, согласно существующимъ законамъ, вы безъ разрѣшенія не смѣете близко подходить къ городу (?). Буяны хранили глубокое молчаніе; они все обдумывали, какъ имъ все-таки овладѣть евреями. Пробыли они въ городѣ три дня, въ теченіе которыхъ предавались безпрерывнымъ попойкамъ и кутежамъ. Во все это время евреи нисколько не пострадали. Начальникъ города всячески ободрялъ и утѣшалъ евреевъ, обѣщая защищать ихъ до послѣдней возможности. „Татары (?) тоже скоро явятся на помощь вамъ",—говорилъ онъ. Начальникъ одновременно принималъ подарки, какъ отъ евреевъ, такъ и отъ буяновъ, отъ чего евреи совершенно потерялись и пали духомъ, видя въ этомъ (въ чемъ?) кару Божію за то, что они, имѣя возможность бѣжать, оставались, однако, цѣлыхъ три дня въ одномъ городѣ съ буянами. Въ четвергъ татары въ количествѣ 80 всадниковъ вошли въ городъ. При видѣ татарской рати, буяны испугались и другъ другу говорили, что татары явились съ тѣмъ, чтобы сражаться съ ними. Немедленно отправились они къ своему старшему, совѣтуя ему скорѣе оставить городъ. Въ одну минуту ихъ не стало въ городѣ. Татары вошли въ польскій городъ [1]), и встрѣтились тамъ неожиданно съ христіанами, и татары нѣкоторымъ изъ нихъ отрубили головы. Остальные христіане побѣжали къ буянамъ и разсказали, что татары начинаютъ входить въ Польшу (?!)—Извѣстіе это сильно разгнѣвало буяновъ, и они возвратились, чтобы вступить въ бой съ татарами, а противъ евреевъ они послали нѣсколько пушекъ.—Ожесточенная битва между татарами и буянами продолжалась полдня, въ который нѣкоторые евреи рѣшили уйти изъ города. Евреи-же, возлагавшіе надежды на татаръ, остались въ городѣ, и всѣ погибли. Евреи, убѣжавшіе изъ города, попали въ руки татарамъ, и всѣ были перерѣзаны.

---

[1]) Балта была раздѣлена рѣчкою Кодымою на двѣ половины; изъ нихъ одна, собственно Балта, принадлежала Турціи, другая Іозефгродъ, Польшѣ, эту часть авторъ разумѣетъ подъ названіемъ „польскій городъ".—*Ред.*

(Татары отомстили евреямъ, вѣроятно, за малодушіе и за постыдное бѣгство изъ города). Многіе дѣйствительно спаслись, но все ихъ имущество погибло... Ужасныя муки и пытки, которымъ подвергались евреи, не поддаются буквально никакому описанію. Евреи, убѣжавшіе въ татарскія земли, по прибытіи въ Бендеры, были взяты въ плѣнъ. Многія отъ истощенія и безсилія погибли въ дорогѣ; нѣкоторые умерли отъ голода и жажды; часть утонула въ Днѣстрѣ, а несчастный остатокъ былъ взятъ въ плѣнъ и исполнялъ тяжелыя работы на барщинѣ. Евреи, жители другихъ городовъ, не переставали надѣяться, что Богъ рано или поздно отомститъ разбойникамъ за невинно пролитую кровь. Это (?) продолжалось три недѣли, втеченіе которыхъ во всей Украйнѣ и Побережьѣ не осталось ни одного еврея, ни поляка. Послѣ всего этого, буяны рѣшили увеличить свои силы, умножить свои пушки и отправиться войною на Польшу съ цѣлью истребить всѣхъ евреевъ и поляковъ и опустошить всю польскую землю. Бродскіе евреи, узнавъ о несчастьѣ, обрушившемся надъ украинскими евреями, отправились въ Шарогородъ къ генералу Браницкому [1]) и стали умолять его прекратить злодѣйства и заступиться за несчастныхъ евреевъ, обрекаемыхъ на жестокія муки и страданія. Генералъ внялъ мольбѣ евреевъ; утѣшалъ ихъ и обѣщалъ воздать буянамъ по заслугамъ [2]). Съ этой цѣлью онъ двинулъ туда свои войска. Генералъ отправилъ въ Умань нѣсколько сотъ человѣкъ, приказавъ имъ пробраться незамѣтно въ городъ. Вступивши въ городъ, генеральское войско отнеслось очень дружелюбно къ находившимся тамъ буянамъ и вмѣстѣ съ ними предавалось необыкновенному пьянству. Генеральское войско похвалило буяновъ за то, что они такъ ловко расправлялись съ евреями, и обѣщало при этомъ, что какъ только въ городъ войдутъ ожидаемыя войска, они вмѣстѣ произведутъ поголовную рѣзню евреевъ. Генералъ велѣлъ приготовить веревки и висѣлицы. Со своими остальными войсками вошелъ онъ въ городъ послѣ; нѣсколько

---

1) Ловчій коронный Ксаверій Браницкій.

2) По словамъ историковъ, Браницкій въ своемъ желаніи укротить гайдамацкія звѣрства имѣлъ въ виду совершенно другія комбинаціи.

сотъ человѣкъ подъ предводительствомъ одного полковника [1]) еще раньше генерала вошли въ городъ. При видѣ страшной картины опустошенія и убѣдившись, что буяны намѣрены производить новыя безчинства и насилія надъ евреями, полковникъ вспылилъ и съ негодованіемъ крикнулъ на нихъ: „Кто позволилъ вамъ такъ жестоко убивать несчастныхъ евреевъ?!“ Понявъ, что полковникъ не шутитъ, буяны обратились было въ бѣгство, но немедленно были задержаны и перевязаны. Съ ожесточеніемъ и лютой яростью полковникъ сталъ бить и терзать ихъ. „Мало съ васъ было произведеннаго грабежа, вы хотѣли еще опустошить всю Польшу!“—гремѣлъ голосъ полковника. „Царь не облекалъ васъ властью проливать столько невинной крови“. Затѣмъ генералъ Браницкій приказалъ своимъ донцамъ окружить буяновъ и никому не давать возможности исчезнуть. Донцы съ обнаженными саблями обступили буяновъ. Потомъ принялись за Гонту и причиняли ему неимовѣрныя страданія. Его заковали въ желѣзныя цѣпи и самымъ безчеловѣчнымъ образомъ били. Гонта поднялъ отчаянный вопль. „Недостоенъ я пощады, говорилъ онъ, т. к. я всегда былъ безжалостенъ къ стонамъ и мольбамъ дѣвицъ и вдовъ, которыхъ часто закалывалъ“. „Одна несчастная вдова умоляла меня однажды оставить её въ живыхъ; въ отвѣтъ я однимъ взмахомъ ноги выбилъ ей всѣ зубы; по заслугамъ и мнѣ воздадутъ“. Браницкій приказалъ своимъ отрядамъ отправиться въ деревню за возами. Москвичи (москали, вѣроятно) отправились и привезли возы. На каждый возъ помѣстили по шести буяновъ; по дорогѣ они смѣялись и веселились, но какъ только они были приведены въ городъ (какой?), смѣхъ ихъ совершенно прошелъ. Пойманныхъ буяновъ вѣшали по семи въ каждой деревнѣ. Гонту приказано было генераломъ не вѣшать: его сначала подвергали ужаснымъ пыткамъ. Потомъ его заключили въ подземелье, и генералъ послалъ въ Шарогородъ за палачемъ. Когда палачъ явился, созвали всѣхъ евреевъ смотрѣть на печальный конецъ Гонты. Прежде всего съ него

---

[1]) Тутъ рѣчь идетъ о полковникѣ Гурьевѣ. Зап. Липпомана; Зап. П. Младановича; зап. В. Кребсъ.

желѣзными гребнями сдирали кожу. Затѣмъ сдѣлали желѣзную корону, сильно накалили и надѣли её Гонтѣ на голову, говоря при этомъ: сегодня мы коронуемъ тебя въ польскіе короли [1]). Палачу, для поддержанія и усиленія обуявшаго его звѣрства, давали пить водку. По временамъ палачъ прибѣгалъ и вырывалъ каждый разъ по куску мяса изъ тѣла Гонты. Затѣмъ Гонта былъ на части разрубленъ.

И. В. Галантъ.

[1]) О томъ, что Гонтѣ надѣли корону, нѣтъ никакихъ указаній у польскихъ мемуаристовъ, описавшихъ казнь Гонты и предшествовавшія ей обстоятельства. Но на Украйнѣ весьма распространено одно преданіе, которое, какъ нельзя больше подтверждаетъ сообщеніе еврейскаго мемуариста. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ м. Борщовкѣ, сквир. уѣзда, на берегу протекающей рѣчки Рось, возлѣ городскаго кладбища, расположены въ громадномъ количествѣ большіе камни. Среди нихъ выдѣляется одинъ камень, обращающій на себя всеобщее вниманіе. Преданіе объ этомъ камнѣ разсказываетъ слѣдующее. Въ то время, когда Украйна страшно страдала отъ движенія гайдамакъ, опустошавшихъ одно селеніе за другимъ, Гонта завернулъ и въ Борщовку, намѣреваясь предать и ее огню и мечу. Вдругъ взоръ его остановился на этомъ камнѣ, и Гонта произнесъ: „Я попытаю свое счастье: если я камень этотъ сдвину съ мѣста и брошу его въ рѣчку, тогда вся Украйна будетъ мною завоевана; если-же силы мнѣ измѣнятъ, то, значитъ, что моя звѣзда померкла". И вотъ онъ схватилъ камень, нѣсколько потрясъ его, но сдвинуть его съ мѣста немогъ. „Я усталъ, сказалъ Гонта, отъ дороги; пообѣдаю и отдохну, и тогда камень сдвинутъ будетъ". Проснувшись, онъ опять подошелъ къ камню, и какъ былъ онъ пораженъ, увидѣвши, что у подошвы камня, откуда ни возьмись, выросъ маленькій клинообразный камень, который какъ бы поддерживалъ огромный камень. Гонта нѣсколько разъ пробовалъ свои силы сдвинуть камень съ мѣста, но трудъ его оказался напраснымъ. Тогда, обмочивъ свою саблю въ рѣчкѣ, Гонта сказалъ: „Довольно! все для меня кончено"—и отошелъ отъ мѣстечка. По дорогѣ онъ былъ схваченъ Браницкимъ. Послѣдній одѣлъ Гонтѣ корону на голову, а затѣмъ умертвилъ.

Отрывокъ изъ дневника В. Я. Ломиковскаго.

(Октябрь 1822 года).

Обширная переписка В. Я. Ломиковскаго съ другомъ его И. Р. Мартосомъ[1]), продолжавшаяся двѣнадцать лѣтъ (1818—1830 г.г.), почти вся посвящена излюбленной ими „мистикѣ“; лишь въ немногихъ письмахъ Л—аго встрѣчаются свѣдѣнія о житейскихъ дѣлахъ. Но въ одномъ изъ своихъ писемъ Л—ій нашелъ нужнымъ познакомить М—са со всѣми подробностями той хозяйской сутолоки, въ которую онъ былъ погруженъ, живя въ селѣ въ качествѣ „хлѣбопашца“. Въ этомъ письмѣ Л—ій сообщаетъ М—су свой дневникъ за 22 дня октября 1822 г., при чемъ запись посвящена главнымъ образомъ сосѣду Л—аго, эксъминистру Трощинскому. Мы уже знаемъ, что Л—ій былъ—миргородскій помѣщикъ, устроившій себѣ около дѣдовскаго села Шафоростовки, хуторъ, названный имъ *Паркъ-Трудолюбъ*[2]). Въ этомъ хуторѣ Л—ій и жилъ, занимаясь „хозяйствомъ и древностями“. А верстахъ въ въ 8-ми отъ Парка-Трудолюба, въ с. Кибинцахъ, поселился въ 1822 г. бывшій министръ юстиціи Дм. Пр. Трощинскій, послѣ вторичной своей отставки[3]). Трощинскій очень полюбилъ Л—аго и въ деревенскомъ своемъ уединеніи очень цѣнилъ бесѣду образованнаго и живаго парко-

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1895 г., № 10.

[2]) См. Предисловіе къ Словарю Малорусской Старины. Кіевск. Стар. 1894 г., томъ 46-й.

[3]) См. Русск. Старина 1882 г., іюнь, стр. 655 и слѣд.

трудолюбскаго хозяина, который, въ свою очередь, и почтительно, и пріязненно относился къ „вельможному своему сосѣду“.

Несмотря на краткость печатаемаго здѣсь отрывка, мы въ немъ находимъ любопытныя черты изъ общественнаго быта глухихъ уголковъ Малороссіи первой четверти настоящаго столѣтія. Изъ этого же отрывка знакомимся ближе и съ самимъ Л—имъ, наблюдательность и писательская способность котораго показываютъ, что это былъ человѣкъ выдѣлявшійся изъ современнаго ему общества. Въ другомъ мѣстѣ мы намѣрены обрисовать личность Л—аго подробнѣе, а здѣсь лишь пожалѣемъ, что, подчинившись вліянію Мартоса, послѣ случайной съ нимъ встрѣчи у Трощинскаго, въ Кибинцахъ, Л—ій забылъ любимыя имъ прежде „древности“ и погрузился въ „мистику“. Изъ бумагъ Л—аго не видно, чтобы онъ имѣлъ обыкновеніе вести дневникъ. Помѣщаемый здѣсь отрывокъ явился, повидимому, случайно, изъ одного желанія, „обратясь мыслей теплою къ благодѣтелю“, развлечь этого благодѣтеля подробнымъ разсказомъ о своемъ деревенскомъ житьѣ-бытьѣ.

Засимъ, приводимъ письмо съ дневникомъ, опустивъ изъ перваго—мѣста, касающіяся мистическихъ писаній Мартоса.

А. Л.

„На утренней зарѣ и въ сумеркахъ вечернихъ, совѣсть тихо шепчетъ мнѣ: и чтобы значило, что ты коснишъ писаніемъ къ истинному благодѣтелю своему?—Или жизнь разсѣянная заглушила въ тебѣ чувства признанія?—Совѣсть шепчетъ мнѣ и велитъ очнуться отъ забвенія постыднаго. Черными чернилами выражаю вину свою, и кровь багровая зардѣлась на щекахъ моихъ и—возговорило сердце мысленно: выдыбай душа изъ пучины суеты младенческой, пробѣги скорѣе чрезъ дремучій лѣсъ въ поле ровное, обсушися тамъ и согрѣй себя противъ солнца, солнца свѣтлаго, обратися мыслей теплой къ благодѣтелю.

Мнѣ очень пріятно было видѣть въ письмѣ вашемъ отъ 20 сентября изъявленіе удовольствія за книги ваши, одѣтыя въ

мастерскіе переплеты; теперь обстоятельства улучшились и впередъ можно будетъ безъ отлагательства переплетать и безъ замедленія доставлять книги, когда встрѣтится вамъ надобность [1]).

„Я не удивляюсь тому, что благодѣтельный вельможа *изъяснился мудрено* (какъ вы пишите), а можетъ быть и хладнокровно о извѣстныхъ вамъ твореніяхъ [2]). Доложу вамъ, что я

---

[1]) И. Р. Мартосъ присылалъ свои книги изъ Кіева, для переплета въ Кибинцы, гдѣ у Трощинскаго былъ очень хорошій переплетчикъ. Какъ извѣстно, Тр—ій былъ большой библіофилъ и, собирая извѣстную свою библіотеку, старательно „одѣвалъ" книги въ сплошную *телячью* кожу; переплеты эти сохраняютъ свое солидное щегольство еще и теперь. Послѣ смерти Д. П. Тр—аго библіотека его перевезена была племянникомъ изъ Кибинецъ въ м. Кагарлыкъ (кіевск. губ.) и отсюда была куплена, лѣтъ двадцать назадъ, кіевскимъ книгопродавцемъ Федоровымъ, для розничной распродажи. Въ это время и намъ удалось пріобрѣсти нѣсколько книгъ изъ этой библіотеки; всѣ онѣ мастерски переплетены въ сплошную кожу, при чемъ на спинкахъ, кромѣ заглавій, на всѣхъ книгахъ имѣются иниціалы бывшаго хозяина ихъ—Д. Т. Распродавъ болѣе цѣнныя изъ этой б-ки книги, Федоровъ остальныя недавно подарилъ въ кіевскую публичную б—ку, которая такимъ образомъ пріобрѣла очень много рѣдкихъ старинныхъ журналовъ.—Кибинскіе переплеты цѣнились недешево; въ одномъ письмѣ Л—ій, извѣщая М—са, что книги его уже переплетены, пишетъ: „относительно же цѣны, то вотъ и щотъ: 1) два сафьянныхъ переплета—10 руб. да еще 33 переплета французскихъ, каждый по три рубля, всего 109 рублей". Матеріалы для переплета Тр—ій, живя въ Кибинцахъ, выписывалъ изъ Петербурга.

[2]) Повидимому, И. Р. Мартосъ жаловался на равнодушіе Д. П. Трощинскаго къ „мистикѣ". Въ письмѣ Тр—аго къ М—су, 28 апрѣля, 1822 г., читаемъ: „Съ благодарностью получилъ я рукописныя книги, отъ васъ доставленныя и они то занимаютъ меня теперь вседневно; но признаюсь вамъ чистосердечно, безъ предъувѣдомленія вашего, съ толикою твердостію и основательностью опровергающаго ложныя умствованія сочинителя, я бы не имѣлъ терпѣнія прочитать его отъ начала до конца. При всей знаменитости Г. С. (Сведенборга), при всей глубокой мудрости его, одни чудесныя видѣнія его совершенно унижаютъ цѣну его творенія и показываютъ его или сумашедшимъ или шарлатаномъ. Можетъ быть я и обманываюсь на счетъ сего прославленнаго сочиненія, но система его одна изъ тѣхъ, кои никогда не привлекутъ моего къ нимъ уваженія..." Въ другомъ письмѣ (1 іюля 1822 г.) Тр—ій пишетъ М—су: „Употребивъ ровно 50 дней на прочтеніе извѣстной книги вами мнѣ доставленной, я чистосердечно сознаюсь предъ вами, что не смѣю назвать ее *Ангельскою премудростію*, и слѣдуя вашему мнѣнію, „что въ семъ дѣлѣ гораздо полезнѣе молчать", не могу однакожъ не убѣждаться справедливостью того заключенія, которое нашелъ я въ прочитанной другой книгѣ подъ титуломъ *Божественная философія*. Сочинитель сея послѣдніа нащетъ Г. Св. изъясняется сими словами: „Жаль, что онъ часто божественную мистику св. писанія потемняетъ своимъ воображеніемъ, которое нерѣдко заражало его своею ржавчиною. Сія истина

знакомъ теперь съ прямымъ образомъ мыслей его, относительно такого рода твореній, ибо когда случайно зайдетъ рѣчь объ библейскихъ обществахъ или о казанскомъ журналѣ, отличающемся богословскими сочиненіями, то онъ часто говоритъ: „не люблю я господствующаго нынѣ духа“. На всѣ таковыя сочиненія онъ удѣляетъ самую малую часть времени и сейчасъ спѣшитъ къ свѣтскимъ сочиненіямъ, не говоря уже о застарѣлой наклонности ко всякимъ политическимъ изданіямъ и новостямъ. И такъ, не взирая на то, что онъ усердный сынъ церкви и притомъ ведетъ жизнь благоподательную, не взирая на то, и въ самой даже уединенной жизни своей, не можетъ легко изглаживать впечатлѣній, укоренившихся въ немъ впродолженіе долголѣтняго служенія, начавшагося между богатыми міра и пол-вѣка продолжавшагося предъ лицомъ роскошнѣйшей царицы и двухъ великомощнѣйшихъ царей русскихъ, нельзя сказать, чтобы онъ преимущественно занимался *богомысленнымъ чтеніемъ или выборомъ сильныхъ мыслей*, по коимъ бы могъ размышлять и поступать, предпочитая всегда послѣднее первому; но онъ питаетъ духъ свой всякого рода чтеніемъ; въ семъ отношеніи онъ служитъ тому и другому господину. Нѣкогда удалось мнѣ переложить въ русскіе стихи оду Жанъ-Батиста Руссо, отрывки оной такъ говорятъ:

Счастливъ, кто въ жизни сей
Рубежъ наслѣдственныхъ полей
Спокойнымъ духомъ обтекаетъ,
Чье сердце вопль не ужасаетъ
Вдовицъ убогихъ, дѣтокъ ихъ,
Изгнанныхъ изъ жилищъ своихъ.

* * *

А ты, кѣмъ мила тишина
Въ предѣлахъ сихъ водворена,
Прійди, спокойствомъ насладись,
Заботъ докучныхъ удались,
Они здѣсь крововъ не гнѣздятъ,
Дыханьемъ воздухъ не густятъ...

не можетъ быть чиста, какъ скоро для достиженія къ ней нужно ломать голову...“ Вѣроятно, на эти письма Тр—аго М—съ и жаловался Ломиковскому, говоря, что „вельможа изъяснился хладнокровно о извѣстныхъ твореніяхъ“. (Подлинники приведенныхъ писемъ Тр—аго наход. въ нашей б—кѣ).

Такъ стихотворцы издавна увѣряютъ, что посвятившіе себя сельской жизни могутъ обрѣсти прочное спокойствіе. Истинный христіанинъ, съ твердостью покоряясь промыслу, на всякомъ мѣстѣ найдетъ счастье въ сердцѣ своемъ; сельское же счастье, искуемое въ мірѣ, существуетъ только въ воображеніи стихотворцевъ, ибо нынѣ сельская жизнь нашего дворянства такъ отдѣлена отъ непорочной патріархальной жизни, какъ и лѣтосчисленіе отъ первыхъ періодовъ бытій до нынѣшнихъ временъ, самыхъ мятежныхъ.—Многолѣтніе опыты удостовѣрили меня, что безмятежное спокойствіе не весьма чаще заглядываетъ въ сельскую обитель, какъ и въ городскія палаты. Я посвятилъ себя мирнымъ занятіямъ; любя умѣренность, колико можно удаляюсь отъ суеты, непрестанно ищу уединенія, и при всемъ томъ мирныя упражненія мои треволнуются день и ночь. Въ доказательство сего представляю здѣсь дневныя записки такого хлѣбопашца, котораго полагаютъ въ числѣ трудолюбовыхъ и котораго многіе сосѣди упрекаютъ нерѣдко за то, что рѣдко съ ними видится.

1822 года, мѣсяцъ октябрь.

8-ое число. Украли у меня рабочую лошадь; слѣдъ найденъ у городского жителя.

9. Мнѣ, обиженному, надлежало поѣхать къ городничему и просить удовлетворенія, убѣждая его въ справедливости дѣла моего. Я представилъ градоначальнику, что званіе его столь важно, что и въ самой литургіи церковь молится о немъ въ особенности; онъ отвѣчалъ, что чувствуетъ это; однакожъ лошадь мою болѣе двухъ недѣль изнуряли въ городѣ, наконецъ возвратили ее, но не даромъ!

10. Я повезъ въ городъ подушную подать, за вторую половину сего года, за 91 душу ревизкихъ крестьянъ своихъ заплатилъ за полъ-года до 300 рублей! Кое-какъ еще помѣщики уплачиваютъ за крестьянъ своихъ подати; иного же званія крестьяне погрязли въ недоимкахъ.—Между тѣмъ казначей до-

казалъ мнѣ, что въ числѣ податей, одна бѣлая ассигнація есть фальшивая, вслѣдствіе чего пошли крайне непріятныя переписки, показанія и снятіе сказки по узаконенной формѣ.

11. Еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ получилъ я позовъ [1]), дабы явиться въ повѣтовый судъ къ отвѣту на одинадцатое число октября мѣсяца; позовъ сей данъ на имя мое отъ пяти лицъ, за то именно, что я, соображая обоюдныя выгоды, промѣнялся съ сосѣдомъ своимъ одной полосой земли; не смотря на то, что обмѣнъ сей сдѣланъ былъ 13 лѣтъ тому назадъ и на законномъ основаніи, однакожъ самые неопытные сосѣди, наиболѣе изъ женскаго пола, наставлены были ябедниками, чтобы они, жалуясь на обидчика, приоравшаго у нихъ въ послѣдствіи собственную землю ихъ, ссылались бы и на меня; и хотя при этомъ дѣлѣ истцы просили у меня совѣтовъ для защиты ихъ и я всемѣрно защищалъ ихъ и успѣлъ въ томъ, но все негдѣ того дѣть, что я получилъ позовъ, съ омерзеніемъ занимался нѣсколько дней юридическою словесностью и статутовымъ вижжаніемъ (sic). Среди докучныхъ занятій сихъ, сей день вечеромъ, вельможный сосѣдъ мой (Трощинскій) послѣ стодневнаго отсутствія, прибылъ въ Кибинцы.

12. Вмѣстѣ съ женою пріѣхали мы въ Кибинцы поздравить семейство вельможи съ благополучнымъ пріѣздомъ. Женѣ были сдѣланы намеки за то, что я не встрѣтилъ вельможу вчерашняго вечера и что досточтимый сосѣдъ мой весь вечеръ провелъ въ скукѣ одинъ. Они не внимали тому, что я не былъ предваренъ о пріѣздѣ и отнюдь не хотѣли соображать, что я могъ встрѣтить, какъ и случилось, разныя заботы и ненавистныя сердцу моему занятія,—я же и виноватъ!

13. Присланъ ко мнѣ нарочный въ село Кибинцы съ письмомъ отъ старшаго сына друга моего Алексѣева; онъ прибылъ изъ полку въ отеческую обитель, а потому проситъ меня, чтобы я пріѣхалъ къ нимъ для свиданія, убѣждая тѣмъ, что если я не воспользуюсь симъ случаемъ, то уже нескоро увидимся; сверхъ того, 14-е число октября мѣсяца есть день рожденія его

---

[1]) Повѣстку о вызовѣ.

матери. Докладывая вельможѣ о таковой необходимости, получилъ въ отвѣтъ: „вашъ отъѣздъ крѣпко разстроиваетъ меня, ибо мнѣ необходимо надобно будетъ поѣхать съ вами въ Хорольской уѣздъ, къ Марѳѣ Михайловнѣ Родзянкиной, (родной теткѣ моей по мужу [1]). Я далъ слово возвратиться черезъ два дня. Того-жъ вечера выѣхалъ къ Алексѣеву; ѣдучи съ горы, опрокинулась моя коляска; кучеръ, слуга и господинъ, всѣ трое выкатились изъ экипажа, какъ головки капустныя, но безъ вреда.

14. Домашній праздникъ въ домѣ Алексѣева [2]); обѣдню служили соборомъ; пѣвчіе отличные.—Къ обѣду съѣхались сосѣди и знакомые изъ трехъ уѣздовъ, также военные изъ нѣсколькихъ полковъ и родные изъ нѣкоторыхъ губерній были здѣсь случайно; дамъ было до тридцати; пировали, пѣли и плясали; были игры, хоры и веселія. Хотя ястія и питія явились здѣсь изъ многихъ странъ заграничныхъ, тучныхъ, сладкихъ и ароматныхъ снѣдій представлено было съ преизбыткомъ, однакожъ все сіе посѣтителями пріемлемо было за самое обыкновенное и какъ бы ничто; такъ-то нынѣ усилилась роскошь.

15. Воскресный день; мало кто былъ въ церкви; пированіе такое-же.

---

[1]) Рожденная Шрамченко, изъ м. Воронежа, глуховск. уѣзда.

[2]) Дмитрій Ларіоновичъ Алексѣевъ былъ потомокъ гетмана Апостола и жилъ гдѣ то въ Миргородщинѣ, въ одномъ изъ бывшихъ гетманскихъ имѣній. О немъ Ломиковскій, въ одномъ изъ писемъ къ Мартосу, разсказываетъ слѣдующее: „Д. Л. А(лексѣевъ) объѣхавъ западную Европу въ качествѣ путешественника, пріѣхалъ въ Спб. съ духомъ вольнодумства; здѣсь, во время прогулокъ, увидѣвъ во французской книжной лавкѣ случайно книгу *о небѣ и адѣ*, онъ внутренно смѣялся —какъ можно человѣку, будучи еще на землѣ, описывать адъ и небо? что можно знать, не бывши тамъ?.. Издѣваясь съ однимъ пріятелемъ своимъ надъ заглавіемъ книги, рѣшился купить книгу сію единственно изъ любопытства, дабы посмѣяться надъ писателемъ; какъ, напротивъ того, встрѣтилъ тамъ такія высокія истины, которыя и на мысль не приходили ему. А какъ въ этой книгѣ авторъ ссылается часто на другія творенія свои, то и родилось у Алексѣева желаніе достать всѣ оныя книги и онъ выписалъ изъ Лондона на англійскомъ языкѣ всѣ творенія сего автора: тогда онъ столько примѣнился къ сему автору, что пожелалъ видѣть творенія сіи въ русскомъ переводѣ, а потому и сталъ нанимать переводчиковъ, которые и перелагали творенія сіи съ различныхъ языковъ: съ англійскаго, французскаго, нѣмецкаго, а всего болѣе съ латинскаго языка“. (25 апр., 1823 г.).

16. Оставивъ множество гостей, выѣхалъ рано, чтобы поспѣть въ Кибинцы къ обѣду, и поспѣлъ. Алексѣевъ и жена его гнѣвались на меня крѣпко, что рѣдко бываю у нихъ; разсудительная дама уважила причины мои, хозяинъ же никакого оправданія не принималъ и не захотѣлъ проститься со мной. Гнѣвъ отъ любви, и притомъ крайне неосновательный и несправедливый гнѣвъ, не могъ поселить въ сердцѣ моемъ грустнаго впечатлѣнія. Дмитрій Ларіоновичъ Алексѣевъ никогда бы не поступилъ со мною такъ, какъ младшій братъ его, ибо первый въ бесѣдахъ привѣтливъ, мягкосердъ, слушая оправданія, и въ общежитіи снисходителенъ и всегда скроменъ, какъ красна дѣвица, воспитанная въ высокомъ теремѣ. Того-жъ дня, прибылъ я домой и привезъ женѣ кошницу съ лекарствами.

17. Давалъ женѣ лекарства по семи разъ въ день, а сверхъ того теплую ванну; она страдаетъ застарѣлымъ заваломъ въ селезенкѣ, который однакоже разбитъ болѣе половины.

18. Утромъ пріѣхалъ въ Кибинцы. Въ 12-мъ часу мы легко пообѣдали; по здѣшнему выраженію, легко пообѣдать значитъ—6 блюдъ на завтракѣ да 6 на обѣдѣ; и такимъ образомъ съ полутощимъ желудкомъ выѣхали мы за городъ Хоролъ, въ село Родзянки, къ Мареѣ Михайловнѣ Родзянкиной; третій сотоварищъ нашъ былъ престарѣлый Р. И. Симоновскій. На половинѣ дороги подставлены были лошади, и мы, проѣхавъ 50 верстъ, поспѣли въ село Родзянки при закатѣ солнца.

19, 20, 21. Всѣ сіи дни была дурная погода, не было возможности проѣздиться и разсматривать хозяйскія устройства; по сей причинѣ мы всякій день бостонировали. Оригиналъ Симоновскій и подобная ему француженка, живущая въ домѣ Мареы Михайловны, часто смѣшили насъ странными глаголаніями. Молодежи было довольно, и мы такъ свободно празднословили, что еслибъ незнакомый человѣкъ подслушалъ насъ въ другой комнатѣ, то подумалъ бы, что все общество наше состоитъ изъ самыхъ зефирныхъ блазней; но еслибъ онъ заглянулъ внимательно на собесѣдующихъ, то какъ бы онъ удивился, увидѣвъ тутъ маститаго мужа, министра, украшеннаго первоклассными знаками отличія и утѣшавшагося нашимъ суесловіемъ!

Извѣстно, что нашъ министръ до 2-го часу занятъ дѣломъ, а тамъ, чѣмъ веселѣе и свободнѣе бесѣда, тѣмъ пріятнѣе ему. Такого образа жизни и самъ издатель—*Способа къ долговременной жизни*, Гуфеландъ, не осудитъ.

22. Мы прибыли обратно въ Кибинцы на поздній обѣдъ. Вечеромъ бостонъ и хоръ пѣвчихъ. NB. Кратковременное путешествіе сіе принесло великую пользу народу, и вотъ какую: по случаю переѣзда нашего, я писалъ къ хорольскому исправнику, что на пути нашемъ находится глубокій ручей, на которомъ проѣзжіе крестьяне издревле ломаютъ возы свои или объѣзжаютъ за 4 версты, что во время грязной дороги очень тягостно народу; и такимъ образомъ некоснительно сдѣланъ мостокъ тамъ, гдѣ не бывало онаго отъ сотворенія міра. Министръ, служившій отечеству во благо народа болѣе 50 лѣтъ, весьма стоитъ того, чтобы въ преклонныхъ лѣтахъ его оказывали къ нему особливое уваженіе.

23, 24. Поспѣшилъ домой. Жена моя приготовляла приличные наряды къ празднику. Я же едва успѣлъ снять счетъ расходовъ и прибытковъ хозяйскихъ; прочиталъ новые журналы, газеты и тому подобное.

25. Рано пріѣхалъ я съ женой въ Кибинцы. Здѣсь получилъ я изъ рукъ А. В. Капниста два письма отъ васъ [1]) и драгоцѣнную рукопись вашу. Немедля прочиталъ оную бѣгло, но съ ненасытнымъ удовольствіемъ, потомъ читалъ съ размышленіемъ и новымъ удовольствіемъ перечитывалъ и усладился въ сытость. Сей день засталъ я гостей въ Кибинцахъ: Маѳу Михайловну, Родзянкину съ двумя старшими сыновьями, Анну Петровну Трохимовскую, Багрѣева съ женою; сей сказывалъ намъ, что старшій братъ его женился на дочери министра Сперанскаго, и въ прежнемъ качествѣ черниговскаго губернатора, возвратился съ женой и съ помпой во свояси. Сперанскій, на первый случай, подарилъ новобрачнымъ по 30.000 рублей ежегодно.

---

[1]) Т. е. отъ И. Р. Мартоса.

26. Тезоименитый день нашего эксъ-министра. Еще съ двадцать-третьяго числа посѣтители начали съѣзжаться, но сей день отъ всѣхъ сторонъ катились во дворъ экипажи. Въ церковь ѣхали парадомъ болѣе тридцати экипажей; почти во всякомъ дворѣ видны были пріѣзжіе экипажи. Литургія продолжалась три часа. Возвратясь изъ церкви, едва можно было дойти до гостинной, надлежало крѣпко тѣсниться между мундирами. Изъ числа посѣтителей были: генералъ-губернаторъ князь Репнинъ, бригадный генералъ Ляховичъ; изъ Миргорода, Лубенъ и Лохвицы—полковые командиры, также множество было штабъ-офицеровъ, эполетовъ, эксельбантовъ и пуговицъ съ губернскими гербами. Былъ губернскій предводитель дворянства В. В. Капнистъ съ дочерью, племянницей, внукой и правнукой; былъ и архимандритъ полтавскій Іосифъ; были изъ трехъ уѣздовъ протопопы, священники и діаконы; духовныхъ особъ было вообще 19. Дамъ было немного болѣе, всѣхъ же вообще было болѣе 150 человѣкъ. Что сказать вамъ объ угощеніи?—никакъ нельзя сказать, чтобъ угощеніе было блистательное или расточительное; но оно было въ сытость пресыщенія, какъ водится нынѣ у зажиточныхъ хлѣбосоловъ. Могу сказать утвердительно, что гости, включительно съ прислугою, въ три дня столько проглотили хлѣба насущнаго, рыбъ, птицъ и звѣрей земныхъ, что еслибъ во время оно, припасы сіи находились въ ноевомъ ковчегѣ, то весьма довольно было бы для всего семейства патріарха сего на все время плаванія его поверхъ пучины. Слѣдовательно, нынѣ роскошь столько усилилась, что для пированія имянинъ вельможи потребно издержать съѣстныхъ припасовъ въ три дня столько, сколько во время плаванія Ноя потребно было для годового прокормленія всего рода человѣческаго, въ то время существовавшаго. Но этого мало еще; потребно, чтобы всѣ царства земныя принесли избытки свои для трапезы его, ибо нынѣ уже и пища не въ пищу, если не будетъ приправлена многими иноземными произведеніями, какъ то: перцемъ, имбиремъ, лимономъ, померанцевымъ цвѣтомъ, ванилью, миндалями, амброй, лавромъ, капорцемъ, коринками, изюмами, и проч., и проч. И этого мало! всѣ лѣса и сады міра нашего должны представить изящнѣйшіе плоды свои; до-

лины, горы и острова отдаленныя присылаютъ ему различныя вина свои, коихъ одни имена только [1]) едва припомнить можно! Мудрены нынѣ прихоти людскія. Чудное дѣло! всѣ приморскіе народы суетятся день и ночь, дабы сбыть избытки свои; и шестивершковый желудокъ не можетъ быть довольно сытымъ, если не утучнитъ утробы своей драгоцѣнными произведеніями земли и моря! Посмотрите на городского ремесленника, живущаго вседневными трудами: едва проснется онъ, и первымъ глодкомъ (sic) пожираетъ уже произведенія четырехъ странъ свѣта!—какъ то: кофе—изъ Африки, чай—изъ Азіи, сахаръ—изъ Америки, а булка и крендели свои, изъ Европы. Такъ-то нынѣ большая часть людей трудятся въ потѣ лица своего день и ночь для того, чтобъ не утучнять себя излишками; но соблюдая жизнь умѣренную, садясь и вставая отъ простой трапезы, трудами рукъ своихъ пріобрѣтенной среди зноя или среди нестерпимой стужи, благословляетъ Бога, насыщавшаго отца съ многочисленнымъ семействомъ его. Какъ напротивъ того, большая часть людей, утопавшихъ въ избыткахъ, нѣсколько часовъ сряду просыщается острыми и сладкими яствами, хоры и многолѣтіе громогласно раздается; встаютъ наконецъ нарядные сонмы, рдяныя лица ихъ играютъ веселіемъ—и никто не перекрестится! Кто посмѣетъ сказать, что земной шаръ истощился въ плодородіи своемъ? Господь сказалъ: „когда я одѣваю цвѣты земные, питаю птицъ несѣющихъ хлѣба, то ужели не прокормлю человѣка“?

27, 28. То-же угощеніе и тѣ самыя веселія.

Пиръ веселый пировали,
Въ карты, въ фанты тамъ играли;
Пѣли тамъ, а тамъ плясали;
Въ вечеръ шумный молодцы
Первенствуя, роль играли.
Тамъ не въ модѣ мудрецы,
Гдѣ дѣвицы веселятся
И гдѣ головы вертятся;
На старушекъ не глядатъ,—
Скромно въ уголку сидятъ,

---

[1]) Подъ видомъ славнаго заморскаго вина, мы часто съ ядомъ пьемъ лишь модны имена.—*Примѣч. Ломиковскаго.*

Юность съ горемъ вспоминаютъ,
Съ внучекъ взоровъ не спускаютъ.
Ужъ не видитъ дочь отца,
Все глядитъ на молодца:
Шепчетъ милому тихонько,
Милый руку жметъ легонько...
Суесловью нѣтъ конца.

29. Князь Репнинъ рано выѣхалъ въ Полтаву. Еще оставались въ Кибенцахъ нѣсколько семействъ пріѣзжихъ. Я выѣхалъ домой [1]).

30. Вотъ такъ-то мы въ деревняхъ убиваемъ время; на что такая жизнь похожа? Я тунеядничалъ, а крестьне мои тѣмъ временемъ поочереди, въ сіи три недѣли, занимались моими и своими собственными дѣлами; работы были слѣдующія, орали: починяли разныя строенья для домашняго скота; ушивали (соломяныя) кровли; молотили хлѣбъ, вѣяли, сушили и мололи; квасили капусту и свеклу; продолжали кирпичныя строенія; подковывали лошадей; рѣзали сѣчку для скота; приготовляли къ зимѣ санные экипажи и рабочія сани; жали камышъ; пилили строевой лѣсъ; ловили рыбу; рѣзали тучныхъ валаховъ и овецъ, изъ которыхъ дѣлали вообще слѣдующія всеполезныя употребленія: изъ кишокъ—струны для шаповаловъ и другихъ потребностей; изъ ножекъ—клей мерзляной; кровію поливаются съ успѣхомъ, въ подражаніе китайцамъ, плодоносныя деревья; мясо въ солонину, сало и кожи—на тулупы для людей. Каковы овцы?—Также дѣлали крахмалъ, разныя крупы, вывозили гуменной и скотской навозъ на конопляныя поля и огороды, сѣяли на зиму нѣкоторыя сѣмена садовыя и огородныя; курили горѣлку; дѣлали солодъ; обшивали людей дворовыхъ сапогами, шапками, тулупами, рукавицами и проч. и проч. полезныя и пріятныя занятія. И можно ли такія упражненія, столь близкія къ природѣ человѣка, столь безгрѣшныя дѣла, промѣнять на жизнь тунеядную, на денноношное бдѣніе чувственности безъ мирнаго бдѣнія души? Посудите сами, на

---

[1]) Повидимому, этотъ самый именинный праздникъ описанъ и другимъ сосѣдомъ Трощинскаго. См. Русск. Стар. 1882 г., № 6, стр. 659 и слѣд. См. также Историч. Вѣсти, 1891 г., май, стр. 363, въ Воспоминаніяхъ Софьи Скалонъ.

что похожа жизнь такая? гдѣ мирная тишина въ душѣ, гдѣ спокойствіе въ сердцѣ? И можно ли не краснѣть отъ стыда, давая вечерній отчетъ съ разумомъ и съ совѣстію о употребленіи жизни своей? Гдѣ то хожденіе передъ лицомъ Бога, которое требуется отъ всякого христіанина? Пожалѣйте обо мнѣ, что я совершенно поневолѣ, но всегда съ глубокимъ сожалѣніемъ, убиваю драгоцѣнное время; разсѣянная жизнь сія тѣмъ нестерпимѣе для сердца моего, что у меня похищаетъ, грабитъ, изъ рукъ вырываетъ даже и тѣ золотые часы, которые бы желалъ я вседушно посвятить для сладостнаго собесѣдованія съ вами; не говоря уже о томъ, что закоснѣлость въ празднословіи изгоняетъ духовность, а грубую чувственность, унижающую человѣка, всемѣрно ласкаетъ. Увы! не усну и не почію въ мирѣ!

Теперь доложу вамъ, что получивъ, чрезъ А. В. Капниста, октябрскія письма ваши, положилъ въ мысляхъ своихъ, немедля и безъ всякой отсрочки, дать полный отвѣтъ на всѣ ваши отзывы; но какъ же удивился я, когда на досугѣ сообразилъ, что уже мѣсяцъ прошелъ, а вы и до сихъ поръ не имѣете отъ меня никакого отвѣта! Я самъ себѣ говорилъ: какимъ образомъ это случилось такъ? Вѣдь, кажется, я былъ дома пять дней сряду, хотя дни очень короткіе, при свѣчахъ же я и читать не могу, ибо не хочу баловать глаза очками; однако-жъ, за пять дней, можно бы приступить къ дѣлу; приступилъ, а далѣе не имѣлъ возможности продолжать писанія, ибо въ сіе время гостила у насъ мать жены моей и собственные мои родственники изъ Харьковской губерніи. Послѣ сего получилъ непріятное извѣстіе, что старшій братъ мой жестоко страдаетъ грудною водяною и поѣхалъ въ Полтаву лѣчиться къ славному Росташевскому. Чувство природы повлекло меня къ единоутробному и къ радостному удивленію моему, увидѣлъ брата довольно здороваго и внѣ опасности; онъ говорилъ мнѣ, что ему въ продолженіи 3 недѣль, 8 разъ пускали кровь піявочную и такимъ образомъ вылѣчили отъ водяной, произшедшей отъ закрывшихся гемороидъ. Такіе-то разные непредвидѣнные случаи отторгаютъ меня отъ самыхъ необходимыхъ мнѣ занятій. Представивъ вамъ съ возможной подробностью, всякаго рода помѣхи, которыя

отнюдь не чуждаются и сельскихъ жителей,—убѣдительно прошу васъ, когда и впередъ случится долгій періодъ молчанія моего, то это ни отъ чего другого происходитъ, какъ отъ невольной суеты, жестоко удручающей меня, и что я, какъ бы ни замедлилъ своимъ отзывомъ къ вамъ, но все стряхну съ себя и никогда не допущу себя до такой неключимости, чтобъ при первомъ досугѣ не постарался наградить горестной потери таковой"... (*Письмо помѣчено*: Паркъ Трудолюбъ. Ноября 30, 1822 г.).

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ѲЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г.[1]).

Мое знакомство съ Бородухинымъ началось значительно раньше, въ 1832-мъ году. Онъ очень рано былъ отправленъ въ С.-Петербургъ подъ покровительство родственника по матери, тамошняго чиновника Козакевича, гдѣ и прослужилъ долго, и наконецъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга съ начальникомъ путей сообщенія генераломъ Вельяшинымъ въ г. Моршанскъ, гдѣ сходились разные пути по водяному сообщенію. При Вельяшинѣ онъ былъ секретаремъ. Здѣсь онъ и женился. По его словамъ, онъ могъ бы обогатиться, но не имѣлъ характера нынѣшняго времени, когда при довѣріи начальства расхищаются огромныя суммы, нерѣдко совершенно безнаказанно. По смерти его начальника страшныя начеты навлекли раскассировку. Онъ, хотя и остался невиновнымъ, но все же потерялъ должность; затѣмъ умерла у него жена, и онъ остался съ двумя дочерьми, Александрой и Варварой. Проживъ тамъ годъ или болѣе, онъ прибылъ съ дѣтьми и десятью душами крестьянъ. Онъ переѣхалъ съ тамошними русскими извощиками на своей парѣ лошадей, запряженной въ рессорную бричку. По прибытіи онъ сдѣлалъ мнѣ визитъ и пригласилъ лично съ собою тогда же въ домъ. Я смотрѣлъ на него, какъ на большого чиновника: онъ уже тогда имѣлъ орденъ св. Анны на шею; для меня въ

[1]) См. „Кіевск. Стар". 1895 г., № 10.

селѣ это уже было много. Между тѣмъ онъ обращался со мною радушно, безъ всякихъ панскихъ претензій, нетерпимыхъ мною, на которыя были столь падки наши Городисскіе. Онъ тутъ же меня пригласилъ заняться съ дѣтьми русскою грамматикой, ариѳметикой и катихизисомъ по три дня въ недѣлю. Дѣвочки довольно уже были знакомы со всѣми этими предметами. Между прочимъ нужно замѣтить, что онъ былъ слишкомъ религіозенъ не пропускалъ ни одной литургіи въ воскресные и праздничные дни, любилъ читать на клиросѣ и даже испросилъ у меня позволенье читать акафистъ. Конечно, онъ читалъ довольно хорошо, но скоро убѣдился, что не его это дѣло. Осень, зиму и лѣто онъ провелъ въ Городищѣ, находясь всегда въ хорошихъ отношеніяхъ со мною и видаясь почти ежедневно. Затѣмъ осенью онъ началъ мнѣ говорить, что съ наступленіемъ зимы онъ отправится съ дѣтьми, двумя дворовыми и дѣвкой въ С.-Петербургъ, чтобы тамъ пристроить дѣтей и самому опредѣлиться на службу, пока позволяетъ здоровье. Правда, онъ былъ видный и осанистый мужчина. Сборы въ дорогу затянулись, такъ что онъ выбрался изъ Городища только на масляной недѣлѣ. Онъ купилъ у меня пару лошадей, да своихъ было двое, на однѣхъ только саняхъ устроилъ будку, а двое саней были съ кладью. Въ его саняхъ было по одной большой лошади, а въ третьихъ—пара. На послѣднихъ саняхъ было поставлено нѣсколько сундуковъ и чемодановъ. Я проводилъ его за Кучиновку и здѣсь распростился съ нимъ. Онъ взялъ съ собой только двухъ крѣпостныхъ, кучера Павла и еще другого, остальныхъ же оставилъ въ Городищѣ на моемъ попеченіи. Чрезъ полтора мѣсяца я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ меня извѣстилъ, что находился въ пути болѣе мѣсяца, претерпѣлъ много трудностей, но прибылъ благополучно въ С.-Петербургъ. „Нужно пристроиться—писалъ онъ—и дочь большую устроить, такъ какъ ей уже лѣта подходятъ. Но бѣда въ томъ, что знавшіе меня хорошо одни выбыли изъ службы, а другіе умерли. Однако случай доставилъ возможность сблизиться съ княземъ Кочубеемъ, который доставилъ моей дочери Александрѣ возможность поступить въ Смольный институтъ въ число институтокъ, а мнѣ получить мѣсто контролера въ почто-

вомъ департаментѣ съ даровою квартирою". Кажется, далѣе этой карьеры онъ не пошелъ, прослуживши лѣтъ тридцать и выслуживши полный пенсіонъ и нѣсколько орденовъ. Я содержалъ года четыре оставшихся его людей, но онъ впослѣдствіи, пріѣхавши изъ Петербурга, забралъ еще четырехъ съ собою, оставивъ только старика Бориса съ женой да сынка ихъ, съ содержаніемъ въ мѣсяцъ по одному пуду муки и на проч. расходы на всѣхъ по одному рублю серебромъ, предоставляя имъ право заработывать въ свободное время на себя. Мы съ нимъ переписывались все время до поступленія сына Александра въ Петербургъ, послѣ чего я до самой смерти его получилъ письма два, хотя еще обѣщалъ онъ пріѣхать на родину умирать. Умеръ онъ въ Петербургѣ. Старшая дочь его Александра вышла замужъ за помѣщика, чиновника Ступина, бывшаго консуломъ въ Сиріи, а послѣ на Кавказѣ и въ Персіи и умершаго тамъ отъ холеры, Вторая дочь, Варвара, кончившая тоже Смольный институтъ, осталась въ дѣвицахъ. Уже послѣ смерти отца, недвижимое въ Городищѣ и домъ остались наслѣдникамъ второго брата Константина, а часть, слѣдуемая Александрѣ, тѣми же наслѣдниками пріобрѣтена чрезъ покупку.—Въ сіе время жизнь моя шла своимъ чередомъ. Была у насъ еще дѣвочка Александра, но жила она не болѣе полугода. Черезъ годъ послѣ нея Богъ благословилъ насъ рожденіемъ сына Ѳеодора. Мать его также сама кормила, и по привычкѣ и любви ея къ дѣтямъ болѣе года. Я кромѣ прихода занимался хозяйствомъ, обрабатывалъ самъ поля, бралъ съ половины сѣнокосъ, имѣлъ достаточно лошадей и рогатаго скота и жизнь семейную проводилъ безъ нужды. Прихожане меня уважали и любили, никогда не отказывали мнѣ въ подводахъ, сколько бы ни потребовалось. Я задумалъ приготовить лѣсъ для постройки дома. Это было въ годахъ тридцать восьмомъ и тридцать девятомъ. Тогда я пріобрѣлъ покупкою лѣсъ за весьма сходную цѣну отъ помѣщицы Екатерины Алексѣевны Товстолѣски, въ деревнѣ Будѣ. Тамъ такой лѣсъ былъ, что могъ бы въ настоящее время окупить всѣ ея долги и такую же еще дать сумму прибыли, но она весь его продала, а наконецъ стеклянными гутами лѣтъ въ де-

сять оставила только пни да ничтожныя заросли, да и то пошло съ молотка и продано въ приказѣ Общественнаго Призрѣнія, а ей самой, девяностолѣтней старухѣ, досталось доживать въ домѣ изъ ея лѣса въ Городищѣ, гдѣ она проживала у дочки Анастасіи Бутовичъ до случившагося въ 1869 году пожара, испепелившаго всѣ ея постройки и стоявшую невдалекѣ и самую церковь.— Лѣсъ, пріобрѣтенный покупкой, я тутъ же на мѣстѣ порѣзалъ. По огромности его неудобно было перевозить, да этому способствовалъ случай: тамъ же былъ купленъ лѣсъ для колокольни и на корридоръ, а потому весь купленный лѣсъ, какъ церковный, такъ и мой, тамъ же перепиливался на пластины и доски. Случилась сухая осень, и весь лѣсъ былъ перевезенъ и сложенъ въ нарочно выстроенномъ повѣтѣ, дабы онъ не повредился отъ дождя и находился въ сухомъ мѣстѣ до удобнаго и возможнаго времени къ постройкѣ. Въ то-же время о постройкѣ и подумать нельзя было по случаю неимѣнія денегъ, а потому все было предоставлено времени, когда Богъ поможетъ въ средствахъ. Такъ этотъ лѣсъ пролежалъ до десяти лѣтъ.

Между тѣмъ, за это время выбылъ изъ епархіи преосвященный Владиміръ, а на его мѣсто назначенъ преосвященный епископъ Павелъ изъ Костромы. Духовенство съ нимъ скоро сошлось, увидѣвъ его большую заботливость о вдовахъ и сиротахъ духовныхъ. Вообще и при обозрѣніи церквей онъ казался добрымъ архипастыремъ. Но оборотная сторона медали была не слишкомъ благопріятна для духовенства. Онъ слишкомъ былъ довѣрчивъ къ помощникамъ своимъ и вліятельнымъ въ губерніи лицамъ. Онъ довѣрялъ всѣмъ навѣтамъ таковыхъ лицъ безъ суда и права, нерѣдко переводилъ на другіе приходы, лишалъ на нѣкоторое время мѣста, предавалъ слѣдствію. Второй его недостатокъ былъ тотъ, что онъ всѣ мѣста наполнялъ выходцами изъ другихъ епархій—богословами, которые женились на сиротахъ священниковъ, всѣми уже оставленныхъ, и получали священническія мѣста. Такъ четверть епархіи наполнилась сего рода выходцами изъ русскихъ губерній, чаще всего людьми, не отличающимися хорошею жизнью и неособенно нравственными. Народъ нашъ не могъ долго сходиться, пока само время

не поставило обѣ стороны въ необходимость сойтись, да и сами священники поняли, что нужно приноравливаться къ здѣшнему быту народа, хотя впрочемъ нерѣдко выходили весьма скандальныя дѣла. Многіе изъ нихъ оказались горькими пьяницами и готовы были на всякія мерзости. Впрочемъ, хотя и немного, но были священники трезвые и умные люди. Третьимъ недостаткомъ преосвященнаго Павла было то, что онъ слишкомъ довѣрялъ всякому наушничеству и своему докладчику или дѣлопроизводителю, бывшему съ самаго поступленія и до конца его пребыванія въ нашей епархіи, около 25 лѣтъ. Это отчасти способствовало тому, что за деньги много и много можно было сдѣлать и желаемое получить, да и консисторія не отличалась безпристрастіемъ: за деньги можно было изъ неправаго дѣла сдѣлать правое. Епархія была велика, ежедневно масса просителей, особенно причетниковъ, часто голодавшихъ и проживавшихся до ниточки, и только тогда не рѣдко получавшихъ причетническое мѣсто и посвящавшихся въ стихарь. — Жизнь тогдашняя причетниковъ была очень незавидная: они нерѣдко служили въ родѣ челядниковъ въ домѣ священниковъ, особенно пономари, съ которыми священники разъѣзжали, какъ съ управляющими на козлахъ лошадьми.

Въ 1836-мъ году Богъ благословилъ насъ рожденіемъ сына Өеодора. Жизнь сельская въ это время велась однообразно. Можно сказать, что я съ увеличеніемъ быта хозяйственнаго увеличилъ число лошадей и увеличилъ запашки. Затѣмъ я пріобрѣлъ во владѣніе десятинъ шесть церковнаго поля, чрезъ прошеніе у Епархіальнаго начальства въ пользованіе по бѣдности прихода. Это оказало мнѣ большую поддержку, да еще и то, что я распоряжался полемъ, десятинъ въ пять, принадлежавшимъ Антону Ф. Бородухѣ. Такимъ образомъ я въ годъ могъ продавать пудовъ 200 — 300 хлѣба разнаго рода. Къ тому же я еще пріобрѣлъ обвалившуюся вѣтряную мельницу у Варвары Ивановны Харченковой и ея дѣтей и, исправивъ ее, сталъ получать значительный приходъ, т. к. завозъ не переводился. Мирошникомъ у меня былъ казенный крестьянинъ, временами

горькій пьяница, но весьма хорошо знавшій свое дѣло. Онъ же былъ и ея строителемъ. Цѣны на хлѣбъ поднялись, и я рѣдкую субботу не получалъ три, четыре, а иногда и пять руб. сер., отчего я пріобрѣлъ новый большой самоваръ, и мы уже стали каждодневно пить чай, особенно по утрамъ, но я, любя кофе, варилъ себѣ на конфоркѣ. Бѣлый хлѣбъ у насъ не переводился, а ситницы, которыя постоянно у насъ пеклись, по вкусу и бѣлизнѣ были лучше березнинскихъ булокъ.—Года черезъ два послѣ рожденія Өеодора у насъ родилась дочь Александра, но она долго не жила, всего лишь полгода. Вскорѣ послѣ пріѣзда преосвященнаго Павла я раза два посѣтилъ Черниговъ, и то болѣе съ сестрою маіоршею. Консисторіи я тогда не зналъ и не имѣлъ къ ней надобности. Однажды я встрѣтился съ отцомъ Василіемъ Кизимовскимъ, бывшимъ тоже уже священникомъ тамошней Николаевской церкви. Какъ товарищъ по семинаріи, онъ началъ меня упрекать за то, что я, бывая въ Черниговѣ, никогда не зайду къ нему въ домъ по старому пріятельству. Въ отвѣтъ я ему сказалъ, что послѣ рукоположенія я всего лишь второй разъ въ Черниговѣ; въ первый разъ я пріѣзжалъ въ Черниговъ для необходимыхъ покупокъ и при томъ на самое короткое время. Я далъ ему слово, отнесши письмо на почту, зайти къ нему непремѣнно, что и исполнилъ. Онъ принялъ меня радушно, равно какъ и жена его, Ольга Макаровна, знакомая мнѣ еще дѣвицей. Она дочь Березнинскаго протоіерея Рындовскаго, съ которой я былъ знакомъ, когда въ послѣднихъ классахъ семинаріи погуливалъ съ товарищами Воронкевичами на Березинскихъ вечерахъ, сопровождавшихся всегда музыкой и танцами.—У нихъ тогда уже было четверо дѣтей, а сама Ольга Макаровна была почти больна и изъ здоровой дѣвушки сдѣлалась хилой женщиной. Я по радушному приглашенію остался отобѣдать, пробывъ у нихъ болѣе четырехъ часовъ. Съ сего времени возобновилось наше знакомство, особенно когда черезъ нѣсколько лѣтъ пришлось мнѣ быть благочиннымъ и, слѣдовательно, по необходимости приходилось чаще бывать въ Черниговѣ, въ консисторіи, да кромѣ того я и раньше началъ воспитывать дѣтей Александра и Федора въ Черниговѣ, что также было при-

чиною посѣщенія Чернигова. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ родился, помню, въ постъ, сынъ Василій. Крестнымъ отцомъ всѣхъ моихъ дѣтей былъ мой родственникъ, священникъ о. Петръ Прокоповичъ. И вотъ я въ субботу, пораньше отправивши утреню, поѣхалъ въ Синявку, купилъ попавшейся хорошей свѣжей рыбы и проч. припасовъ и пригласилъ отца Петра на другой день въ качествѣ духовнаго отца для крещенія, которое обыкновенно совершалъ свящ. о. Иванъ Антоновичъ. Онъ успѣлъ во время литургіи пріобщить говѣвшихъ прихожанъ. При совершеніи крещенія посѣщали породиллю Городисскіе паны съ приносомъ хлѣба и всегда курицы, а паніи—индѣйки. Всегда готовилась богатая закуска въ родѣ обѣда или ужина, смотря по времени, и за послѣднимъ блюдомъ баба акушерка подносила всѣмъ присутствующимъ варенуху изъ наливки, при чемъ каждый бравшій полагалъ на поднос деньги.— Всѣ сыновья росли благополучно и въ маломъ возрастѣ подавали надежды, что изъ нихъ выйдетъ что-нибудь доброе и путное. Федоръ былъ особенно быстрый мальчикъ, но на седьмомъ году, кажется, простудился, и болѣзнь продлилась около шести недѣль. Наконецъ, горячка до того ослабила его, что онъ не подавалъ никакой надежды на выздоровленіе. Приглашены были двѣ сидѣлки, т. к. мать до того изнемогла, что едва могла держаться на ногахъ. Въ одну ночь сидѣвшія сказали: „не мѣшайте: бѣдное дитя кончается". Дали ему въ руки страстную свѣчу. Сначала всѣ плакали, но послѣ замолкли. Сидѣлка сказала, что онъ уже скончался. Я прочиталъ молитву „Отче нашъ" и съ горькимъ плачемъ вышелъ изъ комнаты, зашелъ въ школу и проживающему тамъ Кириллу Евдокимовичу Кивлицкому приказалъ копать могилу, около цвинтаря на указанномъ мѣстѣ, близь погребенныхъ родичей. Это уже было за полночь. Самъ я пошелъ въ конюшню къ любимымъ мною всегда конямъ и легъ въ ясли, гдѣ крѣпко заснулъ. Не знаю, сколько я тамъ спалъ, но лошади стали такъ сильно фыркать, что разбудили меня. Вдругъ слышу большой гомонъ около конюшни. Я обозвался, и на мой голосъ стали меня звать со словами; „Федоръ ожилъ!" Не помню, какъ я схватился и побѣжалъ. Вхожу въ комнату и вижу си-

дящимъ на кровати мальчика, а передъ нимъ мать держитъ просфору и чашку чаю. Онъ засмѣялся мнѣ; я опять заплакалъ, но уже отъ радости. Около него сидѣлъ Александръ, а дѣвочка Саша спала въ колыбели. Онъ ея почему-то не любилъ. Мать ее отнесла въ другую комнату.— Разсказываютъ, что послѣ моего ухода Федоръ еще болѣе часу находился безъ признаковъ жизни. Когда взяли изъ рукъ его свѣчу и хотѣли раздѣть его и обмывать, мать замѣтила мягкость и гибкость пальцевъ и непозволила снимать до свѣта. Наконецъ, онъ чихнулъ и какъ бы пробудился отъ сна. Первое слово его было: „мама, я ѣсть хочу!" Самоваръ еще раньше поставили, чтобы нагрѣть воды для обмыванія. Мать отъ радости не знала, что дѣлать, дала ему просфору въ руки, стала приготовлять чай, затѣмъ послала человѣка меня разбудить, зная, что я нерѣдко засыпалъ въ конюшнѣ, около любимыхъ мною коней, боясь, чтобы кто-нибудь не покралъ ихъ.— Федоръ до того сдѣлался худъ, что, казалось, кости видны были чрезъ кожу. Однако онъ сталъ быстро поправляться, часто капризничалъ и требовалъ, чего ему захочется. Мы старались доставлять по возможности все имъ требуемое, радуясь несказанно его выздоровленію и поправкѣ. Я уже говорилъ, что крестнымъ отцомъ всѣхъ почти моихъ сыновей былъ мой родственникъ, священникъ Синявской Покровской церкви о. Петръ Прокоповичъ; но Федора крестилъ Алексѣй Антоновичъ Бородуха. Случилось сіе по слѣдующимъ обстоятельствамъ: онъ служилъ стряпчимъ въ Орловской губерніи, въ городѣ Брянскѣ, прибылъ къ матери въ Городище погостить, отвѣдать и разсмотрѣть на счетъ своей будущности, располагая, по волѣ или по неволѣ, оставить свою службу и послѣ отставки прибыть съ семействомъ и поселиться на мѣстѣ родины въ отцовскомъ домѣ. Такъ какъ онъ первоначально учился въ домѣ тестя, въ то время, когда еще моя жена была ребенкомъ, т. е. только что начинала ходить, то онъ сдѣлалъ мнѣ визитъ. Онъ пріѣхалъ въ зимнемъ крытомъ экипажѣ на тройкѣ бравыхъ вороныхъ лошадей съ бородатымъ русскимъ кучеромъ. Онъ сошелся со мною въ самомъ пріятельскомъ тонѣ. Это было зимою, послѣ Рождества

Христова. Видя, что покойница беременна, онъ пожелалъ быть крестнымъ отцомъ будущаго сего младенца, располагая въ половинѣ мая прибыть въ Городище на постоянное жительство. Сойдясь въ Березномъ съ подрядчикомъ Лыковымъ, занимавшимся тамъ постройкой лавокъ и значительными работами по постройкѣ тамошней Вознесенской церкви, онъ заключилъ съ нимъ контрактъ, по которому Лыковъ обязался выстроить ему въ Городищѣ домъ, по указанному плану, изъ Рагозинскаго лѣсу за двѣ тысячи рублей ас. Этого подрядчика Бородухѣ посовѣтовалъ сынъ настоятеля Вознесенской церкви, Макарія Рындовскаго, Василій, служившій вмѣстѣ съ Бородухой въ Брянскѣ. Рагозинскій лѣсъ, изъ котораго долженъ былъ быть построенъ домъ, былъ тогда безпощадно вырубываемъ для всѣхъ построекъ въ Березномъ помѣщиками, жившими на широкую ногу и за безцѣнокъ продававшими. Вывозка лѣса должна была быть произведена самимъ мастеромъ Лыковымъ. Возвратясь изъ Березнаго, онъ заѣхалъ ко мнѣ на домъ, просилъ меня слѣдить за вывозимымъ лѣсомъ, оставивъ мнѣ 200 руб. ассигн. на покупку дубовъ для стояновъ и подвалинъ. Въ условіе такимъ образомъ былъ внесенъ пунктъ: „а понадобятся майстру деньги, имѣть переписку“. Вскорѣ послѣ того онъ выѣхалъ въ Брянскъ. Дѣло съ постройкой пошло плохо: наступалъ постъ, дорога стала портиться, а лѣсъ все не доставлялся на мѣсто. Я поѣхалъ въ Березное и узналъ отъ протоіерея Рындовскаго, что надежды на подрядчика плохи. Я тотчасъ же послалъ Бородухѣ въ Брянскъ письмо съ увѣдомленіемъ, чтобы онъ тамъ заготовилъ лѣсъ и справилъ его до Ушни (?), отколь, хотя и далеко, но удобно будетъ доставить въ Городище, такъ какъ тамъ люди заможные и рады будутъ случаю заработать. Въ началѣ Іюня мѣсяца онъ пріѣхалъ въ Городище со всѣмъ семействомъ, большая же часть его имущества шла на плотахъ для дома. Федоръ уже родился болѣе недѣли назадъ, и 8-го іюня было совершено крещеніе. Это было въ Петровку. Помню, я поѣхалъ въ Березное и купилъ великолѣпныхъ лещей, что не всегда случается.—Вскорѣ Бородуху извѣстили, что пришли плоты, и онъ отправился для расплаты съ доставщиками, а также для найма подводъ и выгрузки на

берегъ. Здѣсь онъ сейчасъ же нанялъ людей перевезти мебель и прочее имущество, находившееся на плоту.

По смерти его, послѣдовавшей въ 1865 году, я досталъ себѣ покупкою бюро и крытыя сани. Первое и до сихъ поръ еще служитъ, а вторыя одряхлѣли и изъѣздились. Онъ достаточно повезъ съ собой денегъ, но по какому-то подсудному дѣлу онъ раза три отправлялся въ Орелъ и послѣ постройки большого дома скоро остался безъ денегъ.—Онъ былъ человѣкъ разумный, добрый, но вспыльчивый и впослѣдствіи предавшійся страсти выпить. Онъ частно служилъ въ Сосницѣ письмоводителемъ у предводителя дворянства, гдѣ и умеръ отъ случившейся тамъ холеры. Оставшееся послѣ него семейство тоже вымерло: сынъ меньшій, служа въ Новозыбковѣ становымъ, впалъ тоже въ слабость, отъ неосторожности на должности, въ выпивку, вслѣдствіе чего и кончилъ жизнь самоубійствомъ, зарѣзавшись. Старшій сынъ Веніаминъ, выслужившій на Кавказѣ капитанскій чинъ, съ половиннымъ пансіономъ вышелъ въ отставку, жилъ въ Городищѣ и умеръ здѣсь тоже отъ излишней выпивки. Состояніе перешло къ сестрѣ, вышедшей за безчиновнаго Степана Скварскаго, родного брата мужа дочки Меланіи, Никифора Скварскаго.—Послѣ рожденія Василія дѣла по приходу и хозяйству шли также почти однообразно, кромѣ развѣ того, что я опредѣленъ былъ депутатомъ духовнымъ, имѣлъ весьма нерѣдкія отлучки для произведенія слѣдствій вмѣстѣ съ благочиннымъ Бутовичемъ. Тогда я сталъ знакомиться съ дѣлопроизводствомъ, священниками и мѣстностью, потому что нерѣдко приходилось ѣздить на границу другого уѣзда, верстъ за 70, какъ напримѣръ въ село Казиловку, гдѣ первое, въ 10 верстахъ, мѣстечко уже новгородъ-сѣверскаго уѣзда. Такимъ образомъ случались отлучки недѣльныя. Впрочемъ, благочинный Бутовичъ пробылъ въ должности не болѣе трехъ лѣтъ. Онъ былъ человѣкъ полный, но здоровьемъ не отличался. Онъ особенно былъ расположенъ ко мнѣ и всему моему семейству.—Родившемуся въ это время Николаю было уже около года, но онъ еще спалъ въ колыбели. Бывало, Бутовичъ очень часто къ намъ пріѣзжалъ, и первое удовольствіе для него было взять его изъ колыбели и

няньчить. Не знаю, до чего, бывало, онъ выцѣлуетъ все его тѣло. Николай былъ толстенькій мальчикъ, и онъ, бывало, говоритъ: „я нарочно къ вамъ ѣзжу, чтобы поняньчить вашего мальчугу. Я не знаю, до чего я его люблю. Вѣрно, онъ предчувствовалъ, что Николай будетъ его внукомъ, т. к., дѣйствительно, впослѣдствіи онъ женился на внучкѣ его, дочери сына его, Василія Бутовича, конечно, уже по смерти дѣда.

Въ это время я началъ учить грамотѣ дочку Меланію, а вскорѣ и сына Федора. Благодаря Богу, Александръ съ самаго начала имѣлъ охоту къ наукѣ, Федоръ же былъ слишкомъ быстръ, любилъ свободу и любилъ пошалить. Меланія, какъ дѣвица, занималась усидчиво. У нея была компаніонка, погодка, Ксенія Кивлицкая, дочь поручика Евдокима Кивлицкаго, за ученіе которой родители мнѣ платили ничтожную по теперешнему времени цѣну—3 рубля, при томъ она имѣла у насъ и столъ, кромѣ ночлега; въ весеннее-же время я занимался меньше, потому и имѣлъ большую страсть къ пчеловодству, но на первыхъ порахъ я ограничивался небольшимъ количествомъ, рѣдко болѣе полутора десятка пней, но за то я сидѣлъ за каждымъ ульемъ по нѣсколько минутъ, всматриваясь, какъ пчела трудолюбиво работаетъ. Между тѣмъ я не отставалъ и отъ садоводства, постоянно насаждая дички весною, а также обсаживалъ окраины сада лѣсными деревьями: липками, калинами, рябиною и пр., и также кустами крыжовника, красной смородины и малины. Деревья липъ, кленовъ, орѣховъ и проч. посадки теперь свидѣтельствуютъ о моихъ трудахъ и даютъ защиту и тѣнь саду, а плодовыя деревья производятъ плоды. Многія изъ нихъ уже устарѣли, а иныя совершенно высохли и вырублены—время свое беретъ! Я исподоволь занимался своими вышеозначенными дѣтьми; затѣмъ подросталъ Василій. Нужно было и его учить, но я мало имъ занимался, поручивъ его діакону Михайловской церкви, о. Андрею Слѣсаревскому, который также занимался и прочими сельскими дѣтьми. Такъ какъ въ школу было довольно далеко ходить, то я къ этому приспособилъ пономаря моей церкви, Игната Рубановскаго; но страшный лѣнтяй пономарь продѣлывалъ такія штуки: зимою ближайшая дорога въ школу была черезъ ледъ

И вотъ онъ, взявъ Василія за руку, нарочно введетъ его въ ополонку. Въ такомъ видѣ оба они прибѣгаютъ съ плачемъ, разсказывая, что на льду на нихъ набросились собаки, и они, убѣгая, попали въ ополонку. Приходилось поэтому отсылать ихъ лошадью, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока они сами не изъявили желанія ходить пѣшкомъ, собственно для того, чтобы поболѣе выиграть свободнаго времени для прогулки. Впрочемъ Василій учился хорошо, Николай же былъ еще малъ, да и мать его сильно баловала, до двухъ почти лѣтъ кормила грудью, потому что, какъ только попробуетъ отнять его отъ груди, онъ заболѣвалъ, и она опять принималась кормить. Наконецъ, онъ до того ей наскучилъ своей неотвязчивостью, что она отняла его отъ груди, должна была скрываться и болѣе недѣли не показываться на глаза. Мы должны были, особенно нянька, его обманывать, убѣждая, что „мама уѣхала за гостинцами и уже прислала ему бубликовъ, кренделей и пряниковъ“, мать же скорѣе убирается, пожалуй, хоть на печь, чтобы онъ ея не увидѣлъ.

Въ это время нужно было подумать уже и о Черниговѣ, чтобы замѣстить старшаго сына Александра въ уѣздное духовное училище. Дѣло скоро уладилось. Послѣ каникулъ я отправился съ нимъ въ Черниговъ и помѣстилъ его вмѣстѣ съ сыномъ Синявскаго священника Александра Волковича на одной квартирѣ, въ домѣ Мелейши, за семинаріей, ближе къ семинаріи. Я уполномочилъ старшимъ бывшаго уже въ высшихъ классахъ семинаріи и своего односелянина, сына дьячка. Ученіе шло хорошо, и я съ матерью радовались. Мать не пропускала случая, чтобы не послать какихъ-нибудь домашнихъ гостинцевъ, а я злотъ или двугривенный, на который въ то время можно было пріобрѣсти вдвое болѣе съѣдобнаго, чѣмъ въ нынѣшнее время. Кромѣ того, или я, или мать каждую треть ѣздили въ Черниговъ, собственно для свиданій. На слѣдующій годъ съ каникулъ отвезли и Фе-

дора въ Черниговъ, и, благодаря Бога, они съ Александромъ въ наукахъ не отставали отъ прочихъ, напротивъ, еще болѣе преуспѣвали, а также въ поведеніи дурныхъ привычекъ не имѣли. На нихъ никто изъ учителей и учениковъ не жаловался.

Ученіе въ уѣздномъ училищѣ было устарѣлое. Монахъ Платонъ заправлялъ всѣмъ, назначалъ квартиры репетиторовъ, посѣщалъ квартиры..., а въ методѣ ученія мало было толку: кто только хотѣлъ прилежно учиться, тотъ немного понималъ, а другіе проходили классы или на серебряныхъ колесахъ, или по протекціи. Такъ иногда оканчивали и полные курсы семинаріи. За то и хорошіе ученики нерѣдко за самые малые проступки были вовсе выгоняемы по капризамъ смотрителя, инспектора или кого-нибудь изъ учителей. Но тогда было хорошо: такой выгнанный, прослуживъ года два-три діакономъ, посвящался въ іереи, что впослѣдствіи совершенно прекратилось, а теперь и немыслимо, хотя въ тогдашнее время семинарію оканчивало душъ 50—60 и болѣе, а въ настоящее—душъ восемьдесятъ. Многіе изъ исключенныхъ поступали въ нѣжинскій лицей и выходили отличными учениками.

Въ сороковыхъ годахъ уже и Василій поступилъ въ уѣздное училище. Это было или въ 1844-омъ, или въ 1845-омъ году. У насъ образовались новые штаты для полученія жалованья. Моя Городищенская Николаевская церковь была причислена къ Городисской Михайловской церкви и оставлена безъ жалованья. Такихъ случаевъ много было, и консисторія, согласно присланному проэкту, дѣлала свои распоряженія и росписанія. Узнавши объ этомъ изъ письма архіерейскаго докладчика, я началъ хлопотать, думая какъ-нибудь успѣть въ Черниговѣ. Были за меня и ходатаи, но ничто не помогло, хотя я за смертью священника Григорія Миславскаго, благочиннаго, и былъ утвержденъ благочиннымъ на его мѣсто. Секретарь тогдашній, Поповскій, на отрѣзъ отказалъ, сказавъ, что никакія ходатайства не по-

могутъ, такъ такъ списки, составленные о церквяхъ, написаны на бѣло, подписаны членами и будутъ отосланы въ Нѣжинъ на утвержденіе преосвященнаго Павла.—На слѣдующій день, такъ какъ преосвященный былъ въ отъѣздѣ на обозрѣніи епархіи и велѣлъ при отъѣздѣ отослать бумаги туда для утвержденія, а потомъ для отправки въ Св. Сѵнодъ, я, ни мало не медля, написалъ письмо Антону Ѳеофилактовичу Бородухѣ, изложивъ всѣ обстоятельства приписки церкви и всѣ свои хлопоты въ Черниговѣ, зная его теплое отношеніе къ церкви, а также ко мнѣ, и просилъ его принять живѣйшее участіе и похлопотатать въ Св. Сѵнодѣ. Письмо мое имѣло благотворное дѣйствіе, такъ какъ Бородуха имѣлъ ходы къ вліятельнымъ людямъ и сановникамъ. Онъ тотчасъ же обратился съ ходатайствомъ, а тутъ прошеніями приписныхъ церквей былъ заваленъ Синодъ. Чрезъ мѣсяцъ я получилъ отъ него радостное извѣстіе, въ которомъ онъ мнѣ описывалъ свое ходатайство у оберъ-прокурора Протасова и даже митрополита, увѣдомивъ меня, что церковь Городисская Николаевская оставлена въ шестомъ штатѣ, съ уменьшеніемъ жалованья со 120 р. на 94 рубля серебр. въ годъ. Онъ сообщилъ, что своимъ ходатайствомъ онъ много помогъ и прочимъ приписнымъ церквямъ. Узнавши о моемъ письмѣ, преосвященный Павелъ лично меня требовалъ къ себѣ въ Черниговъ, и я ему представилъ письмо. Онъ чрезвычайно остался доволенъ моею перепискою, потому что, какъ видно, онъ самъ не любилъ переписки съ синодальными членами. Онъ даже спросилъ меня, что труднѣе всего писать? Я задумался, а онъ сказалъ: „мнѣ особенно трудно писать письма по важнымъ дѣламъ или случаямъ. Здѣсь нужны большое умѣніе и осторожность писать и не прописаться“. Такъ это имѣло большое вліяніе на осѣдлость моей семейной жизни, такъ какъ я думалъ въ случаѣ неудачи проситься въ полкъ священникомъ, для чего собралъ уже свѣдѣнія, къ кому нужно обратиться съ таковымъ прошеніемъ. Когда я сказалъ о семъ преосвященному, онъ не одобрилъ моего намѣренія, ска-

завъ: „съ такимъ семействомъ, какъ у тебя, трудно таскаться, оставить же семью на мѣстѣ тоже невыгодно, лучше же всего дорожить однимъ мѣстомъ, тѣмъ болѣе, что ты имѣешь собственность, хотя и небольшую.“ Во это время я былъ уже благочиннымъ и былъ, можно сказать, близокъ къ архіерею.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Историческая пѣсня. Народная память сохранила въ сѣверной Лубенщинѣ слѣдующую пѣсню, изъ временъ борьбы козачества съ поляками:

Пожурылося мылее братя[1])
Що на ногахъ кайданы:
Отъ теперъ же мы, мылее братя,
На викъ вишный пропалы!
Встають паны, встають ляхы—
Превражія люде.
Оттеперъ же намъ, мыле братя,
Повикъ добра не буде!
Золотая грыва перси вкрыла
У коня вороного,
Биле лычко, чорни брови
У козака молодого.—
Сидлае козакъ вороного коня,
Йиде на Вкраину,
А за нымъ, за нымъ отець, матуся:
— „Вернися мій сыну!"
— „Не вернусь же я, отець, матуся!
Пойду на Вкраину.
И кинь вороный, и я самъ молодый,
Може й не загыну!"
Прыйихавъ[2]) козакъ пидъ зеленый байракъ
Ставъ коня напуваты.
А за нымъ[3]), за нымъ самъ панъ Журавскій,
Хоче въ неволю взяты.

---

[1]) Пожурылыся наши хлопци.

[2]) Зайихавъ.

[3]) Иде панъ Журавській,—еще иначе: Десь узявся панъ Журавскій.

— Ой беры пане, зброю [1]) й жупаны,
Щей коня вороного,
Тильки не беры въ неволеньку
Козака молодого.
Узялы паны зброю й жупаны [2])
И коня вороного,
Коня вороного, щей козака молодого
Узялы его, повелы его
Ярамы, долынамы,
Изнялы ему съ плечъ [3]) головоньку
Межъ трёма могылами.
Що въ первій могыли стоить дубъ зелененькій,
А въ другій—тополенька,
А въ третій могыли—ой, тамъ полягла
Козацькая головонька!—

Въ такомъ видѣ записана мною настоящая пѣсня въ 1890 г., отъ 60-тилѣтней крестьянки сел. Литвяковъ, переселившейся изъ м. Снѣтина, луб. у., Агафіи Шевченковой, но затѣмъ, есть еще нѣсколько варіантовъ этой пѣсни. Во всѣхъ варіантахъ, впрочемъ, основное содержаніе—отъѣздъ козака, встрѣча съ Журавскимъ и казнь—передается одинаково; различія слѣдующія:

1-е, въ вар., записанномъ отъ крестьянской дѣвицы с. Литвяковъ, Степаниды Шевченковой вступленіе продолжено тремя строками, напоминающими рекрутскую пѣсню (ср. Чуб., т. 5, стр. 974, № 63, Б.).

И въ наборъ беруть,
И въ накладъ кладуть
И на панщыну гонять.

2-е, въ вар., записанномъ отъ старой литвяковской женщины, крестьянки Ефросиніи Бучакиной, родомъ изъ х. Броварокъ, Снѣт. вол., нѣтъ совсѣмъ вступленія, пѣсня сразу начинается величаніемъ: «золотая грыва перси вкрыла» и т. д., встрѣчающимся въ старинныхъ колядкахъ (Истор. пѣсни малор. нар. съ объясн. Ант. и Др. Кіевъ, 1874 г., стр. 3—4).

---

[1]) Берить паны сукна й жупаны.

[2]) Сукна.

[3]) Свитъ головоньку.

[4]) — „Ой не треба намъ суконъ жупанивъ
И коня вороного
А мы визьмемо у неволеньку
Козака молодого.

3-е, какъ въ этихъ двухъ варіантахъ, такъ и въ записанномъ отъ коз. с. Хорошковъ (Снѣт. вол.). Варвары Супруновой, въ концѣ пѣсни, послѣ словъ «ой тамъ нолягла коз. головонька», слѣдуе̄тъ такая прибавка:

— „Ой чы жаль тоби зеленый дубе,
Тiи туполи буде?
Якъ изрубають тую тополю
Що росте пидъ тобою?
— „Ой якъ же мени зелененькому
Не жаль туполи буде,
Що не одну зиму пидъ iи лыстомъ
Мiй жолудикъ зимуе“.
— „Ой чы жаль тоби, молодый козаче,
Тiи дивчыни буде,
Що любывъ, кохавъ пивтора года
Тай посваталы люде?
— „Ой якъ же мени молоденькому
Не жаль дивчыны буде,
Що любывъ, кохавъ пивтора году
Тай возьмуть iи люды“.

4-е, въ вар., записанномъ отъ крестьянской дѣвицы с. Березоточи, волчк. вол., Маріи Повстюковой, пѣсня кончается словами «межъ трёма могыламы», и любовный эпизодъ о дубѣ и тополѣ отсутствуетъ.

Сообщилъ **В. П. Милорадовичъ.**

Лебединскій будынокъ. Къ краткимъ свѣдѣніямъ объ этомъ «будынкѣ», напечатаннымъ недавно въ «Кіевск. Стар.» (1895, № 6), могу сообщить слѣдующія данныя. Домъ выстроенъ, какъ видно изъ вырѣзанной въ липовомъ сволокѣ столоваго покоя надписи, въ 1856 г.

Надпись эта, которою обозначена между прочимъ и цѣль построенія дома, гласитъ слѣдующее (съ одной стороны):

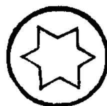
Благословеніемъ Бг҃а Оц҃а, изволеніемъ Сн҃а содѣйствіемъ ст҃аго Дх҃а аминь.

Року Бж҃ого ҂аѡнѕ создася домъ сей коштомъ пана Григорія Галагана мц҃а Іуніа ҂а числа.

Съ другой стороны сволока, въ глубь свѣтлицы, начертано:

Аще не Гдь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи.
Соломонъ пѣснь ркѕ.

Домъ сей сооруженъ для оживленія преданія о жизни предковъ въ памяти потомковъ.

Самый домъ сочетаетъ въ себѣ старинную простоту и затѣйливость постройки съ изящнымъ вкусомъ въ распредѣленіи частей и разработкѣ частностей, расположеніи украшеній и пр.

Общая внѣшность его на человѣка, вчитавшагося въ глубь поэтическихъ страницъ исторіи Южной Руси, производитъ чарующее впечатлѣніе подлинной, неподдѣльной старины, внезапно возродившейся предъ его глазами: это, дѣйствительно, обиталище кого либо изъ представителей козацкой старшины начала 18 вѣка или даже 17. Всѣ подробности обстановки отдѣланы съ такой любовію, съ такимъ знаніемъ дѣла, что домъ самъ собою, со всей своею утварью, можетъ представлять изъ себя готовый, чрезвычайно поучительный музей малороссійской старины и въ этомъ отношеніи заслуживаетъ живого вниманія любителей этой старины и постоянной поддержки въ своемъ существованіи: наблюдатель, благодаря ему, вполнѣ *наглядно*, можетъ созерцать всю обстановку жизни богатой козацкой старшины 17 вѣка.

Домъ построенъ слѣдующимъ образомъ. Тремя крыльцами (среднее—большое, боковыя—поменьше) онъ выходитъ во дворъ, одной же комнатой, лишенной наружной передней стѣны (очевидно, лѣтняя столовая или такъ называемое «піддашье») въ огромный старосвѣтскій, до 30 десятинъ, липовый садъ съ нѣсколькими очень длинными прямыми дорожками. Липамъ рости здѣсь приволье; онѣ же послужили главнѣйшимъ матеріаломъ при постройкѣ дома. Домъ крытъ соломой, крылечки—тоже; они поддерживаются затѣйливыми точеными жгутообразными столбами. Окна, въ большинствѣ расположенныя по два вмѣстѣ, состоятъ каждое изъ 8 оконницъ, причемъ переплетъ и рамы ихъ также отличаются обычной старинной затѣйливостью; каждое окно состоитъ изъ 2 половинъ—верхней и нижней; изъ нихъ послѣдняя можетъ подниматься и въ такомъ состояніи поддерживаться съ помощью подставокъ, давая доступъ свѣжему воздуху.

Самые покои расположены слѣдующимъ образомъ: вправо отъ входныхъ дверей ведетъ изъ сѣней дверь собственно въ жилыя помѣщенія, влѣво—пріемныя комнаты, гостинныя и столовыя.

Такимъ образомъ лѣвая половина состоитъ изъ четырехъ довольно большихъ свѣтлицъ: зимней столовой, диванной, гостинной и вышеупомянутой лѣтней столовой (поддашья); правая половина заключаетъ въ себѣ тоже четыре покоя поменьше; обѣ онѣ соединены, кромѣ входныхъ сѣней, соотвѣтствующихъ нынѣшнимъ переднимъ, или прихожимъ комнатамъ, еще и внутреннимъ довольно широкимъ сѣннымъ переходомъ; оба боковыя крылечка также ведутъ въ небольшія сѣнцы, въ однихъ изъ которыхъ, лѣвыхъ, виситъ жестяной висячій рукомойникъ. Вотъ и весь внутренній распорядокъ помѣщеній. Покои соединяются между собою большими одностворчатыми дверьми, сверху закругленными или срѣзанными по угламъ; дубовые дверные косяки изукрашены причудливой рѣзьбою, ясеневыя же двери снабжены для прочности довольно красивыми желѣзными набивками. Наружныя двери затворяются изнутри желѣзными засовами, которые могли отодвигаться съ помощью длинныхъ изогнутыхъ желѣзныхъ крючьевъ, просовываемыхъ снаружи въ особое отверстіе. Подобные желѣзные и деревянные запоры доселѣ еще въ ходу въ сельскихъ хатахъ Малороссіи.

Утварь дома состоитъ изъ старинной глиняной и стекляной посуды и поставцевъ, заключенныхъ въ старинные же низенькіе шкафы; изъ нихъ шкафъ, соотвѣтствующій буфетному въ нынѣшнихъ домахъ, представляетъ собою длинный столъ съ тремя или болѣе ящиками до самаго пола.

Орѣховыя кресла, диваны и пр. довольно искусной рѣзной и точеной работы съ сафьянными подушками желтаго или краснаго цвѣта; на столахъ совершенно простого вида тканыя скатерти, на полахъ такіе же ковры (килимы). Въ диванной комнатѣ всѣ стѣны уставлены вокругъ длиннымъ мягкимъ диваномъ, состоящимъ изъ мягкихъ полосатыхъ подушекъ, лежащихъ тремя рядами одна надъ другой, не считая спинокъ. Въ свѣтлицахъ чистой половины липовыя стѣны изнутри выстроганы чрезвычайно гладко и оставлены прямо въ такомъ видѣ; въ покояхъ жилой половины онѣ выбѣлены. Печи въ чистой половинѣ изразцовыя, но изразцы не представляютъ собою ничего особеннаго и въ этомъ отношеніи очень уступаютъ знаменитымъ изразцамъ помѣщищьяго дома въ усадьбѣ Покорщинѣ (въ г. Козельцѣ; теперь эта усадьба принадлежитъ Коллегіи Па[illegible] Галагана); на изразцахъ гостинной печи выбитъ гербъ Галагановъ; самыя печи, по старинному, отличаются большой величиною, срав-

нительно съ размѣрами покоевъ. На стѣнахъ кое гдѣ висятъ вышитые рушники, украшающіе собою также иконы и старинное зеркало, временъ Елисаветы I, висящее въ столовой. При домѣ есть неизбѣжная «призьба» (приспа, завалинка), на которой такъ любили (и теперь еще любятъ въ деревняхъ) посидѣть старинные малороссіяне, покурить люльку и покалякать въ досужное время. Потолки въ домѣ вездѣ сосновые, не бѣленые; полы простые досчатые.

Недалеко отъ усадьбы на горкѣ находится небольшая низенькая старинная церковь изъ сосноваго дерева; она, вскорѣ послѣ построенія дома, была перенесена въ Лебединецъ изъ села Сокиренецъ, гдѣ находилась въ саду панской усадьбы и считалась домовою; вмѣсто нея и на ея же мѣстѣ выстроена была матерью Гр. Павл. Галагана каменная церковь св. Петра и Павла (другая каменная церковь св. Великомученницы Варвары, тоже находящаяся въ саду и тоже бывшая домовою, была обращена въ приходскую покойнымъ Гр. Павл. Галаганомъ, выдѣлившимъ въ ея пользу и необходимыя ружныя земли). Иконостасъ Лебединской церкви простенькій одноярусный и однопрестольный, и сама она вообще очень невелика, совершенно подъ стать такому небольшому сельцу, какъ Лебединецъ. Кстати, названіе это мѣстные обыватели объясняютъ существованіемъ въ этой мѣстности лебедей, водившихся въ высохшемъ уже въ настоящее время озерѣ.

Мѣстность, гдѣ расположенъ Лебединецъ, вообще довольно живописна; особенно хороша находящаяся невдалекѣ долина рѣки Удая съ цѣлымъ рядомъ селъ (Деймановка, Савинцы, Гурбинцы, Дегтяри), окаймленная невысокими, но иногда тоже живописными возвышенностями, какова, напримѣръ, сребрянская, на которой расположено людное мѣстечко Сребное, у подножья котораго въ свою очередь мило раскинулось селеніе Подолъ... Любитель южно-русской природы и старины будетъ, надѣемся, очень удовлетворенъ, ежели пожелаетъ проѣхаться въ Лебединецъ для осмотра его замѣчательной вышеописанной усадьбы, долженствующей, какъ извѣстно, перейти, послѣ смерти настоящей владѣлицы Екатерины Васильевны Галаганъ, во владѣніе Коллегіи Павла Галагана. Такимъ образомъ на обязанности этого учебнаго учрежденія будетъ лежать поддержаніе замѣчательнаго лебединскаго дома-музея въ приличномъ, целесообразномъ видѣ и охрана его отъ всякихъ враждебныхъ случайностей. Этого потребуютъ, съ одной стороны, честь, доброе имя и самое достоинство

этого учрежденія, а съ другой стороны уваженіе къ памяти его незабвеннаго учредителя, устроившаго замѣчательный лебединскій «будынокъ».

А. Степовичъ.

„Кіевъ“ по Словарю Гарбеля. Ежели судить по тѣмъ ошибкамъ и даже странностямъ, какія допустила редакція словаря въ статейкѣ «Кіевъ», то сужденіе объ этомъ учено-литературномъ предпріятіи можетъ получиться у читателя самое невыгодное.... Въ самомъ дѣлѣ, неужели въ рукахъ редакіци не оказалось такихъ достовѣрныхъ источниковъ, которые избавили бы ее отъ нижеслѣдующихъ промаховъ и нелѣпостей? Составитель статейки находитъ, что въ Кіевѣ имѣется, въ числѣ гимназій (количество коихъ однако не указано) и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, еще и какой-то «Педагогическій институтъ» (!?). Откуда онъ это взялъ? Ужъ не воскресилъ ли онъ блаженной памяти знаменитый петербургскій педагогическій институтъ и не перенесъ ли его въ мать градовъ россійскихъ?

Затѣмъ указаны *двѣ* (?!) духовныя семинаріи, при юнкерскомъ училищѣ не показаны военно-училищные курсы и, словно въ возмѣщеніе удвоенному количеству нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній, другія совсѣмъ опущены (наприм., Коллегія П. Галагана, духовная Академія и нѣк. друг.). Въ числѣ церквей показано пять костеловъ—количество, кажется, преувеличенное.

Вообще статейка о Кіевѣ въ данномъ словарѣ, въ другихъ отношеніахъ вообще почтенномъ, просто поражаетъ своей незначительностью....

Впрочемъ свѣдѣнія словаря и о разныхъ другихъ мѣстностяхъ и лицахъ не отличаются особенною точностью или значительностью...

Такъ, наприм., о П. А. Кулишѣ сказано только, что онъ «былъ учителемъ въ Луцкѣ, Кіевѣ и Ровнѣ, на литературн. поприще выступилъ въ началѣ 40-хъ годовъ повѣстями изъ народныхъ преданій». Вотъ и все: кратко, ясно и многозначительно! Много же вынесутъ читатели изъ словаря, наполненнаго подобными свѣдѣніями! Извѣстный славяновѣдъ А. А. Котляревскій названъ профессоромъ «Варшавскаго» университета, вмѣсто Кіевскаго.

О «Кроатскомъ» (?) языкѣ сказано, что онъ «съ близко родственнымъ ему язык. славянскимъ (?) и далматскимъ образуетъ западную вѣтвь сербо-хорватской группы славянской семьи языковъ...».

Что за нелѣпости попадаются въ этомъ «новѣйшемъ» словарѣ!

А. Степовичъ.

Къ исторіи южно-русскаго духовенства.

I.

Помѣщаемое ниже письмо православнаго визитатора Заславльской діецезіи писано на польскомъ языкѣ и сохранилось въ копіи, безъ означенія даты и имени автора и лица, къ которому оно адресовано, между рукописями жившаго во второй половинѣ XVIII в. Грановскаго Протоіерея Іоанна Строцкаго, которыя хранятся въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора № 203 стр. 48—49. Письмо это въ высшей степени интересно для характеристики южно-русскаго приходскаго духовенства и его положенія среди деревенской громады и среди польскаго общества.

Вельможному пану добродзію довольно извѣстно не слишкомъ давнее горестное положеніе нашей отчизны, нашей Церкви и ея священнослужителей. Объ этомъ положеніи я, послѣ послѣдней своей визитаціи нашей Заславльской діецезіи, рѣшаюсь написать краткую, но весьма вѣрную повѣсть.

Минуло сто лѣтъ, а можетъ быть и больше, какъ Русь наша вслѣдствіе внутреннихъ несогласій и раздоровъ совершенно ослабѣла и, лишившись всѣхъ князей своихъ и пановъ, а потомъ шляхты per transitum ad ritum latinum, состояла почти изъ одного поспульства. Схизма, а главнымъ образомъ послѣднія повстанія слѣпаго поспульства были причиною, что поляки возненавидѣли нашу Русь, и народъ нашъ опротивѣлъ имъ, какъ Израильтяне Египтянамъ, и сдѣлался для здѣшняго края весьма опаснымъ, хотя для подданства былъ необходимо нужнымъ. Когда для поспульства нужны были священники, наша св. іерархія давала сіе званіе тѣмъ, изъ которыхъ почти ни одинъ не умѣлъ читать по русски, а только по польски немного, но при этомъ ни мало не обращалось вниманія на какія либо заслуги поставляемаго въ священники. Гдѣ вновь возникала деревня, поселившіеся въ ней собирались въ корчмѣ (тогда не въ обычаѣ

было имѣть собранія въ другихъ мѣстахъ) и при водкѣ дѣлали постановленіе имѣть свою церковь, впрочемъ больше для громадской славы, чѣмъ для хвалы Божіей и спасенія душъ своихъ, и затѣмъ отправлялись въ дворъ съ поклономъ и просьбою о дозволеніи нарубить лѣса для постройки капличкн. По полученіи квитка, лѣсъ рубился и кругляки его свозились на отведенное мѣсто. Изъ необтесанныхъ кругляковъ поспѣшно строилась капличка съ большими щелями, чрезъ которыя свободно могли пролазить щенята и поросята; снѣгу же и дождю ничто не мѣшало проникать въ нее. На построенной капличкѣ укрѣплялись кроквы и латы, и она покрывалась соломою, а на поверхности ея водружался деревянный крестъ, а очень рѣдко желѣзный. Вслѣдъ же затѣмъ, какъ послѣ постройки храма Соломонова, совершалось торжественное пиршество, на которомъ распивалось нѣсколько спустовъ водки. Во время пиршества собиралось до десяти и больше талеровъ, съ которыми уполномоченные отъ громады поспѣшали къ протопопу просить о посвященіи новопостроенной каплички. Протопопъ, получивши талеры, немедленно пріѣзжалъ въ деревню и освящалъ вновь построенную церковь, безъ вѣдома и разрѣшенія епископа, такъ какъ епископы наши въ тѣ времена не занимались этимъ дѣломъ. Таковыхъ святынь, какъ я одну изъ нихъ выше описалъ, in prima radice мнѣ приходилось видѣть весьма много и въ городахъ, и по деревнямъ.

Въ давнія времена въ нашихъ епископскихъ консисторіяхъ [1]) существовалъ противный не только церковнымъ канонамъ, но и здравому разуму обычай посвящать въ іереи не на опредѣленныя мѣста, а ubi Deus providebit. Посвященный такимъ образомъ шелъ искать себѣ парафіи, гдѣ церковь или вновь построена, или же не имѣла своего священника, и съ громадою заключалъ словесный договоръ на одинъ годъ; а когда годъ оканчивался, тогда онъ благодарилъ громаду, говоря такъ: «панове громада! Я у васъ не хбчу дальше служить; шукайте соби другого попа»; или же громада ему говорила: «шукай соби, паноче, иншои парафіи, а мы будемо шукати другого попа». И мнѣ еще приходилось видѣть очень многихъ, sine nullo titulo сидѣвшихъ на парафіяхъ. Но потомъ не очень давно наши

---

[1]) Авторъ письма подразумѣваетъ консисторіи Молдавскихъ епископовъ, которые, во время прекращенія въ Польшѣ православной іерархіи, хиротонисали кандидатовъ священства, пріѣзжавшихъ изъ Украины, безъ соблюденія церковныхъ каноновъ.

епископы стали выдавать священникамъ такіе презенты: «по просьбѣ и съ согласія громады даю NN церковь NN. . . епископъ NN». Презенты эти выдавались при помощи панны Симоніи и ихъ слишкомъ поспѣшно (наввыпередки) добывали для сыновей и зятьевъ своихъ по деревнямъ богатые мельники, а по городамъ богатые ремесленники. Панъ сынъ, или панъ зять мельника или ремесленника, добывши священство и парафію, довольствовался тѣмъ же грунтомъ, который принадлежалъ ему, какъ мѣстному хлопу, а церковнаго грунта никогда и не требовалъ. Когда же такого происхожденія парохи умирали, то грунта ихъ переходили по наслѣдству въ руки ихъ родственниковъ-мельниковъ и ремесленниковъ. Вновь же поступившій на парафію священникъ, если онъ былъ изъ мѣстныхъ хлоповъ, пользовался тѣмъ же грунтомъ, который принадлежалъ ему, какъ хлопу; но если онъ не принадлежалъ къ мѣстнымъ хлопамъ, то оставался безъ всякаго грунта. Такъ было даже въ городѣ Заславлѣ,—что можно подтвердить документально.

Впрочемъ на помощь къ послѣдняго рода священникамъ, лѣтъ сорокъ тому назадъ, рѣшились прійти наши милосердые епископы,—они настоятельно начали требовать, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вновь строились церкви, для священниковъ выдѣлялись особые церковные грунты. На основаніи такого требованія панскіе дворы посылали своего подстаросту, который при громадѣ выдѣлялъ изъ панскихъ лановъ грунтъ для священника, но это дѣлалось sine scripto,—чего и не требовали наши владыки, а между тѣмъ могли потребовать. А такъ какъ они не требовали отвода священническихъ грунтовъ cum scripto, то грунты сіи, по произволу дѣдичей и управляющихъ имѣніями ихъ, довольно часто перемѣнялись на грунты худшаго достоинства.

Укажу на одинъ изъ такихъ случаевъ. Шесть лѣтъ предъ симъ, во время визитаціи церкви въ Рудосельѣ, я узналъ, что принадлежавшая тамошнему священнику роща (березникъ) по распоряженію Заславльской экономіи замѣнена другимъ участкомъ земли, по объему меньшимъ, а по качеству худшимъ. Подобныхъ замѣнъ въ Заславльскомъ княжествѣ очень много. Мнѣ кажется, что о таковыхъ замѣнахъ не слѣдуетъ доводить до свѣдѣнія нашего епископа, потому что это можетъ озлобить экономію противъ жалобщика, а отъ ссоры съ экономіею нельзя ожидать ничего добраго. Узналъ я, также во время своей послѣдней визитаціи, что экономіи стали требовать пчелиную десятину отъ церковныхъ и поповскихъ пасѣкъ, а прежде онѣ

были свободны отъ нея. Я думаю, что и вопросъ объ освобожденіи отъ пчелиной десятины слѣдуетъ отложить до болѣе благопріятнаго времени».

«Поручая себя благосклонности пана добродзія, имѣю быть къ нему навсегда съ должнымъ почтеніемъ и преданностію».

Сообщ. Прот. **П. Орловскій.**

II.

Избраніе прихожанами священника.

«1743 году, априля 8 дня, въ Ирклѣеву явился баришовский житель дяконъ Іосифъ Кононовичь, и просилъ парохіянъ Святоникольскихъ подольскихъ, чтоби его приняли за настоящого священника въ помянутую церковь; и для того собрались тоей церкви парофіяне, а именно: Остапъ Красовскій, Петро Писанко, Семенъ Кунша, Грицко Липовець, Симеонъ Сушко, Симеонъ Доброштанъ и Хоменки, тутъ же Нестеръ Туръ, Романъ Коляса, Юрко Драй, Василь Живиця, Миронъ Болобанъ, Опанасъ Шолученко, и протчіе, которие поговоривши согласно приговорили помянутого Іосифа по его желанію принять за священника, и требовать у его—на какой кондиціи онъ з вѣкаріемъ и дякомъ будетъ у нихъ жить; чтоби такую кондицію ниже сего написалъ и подписалъ своею рукою, и була би ствержена старшинами.

И такіе кондиціц три: една въ канцелярію сотеную, а другая имъ парофіянамъ, а третяя ему Іосифу, по которой долженъ поступать, а болше ни у кого ничего не брать по лишеніемъ парофіи, а именно:

За крещеніе дѣтей по четири копейки,

За малий похорон по пять копѣекъ,

За великий похорон по десять копѣекъ,

За панахиду великую зъ службою и обѣдъ по пятнадцать копѣекъ,

За обѣдъ умершихъ и службу безъ панихиди по пять копѣекъ,

За здоровки обѣдъ по десять копѣекъ,

За уписъ умершихъ въ суботникъ по шестьдесятъ копѣекъ,

За сорокоустъ по чотири рублѣ,

За вѣнчания своихъ парохіянъ первобрачнихъ з можнейшихъ по рублю, зъ убогихъ по шестдесятъ копѣекъ, зъ найубогшихъ по тридцять копѣекъ,

За посвященіе пасокъ по денежки,

За кухлѣ, биваемие у великий постъ, по десять копѣекъ,

Дяка самому отъ себе безъ согласия съ парофіянами не снимать и вновь не поставлять,

До позвоного не интересоваться и все оное дяку.

Церковнихъ никакихъ вещей, ни доходовъ в свой домъ не брать и не принимать и ни во что не употреблять, и оние би бували всегда въ волѣ титоровъ и парофіянъ.

И о мѣсце, буди кто пожелаетъ въ церкви хорониться, не интересоваться, понеже оной доходъ надлежитъ ктиторамъ на церковь.

Я вишепомянутий Іосифъ Кононовичъ, яко симъ контрактомъ во всемъ доволенъ и контентъ, такъ Его и подписую моею рукою, и по ономъ во всемъ обѣщаюсь поступать непремѣно: Діаконъ Іосифъ Кононовичъ Баришевскій».

Анатолій Полницкій.

Еще о Турбаевской катастрофѣ. Въ «Кіевской Старинѣ» за 1891 годъ была помѣщена статья о Турбаевской катастрофѣ. Посылаю случайно добытую мною въ Турбаяхъ пѣсню, составленную въ память этого событія. Записана она со словъ старика. Въ дополненіе къ пѣснѣ онъ разсказалъ, что когда убивали въ Турбаяхъ его дѣды Базилевцивъ, то убили и маленькую барышню дочку Федора Базилевскаго 13-ти лѣтъ, которая пріѣхала съ нимъ въ Турбаи. Дѣвочка со страха залѣзла въ печку, но одна баба замѣтила ее и вытащила. Козаки не хотѣли ее трогать: «вона ще мала; за вищо ее быты? ничого вона никому ще не зробыла». Тогда одна изъ бабъ вытащила ее на середъ хаты и съ крикомъ «не намъ, такъ дитямъ нашимъ буде видъ неи лыхо!» размозжила ей голову валькомъ. Одинъ изъ Базилевскихъ ѣхалъ изъ Остапья въ Турбаи, но опоздалъ пріѣздомъ и верстахъ въ 2 отъ Турбаева его остановилъ мужикъ крикомъ «куды идешь, вертайсь, бо у Турбаяхъ козаки усихъ панивъ побылы та и тебе вбьють».

Въ настоящее время Турбаи представляютъ небольшой хуторъ и носятъ названіе «Турбаи-Скорбное». Отъ усадьбы Базилевскихъ не осталось и слѣда; показываютъ жители только мѣсто, гдѣ она когда-то стояла. Хуторъ этотъ отъ потомковъ Базилевскихъ перешелъ во владѣніе Варшавскаго, а теперь купленъ у него кременчугскимъ купцомъ Бородковымъ.

Задумалы Базилевци
Свій викъ вворотыты
Козаченькивъ Вергунивцивъ
Тай закрипостыты.
Поризалы Вергунивцивъ
Вси поля на карты.
Не мынулысь Базиливцямъ
Ціи ихни жарты.
Тай послалы вергунивску
Череду заняты;
Съ Турбаивскою чередою
У свій двиръ прыгнаты.
Що думалы, те зробыли —
Череду загналы,
Вергунивцивъ Турбаивцивъ
Тимъ изгвалтовалы.
Составыли Вергунивци
Съ Турбаями раду
Оступыли паньску оселю
Спереду и сзаду.
Якъ глянула Маріяна
Въ викно въ Оболоню,
Стоять тіи казаченьки
Съ кильемъ кругомъ двору.
Федоръ Федоровичъ мій братику
Нумъ золото носыты,
Вергунивцивъ, Турбаивцивъ
Вирненько просыты:
„Вергунивци, Турбаивци
Дайте покушаты,
Ціи рады казацкои
Дайте послушаты“.
„—Ой чомъ же ты, Маріяно,
Давнишь не кушала,
Ой чомъ же ты, Маріяно,
Давнишь не слушала?
Не вмила ты, Маріяно,
Якъ у свити житы,
Годи тоби, Маріяно,
Скотыну морыты.
Шкода теперь, Маріяно,
Зъ вами говорыты:
Съ кильемъ прыйшлы не радыця,
Прыйшли васъ побыты“.
Якъ ударывъ Помазанець

Килкомъ по высочку,
Вразъ окровывъ Маріяни
Платье и сорочку.
„Оце тоби Маріяно
За шиты мережки,
Куды глянешь, всюду въ хати
Кровавыя стежки.
Оце тоби, Маріяно,
За тонкіе нытки,
Не то пряды жинки нашы,
Пряды малы дитки!"
Поробыли въ паньскимъ двори
Всюды гарни шаньци
И побылы Базилевцивъ
У пьятныцю враньци.
Все побылы, погромылы,
Перевелы въ трянья
Й поховалы Базилевцивъ
Въ мистечку Остапья
А чіежъ то въ чистимъ поли
Гарно стадо грае?
Ото тихъ же Базилевцивъ,
Шо въ свити не мае.
Ой на гори огонь горить,
А въ Турбаяхъ дымно,
Якъ побылы Базилевцивъ
То всимъ стало дывно".

Сообщилъ **А. А. Несвицкій.**

Нѣсколько словъ о валѣ въ Кудрявскомъ (Обсерваторномъ) переулкѣ. Въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» перепечатана была въ извлеченіи статья г. Кибальчича о пресловутыхъ раскопкахъ въ Обсерваторномъ переулкѣ. Профессоръ В. Б. Антоновичъ въ засѣданіи историческаго общества Нестора Лѣтописца 15 октября далъ надлежащую оцѣнку псевдо-научнымъ разсужденіямъ г. Кибальчича и вполнѣ точно опредѣлилъ значеніе его раскопокъ [1]). Одинъ только вопросъ остался, по нашему мнѣнію, не вполнѣ выясненнымъ—это вопросъ о происхожденіи вала въ Обсерваторномъ пере-

[1]) Рефератъ В. Б. Антоновича помѣщенъ въ газетѣ „Кіевское Слово" и, вѣроятно, появится въ полномъ видѣ въ „Чтеніяхъ ист. общ. Нестора Лѣтописца".

улкѣ. Проф. Антоновичъ указалъ, на основаніи плана Берлинскаго, что въ той мѣстности находилась часть устроеннаго Минихомъ громаднаго вала, опоясывавшаго весь городъ. Но представлялъ-ли этотъ валъ въ данной мѣстности совершенно новое сооруженіе, или (какъ значительная часть миниховскихъ укрѣпленій) реставрацію старинныхъ валовъ—этого изъ плана Берлинскаго видѣть нельзя; отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать только сравненіе плана Берлинскаго съ другимъ болѣе древнимъ, какимъ является недавно изданный кіевскою археографическою коммиссіею «Планъ Кіева, составленный въ 1695 г.». И вотъ, на этомъ планѣ, именно въ данной мѣстности, мы встрѣчаемъ какое-то укрѣпленіе: къ сѣверу отъ Софійскаго собора, немного восточнѣе «дороги отъ Ивановскихъ воротъ» (теперь Большая Житомирская ул.), *по обѣ стороны* другой дороги, идущей отъ вышеназванной дороги на Кожемяки (теперь Вознесенскій спускъ или Вознесенскій яръ) изображенъ какой-то *«Валъ земляной»*. На снимкѣ, изданномъ археографическою коммиссіею, воспроизведена только часть плана 1695 г., а потому и валъ изображенъ не весь; но судя по рисунку можно думать (если только валъ имѣлъ правильную форму), что онъ имѣлъ видъ буквѣ П, очень расширенной и съ загнутыми внутрь нижними краями; дорога входила въ открытую сторону (обращенную къ Подолу) и прорѣзывала противоложную часть вала, раздѣляя его на двѣ части. Съ остальными изображенными на планѣ укрѣпленіями валъ этотъ не имѣетъ никакой связи и даже начерченъ совершенно иначе. Очевидно, это былъ и тогда уже (въ 1695) утратившій значеніе остатокъ какого-то стараго сооруженія. Мы думаемъ, что это—упоминаемый въ нѣкоторыхъ документахъ *Пробитый валъ*. Онъ упоминается въ грамотѣ Сигизмунда I игумену Макарію и братіи Золотоверхо-Михайловскаго монастыря (1522), при чемъ говорится, что находился онъ на Кудрявцѣ возлѣ Кладовища Жидовскаго [1]); упоминается онъ и въ «Росписи Кіеву 1682, при чемъ положеніе его указано вполнѣ согласно съ положеніемъ «земляного вала» на планѣ 1695 [2]); подобнымъ же образомъ упомянутъ онъ въ «Расписномъ спискѣ» 1700 г. [3]). Какое назначеніе имѣло это сооруженіе,

---

[1]) Закревскій. Описаніе Кіева I, 320.

[2]) „Наугольный раскатъ передъ Львовскими (на планѣ Ивановскіе) воротами, противъ пробитаго валу“ (Матеріалы для исторіи топографіи г. Кіева III, 99).

[3]) Закревскій I, 433. По мнѣнію г. П. Л—ва здѣсь на Кудрявцѣ близь Пробитаго вала находилась построенная Мстиславомъ Удалымъ церковь Воздвиженія честнаго креста (Историческая замѣтка о Кіевѣ—„Кіев. Стар.“ 1884, X, 249—250).

трудно опредѣлить, такъ какъ названные документы не даютъ на этотъ счетъ никакихъ указаній. Можетъ быть, это была ограда замка кіевскаго католическаго бискупа—«острогъ бискупій», который, какъ извѣстно, находился на Кудрявцѣ и, конечно, могъ занимать такое же значительное пространство, какъ воеводскій замокъ на Киселевкѣ. Можетъ быть, это было какое-нибудь болѣе раннее сооруженіе литовскаго періода. Закревскій въ своемъ «Описаніи Кіева» говоритъ (къ сожалѣнію, не указывая источника): съ давнихъ поръ на Кудрявцѣ находился митрополичій загородный дворъ и садъ, но въ 1604 г. латинскій бискупъ отнялъ его у православнаго духовенства и выстроилъ замокъ). Наконецъ, можетъ быть, это было старинное укрѣпленіе (литовскаго періода), защищавшее Подолъ отъ нападеній со стороны Дорогожичей.

В. Щербина.

Жегота Паули. *(Некрологъ).* Въ началѣ октября (6-го) с. г. умеръ въ Краковѣ Жегота (т. е. Игнатій) Паули, которому принадлежитъ сборникъ малорусскихъ пѣсенъ, изданный въ 1839—40 гг. [1]). Сборникъ Паули и сборникъ Вацлава Залѣскаго (1832 г.) представляютъ интересное явленіе, какъ труды поляковъ въ области маловѣдомой еще тогда малорусской народной поэзіи. Въ предисловіи къ своему сборнику Паули, издавшій передъ тѣмъ такой же сборникъ польскихъ пѣсенъ, говоритъ: «Przy układaniu i szykowaniu onych (пѣсенъ) trzymałem się tych zasad, co i przy pieśniach polskich, ograniczając się po części na same gminne pieśni, ktorych w cale niema zbiór Wacława z Oleska, lub które tamze nie całe są prodrukowane». Для увеличенія своего сборника Паули часть пѣсенъ заимствовалъ изъ сборника Максимовича (изд. 1827 г.), тѣмъ болѣе говоритъ онъ, что «też same piesni i lud ruski w Galicyi spiewa». Пѣсни въ сборникѣ Паули снабжены подробными объясненіями съ описаніемъ обрядовъ, какъ напр. свадебныхъ (I, 61—66), причемъ эти примѣчанія, какъ записанныя болѣе полустолѣтія назадъ, теперь имѣютъ двойную цѣну. Какъ извѣстно, относительно этого сборника пѣсенъ Паули въ недавнее время былъ обвиненъ въ плагіатѣ. Извѣстный галичанинъ Головацкій въ своихъ воспоминаніяхъ о совмѣстныхъ съ Шашкеви-

---

[1]) Pieśni ludu Russkiego w Galicyi, zebrał Żegota Pauli. Lwów. T. I, 1839, 177 стр. и T. II, 1840, 205 стр.

чемъ и Вагилевичемъ занятіяхъ родною стариною, говоритъ по этому поводу: «Вмѣстѣ съ нами Колегіи посѣщалъ небольшой человѣчекъ, нѣкто Игнатій Паули, мазуръ, пріѣхавшій изъ Сандечской гимназіи въ университетъ. Онъ постарался познакомиться съ нами, изъявилъ будто бы пламенное желаніе научитись по русски и по славянски, удавалъ славянина и подписывался даже *Жегота* Паули... Паули выманилъ отъ насъ не только тетрадки народныхъ пѣсенъ, но и переписалъ отъ меня пѣсни Максимовича и послѣ продалъ книгопродавцу Яблонскому, который и издалъ ихъ въ двухъ частяхъ подъ з. Piesni ludu ruskiego, хотя онъ вовсе не собиралъ пѣсенъ, а переписывалъ таковыи...[1]). Обвиненіе Головацкаго было напечатано при жизни Паули, но оставлено безъ отвѣта, при чемъ едва ли можно допустить, чтобы воспоминанія Головацкаго остались неизвѣстны такому книжнику, какимъ былъ Паули. Трудно рѣшать теперь—гдѣ правда, но, повидимому, не весь же сборникъ Паули составленъ былъ изъ «выманенныхъ» у Головацкаго и его товарищей, если первый въ своемъ большомъ сборникѣ, напечатанномъ въ «Чтеніяхъ», указывая источники записей, называетъ и Паули[2]). Въ только что напечатанномъ обширномъ некрологѣ Паули[3]) по этому вопросу говорится, что по отношенію къ сборнику малорусскихъ пѣсенъ— «jak twierdzą rusini, sam Pauli nie zbierał, ale miał korzystać ze zbiorów rękopiśmiennych duchowieństwa ruskiego». Повидимому, г. Бартошевичъ имѣетъ здѣсь въ виду показаніе того же Головацкаго, причемъ никакихъ возраженій не дѣлаетъ...

Вмѣстѣ съ пѣснями Паули издалъ въ томъ же 1840-мъ году, книжку—Starożytnosci Galicyjskie (Lwów 1840, 8°, 47 стр. и 20 рис.). Книжка заключаетъ въ себѣ нѣсколько портретовъ и затѣмъ рисунки памятниковъ археологіи. Для южнорусской исторіи здѣсь интересны: портретъ извѣстнаго Самуила Зборовского съ его подписью (fac-simile) и обстоятельною біографіей, показывающею близкое знакомство Паули съ первоисточниками польской исторіи. Затѣмъ слѣдуетъ еще портретъ—полулегендарной *Роксоланы* (родомъ будто бы изъ м. Рогатина), взятой татарами въ плѣнъ и ставшей потомъ женою Солимана I, и извѣстнаго участника въ дѣлѣ о церковной уніи 1596 г. Гедеона Балабана († 1607). Заинтересовавшись Зборовскимъ, Паули впослѣд-

[1]) Литерат. Сборникъ, изд. Гал.-Русск. матиц., 1885, вып. I, стр. 14. (Львовъ).

[2]) См. у Пыпина, Этнограф. Малорусская, 136—138, гдѣ приведены основательныя соображенія и *за* Паули.

[3]) К. Бартошевича, Kraj, № 42.

ствіи издалъ *Pamiętniki do życia i sprawy Samuela i Krzystofa Zborowskich* (Lwów, 1846). Издалъ еще Паули *Pamiętniki Łosia,* повидимому относящіеся къ эпохѣ Хмельницкаго, но этой книжки намъ не приходилось видѣть. Труды Паули по польской исторіографіи перечислены г. К. Бартошевичемъ въ его обстоятельномъ некрологѣ этого неутомимаго книжника, который, родившись въ 1814 г., до послѣднихъ своихъ дней сидѣлъ за книгами краковской библіотеки [1]... Знавшіе Паули польскіе ученые называли его *ходячею энциклопедіею*, но тутъ же и жаловались, что раскрывалася эта энциклопедія для справокъ очень неохотно...

А. Л.

Мелкія извѣстія.

Разсказы Орскихъ старожиловъ о Т. Г. Шевченкѣ. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» г. Матовъ сообщаетъ свѣдѣнія о Т. Г. Шевченкѣ, которыя онъ, посѣтивъ Орскъ, получилъ тамъ отъ двухъ мѣстныхъ старожиловъ.

Одинъ изъ нихъ, Агапій Өедоровичъ К., имѣющій подъ 70 лѣтъ, бывшій фельдфебель одной изъ тѣхъ ротъ 4-го Оренбургскаго баталіона, гдѣ служилъ Шевченко, на разспросы объ немъ г. Матова, разсказалъ слѣдующее: «Скажу, что помню; только мало у меня на памяти осталось. Человѣкъ онъ былъ у насъ веселый и съ товарищами не прочь выпить; видомъ изъ себя плотный, высокій; усищи носилъ длинные, словно веревка крученые. Велъ себя мирно, лишь время отъ времени надъ чѣмъ-то задумывался; держали его больно ужъ крѣпко. Писать и рисовать ему запрещалось (строжайшая бумага была изъ Оренбурга). А рисовалъ-то какъ! Настоящій былъ художникъ. Наскучитъ ему, бывало, сидѣть въ казармахъ— пойдетъ въ укромное мѣсто, да и давай на стѣнѣ углемъ или мѣломъ картины мазать. Просто умора! На стѣнахъ писалъ и стихи хохлацкіе; всѣ заборы испачкалъ. Офицеры его любили, а все таки, видно, онъ шибко скучалъ. Помню, собрались мы въ Сыръ-Дарьинскій походъ; попалъ въ команду и Шевченко. Къ учебной солдатской аммуниціи онъ былъ непривыченъ, а о походной и говорить

---

[1]) Свѣдѣнія г. Бартошевича могутъ быть пополнены статьей о Паули г. Дубѣцкаго (Kłosy 1887 г, № 1153), при которой помѣщенъ и портретъ Паули.

нечего; вѣдь онъ у насъ маленько-то льготами пользовался. Двинулись въ походъ. День былъ жаркій, безвѣтренный; солнце пекло немилосердно; даже киргизы ѣхали безъ верхняго халата. Только переправились мы черезъ Оръ и вступили въ зеленую еще въ то время степь, какъ Шевченко вдругъ палъ въ строю, крѣпокъ былъ, а нѣтъ—сморила его духота. Подбѣжали офицеры, докторъ, а ротный командиръ сначала было прикрикнулъ, да видитъ, что дѣло-то неладно—пожалѣлъ. Положили его въ походную повозку и двинулись дальше. Скоро онъ поправился и мало по малу привыкъ. Потомъ я потерялъ его изъ виду. Говорили, что въ Ново-Петровскомъ онъ жилъ больно хорошо».

Другой орскій старожилъ М. И. Бажановъ разсказывалъ г. Матову, что Тарасомъ Григорьевичемъ была нарисована прекрасная картина-аллегорія. Она представляла изъ себя малороссійскую деревушку со всѣми аксессуарами южной природы. На первомъ планѣ картины выдѣляется ветхая хатка, обнесенная высокимъ частоколомъ. Синеватое небо мѣстами затянуто тучками, изъ за которыхъ по временамъ вырываются солнечные лучи и, проникая черезъ отверстіе частокола, живописными узорами золотятъ хатку. Лицомъ къ оградѣ и затылкомъ къ избушкѣ стоитъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія; въ распростертыхъ рукахъ онъ держитъ развернутую солдатскую шинель и пытается загородить ею проникающіе чрезъ ограду солнечные лучи и такимъ образомъ оставить въ тѣни убогую хатку. Гдѣ эта картина—М. И. не знаетъ.

На разспросы относительно того, не хранятся ли въ мѣстномъ архивѣ воинскаго начальника какіе-либо документы, относящіеся къ ссылкѣ Шевченка, г. Матовъ получилъ отвѣтъ, что документы эти сгорѣли въ послѣдній большой пожаръ 1888 года, уничтожившій весь Орскъ.

Новые матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя. Нѣсколько времени тому назадъ, газеты сообщили о находкѣ новыхъ цѣнныхъ матеріаловъ для біографіи Н. В. Гоголя, а теперь «Биржевыя Вѣдомости» сообщаютъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой находкѣ. Прежде всего рѣчь идетъ о собственноручныхъ письмахъ знаменитаго писателя къ его матери Марьѣ Ивановнѣ, въ количествѣ около 180, захватывающихъ тридцатилѣтній періодъ времени съ 1821 по 1851 годъ. Затѣмъ, говоритъ газета, весьма цѣннымъ представляется семейный архивъ Гоголь-Яновскихъ, доселѣ неизвѣстный и заключающій въ себѣ многіе историческіе документы (восходящіе до 1604

года) и важную для біографіи Н. В-ча семейную переписку его отца, матери, тетокъ, дѣда, бабки, прадѣда и прабаки. Кромѣ того, имѣются характерныя письма нѣкоего Егора Зельднера, воспитателя и квартиросодержателя Н. В. Гоголя въ Нѣжинѣ, и записная книжка Василія Афанасьевича Гоголя (отца Н. В-ча), подъ названіемъ «Monitor», гдѣ между хозяйственными записями попадаются стихотворенія.

Можно сомнѣваться въ томъ, чтобъ всѣ упомянутые метеріалы были вполнѣ новыми и доселѣ никому неизвѣстными, такъ какъ едва ли можно допустить, чтобы, приготовляя къ изданію собраніе сочиненій и писемъ Н. В. Гоголя, выпущенное въ 1854 году, и собирая на родинѣ знаменитаго писателя матеріалы для его біографіи, изданные въ 1856 году [1]), П. А. Кулишъ могъ оставить безъ вниманія семейный архивъ Гоголь-Яновскихъ; гораздо вѣроятнѣе предположить, что онъ хорошо ознакомился тогда съ этимъ архивомъ, но не извлекъ изъ него всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, которыя можно было извлечь. Во всякомъ случаѣ нельзя назвать новыми письма Н. В. Гоголя къ его матери, такъ какъ въ упомянутомъ изданномъ Кулишомъ собраніи сочиненій Н. В. Гоголя эти письма уже были напечатаны, хотя со многими пропусками; но представляютъ-ли эти сдѣланные Кулишомъ пропуски цѣнный матеріалъ для біографіи Н. В. Гоголя—это можетъ сказать только тотъ, кто читалъ подлинныя письма.

Свѣдѣнія о массонскихъ ложахъ, бывшихъ въ Волынской губерніи. Въ газетѣ «Волынь» г. Кустодскій сообщаетъ небезынтересныя свѣдѣнія о бывшихъ въ Волынской губерніи массонскихъ ложахъ: въ г. Дубно учреждена была княземъ Михаиломъ Любомирскимъ, подъ его предсѣдательствомъ, массонская ложа въ залѣ «Луцкой брамы», гдѣ, во второмъ этажѣ, собирались члены Дубенской ложи. Въ 1786 году присланному въ Житомиръ карантинному лѣкарю Францишку Гинчу краковскіе массоны поручили учредить въ Житомірѣ двѣ ложи—мужскую и женскую. Это порученіе Гинчъ исполнилъ въ 1789 г., основавъ двѣ ложи: одну мужскую подъ названіемъ «Разсѣяннаго мрака», въ которой и былъ «venorabilem», а другую «Wschadu Żytomirskiego», женскую, въ которой предсѣдательство приняла жена аптекаря г-жа Вадзлю. До 1814 года дѣла житомирскихъ ложъ шли вяло и оживились, когда послѣ смерти Гинча

[1]) Подъ заглавіемъ: Записки о жизни Н. В. Гоголя.

во главѣ ложи сталъ маіоръ Лукашинскій. Онъ не замедлилъ придать дѣятельности кружка новое направленіе и окраску, основавъ общество національныхъ массоновъ, дѣятельность котораго, направленная къ религіозной пропагандѣ въ принадлежавшихъ Польшѣ областяхъ, способствовала организаціи возстанія. Лукашинскій организовалъ и другія общества, изъ которыхъ болѣе замѣчательны общество «карбонаріевъ» и общество «патріотовъ». Послѣднее раздѣлялось на шесть отдѣловъ и охватило Галицію, Царство Польское, Литву, Волынь, Подолію и Украину; организація этого общества имѣла сходство съ программою тѣхъ обществъ, которыя существовали въ возстаніе 60-хъ годовъ. Вслѣдъ затѣмъ образовались «общество друзей» и «общество тампліеровъ». Пропаганда этихъ обществъ проникла скоро и въ армію. Поляки вошли въ сношенія съ Пестелемъ, Муравьевымъ и Бестужевымъ, а кіевскіе контракты служили мѣстомъ свиданій въ 1824—1825 г. Открытіе заговора 14 декабря обнаружило сношенія поляковъ съ декабристами, а равно и существованіе многихъ польскихъ обществъ. Арестъ болѣе 80 членовъ житомирской ложи, въ томъ числѣ губернскаго предводителя дворянства Петра Мошинскаго, положилъ конецъ житомирскимъ массонскимъ ложамъ.

Учрежденіе ученой архивной коммиссіи въ Черниговѣ. Какъ сообщаютъ газеты, въ Черниговѣ организуется губернская ученая архивная коммиссія съ историческимъ при ней музеемъ и архивной библіотекой. Программа дѣятельности этой коммиссіи, по словамъ «Орловскаго Вѣстника», будетъ заключаться въ слѣдующемъ: коммиссія разсматриваетъ дѣла, предназначенныя губернскими и уѣздными архивами къ уничтоженію, и выдѣляетъ изъ нихъ для храненія тѣ дѣла или документы, которые имѣютъ научное значеніе; собираетъ свѣдѣнія о хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи и въ другихъ архивахъ—наиболѣе важныхъ актахъ и документахъ, касающихся черниговскаго края, снимаетъ съ нихъ списки или дѣлаетъ описаніе ихъ; входитъ въ сношеніе съ частными лицами, имѣющими семейные архивы, о снятіи копій и сдѣланіи выписокъ изъ хранящихся въ тѣхъ архивахъ документовъ, относящихся преимущественно до черниговскаго края; занимается собираніемъ и разработкою историческихъ матеріаловъ, относящихся до черниговской губерніи, а также и другихъ матеріаловъ, хотя не касающихся названнаго края, но имѣющихъ историко-литературное

значеніе; собираетъ мѣстныя преданія, повѣрья, народныя пѣсни, сказки и все, что касается бытовой стороны мѣстнаго населенія; собираетъ свѣдѣнія о памятникахъ древности, находящихся въ губерніи, и озабочивается, чтобы таковые не были уничтожаемы, а также—чтобы никакія перестройки древнихъ храмовъ безъ вѣдома коммиссіи не производились; участвуетъ въ раскопкахъ, производимыхъ въ губерніи учеными учрежденіями; при архивѣ коммиссія постепенно организуетъ историческій музей, въ который поступаютъ какъ пожертвованныя вещи, имѣющія археологическій интересъ, такъ и пріобрѣтенныя на средства коммиссіи; по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, коммиссія приступаетъ къ изданію очерковъ изъ исторіи края и къ составленію исторической карты края. Въ виду того, что открытіе архивной коммиссіи зависитъ отъ изысканія нужныхъ для этого средствъ, а предполагаемый членскій взносъ въ 3 рубля не можетъ обезпечивать прочнаго существованія коммиссіи, черниговскій губернаторъ обратился къ городскимъ общественнымъ управленіямъ губерніи съ циркулярнымъ предложеніемъ внести въ городскія думы вопросъ о назначеніи ежегодной субсидіи на содержаніе губернской ученой архивной коммиссіи, историческаго при ней музея и архивной библіотеки. Какъ сообщаетъ корреспондентъ газеты «Жизнь и Искусство», черниговская думская коммиссія, разсматривавшая предложенія губернатора, предложила думѣ выразить свое сочувствіе учрежденію архивной коммиссіи и, не предрѣшая до составленія смѣты на 1896 г. вопроса о размѣрѣ денежной субсидіи со стороны города, въ настоящее время оказать помощь отводомъ квартиры для архивной коммиссіи и предполагаемаго при ней музея—въ городскомъ домѣ, который освобождается съ переходомъ изъ него отдѣленія государственнаго банка и въ которомъ, вмѣстѣ съ архивной коммиссіей, предполагается помѣстить общественную библіотеку, существующую съ 1877 года.

Проектируемые музеи. Кромѣ упомянутаго музея, который предполагается открыть *въ Черниговѣ* при ученой архивной коммиссіи, въ газетахъ появились сообщенія еще о слѣдующихъ проектируемыхъ музеяхъ: *въ Житомирѣ*, по иниціативѣ директора гимназіи И. И. Сидорова, возбужденъ вопросъ объ открытіи публичнаго музея, въ которомъ, кромѣ разныхъ историческихъ рѣдкостей, предполагается собрать образцы кустарнаго промысла волынской губерніи и другія издѣлія мѣстныхъ производствъ. Въ виду того, что откры-

тіе такого музея считается дѣломъ вполнѣ осуществимымъ, нынѣ предполагается, по сообщенію газеты «Волынь», при предстоящей постройкѣ зданія для публичной библіотеки и народной аудиторіи, сдѣлать въ нѣсколькихъ комнатахъ соотвѣтственныя приспособленія для потребностей публичнаго музея.—Вопросъ объ учрежденіи *въ Екатеринодарѣ* музея археологическаго, историческаго и прикладныхъ знаній разсматривается въ настоящее время въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. — Наконецъ, *въ Кіевѣ*, независимо отъ того музея, о которомъ мы сообщали свѣдѣнія раньше, имѣетъ быть устроенъ въ университетскомъ ботаническомъ саду «петрографическій музей горныхъ породъ юго-западнаго края», о чемъ, какъ сообщаетъ газета «Жизнь и Искусство», уже состоялось постановленіе правленія университета св. Владиміра.

Первая лекція проф. Голубовскаго. 15 сентября, въ актовой залѣ университета св. Владиміра, въ присутствіи попечителя учебнаго округа и нѣкоторыхъ профессоровъ, была прочитана вновь назначеннымъ профессоромъ по каѳедрѣ русской исторіи П. В. Голубовскимъ первая пробная лекція на тему «О началѣ письменности на Руси».

Избраніе новаго предсѣдателя историческаго общества Нестора лѣтописца. 18 сентября происходило первое послѣ каникулъ собраніе историческаго общества Нестора лѣтописца, созванное для выбора предсѣдателя за послѣдовавшимъ въ маѣ отказомъ отъ этого званія профессора В. С. Иконникова, причемъ новымъ предсѣдателемъ избранъ почетный членъ общества А. М. Лазаревскій.

Присужденіе Уваровскихъ премій. 25 сентября, въ малой конференцъ-залѣ Академіи Наукъ, происходило, подъ предсѣдательствомъ вице-президента Академіи Л. Н. Майкова, публичное засѣданіе по тридцать седьмому присужденію премій графа Уварова, причемъ малыхъ премій (по 500 рублей) удостоены слѣдующія сочиненія, имѣющія интересъ для нашего журнала.

1) «Описаніе старой Малороссіи» А. М. Лазаревскаго. Томъ II, полкъ нѣжинскій. Оцѣнка этого сочиненія была сдѣлана преподавателемъ Александровскаго лицея В. А. Мякотинымъ, который, указавъ на то, что исторія гетманской Малороссіи представляется еще весьма мало разработанной въ научной литературѣ, а источники ея чрезвычайно разбросаны, высказалъ, что «работа г. Лаза-

ревскаго, какъ систематическій подборъ матеріала по основнымъ вопросамъ исторіи гетманской Малороссіи, должна имѣть большое значеніе уже въ виду состоянія литературы и положенія источниковъ этой исторіи; задумана и поставлена авторомъ работа чрезвычайно широко; цѣлый рядъ разнообразныхъ темъ введенъ авторомъ въ его описаніе, и онъ собралъ для нихъ громадный и свѣжій матеріалъ, въ весьма значительной мѣрѣ имъ же самимъ и обработанный».

2) «Очерки исторіи литовско-русскаго права» Ѳ. И. Леонтовича. Оцѣнку этого труда принялъ на себя академикъ К. М. Бестужевъ-Рюминъ, отозвавшійся, что «книга Леонтовича должна принести несомнѣнную пользу и своими общими замѣчаніями, и библіографическими указаніями и что, если замѣчанія автора не вездѣ безусловно вѣрны, то они всегда вызываютъ мысль и побуждаютъ къ новой работѣ надъ предметомъ».

3) «Исторія минской архіепископіи съ подробнымъ описаніемъ хода возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью» С. Рункевича. Оцѣнка этого сочиненія произведена проф. В. Н. Жуковичемъ, который находитъ, что обиліе бывшаго у автора подъ руками матеріала дало ему возможность обставить свое историческое повѣствованіе цѣлымъ рядомъ точныхъ, часто малоизвѣстныхъ или совсѣмъ неизвѣстныхъ фактовъ, причемъ заслуживаетъ полнаго сочувствія и то вниманіе, съ какимъ отнесся Рункевичъ ко всей предъидущей, какъ русской, такъ и польской литературѣ, имѣющей какое либо отношеніе къ предмету его изслѣдованія.

Приготовляемые къ изданію описанія собора св. Владиміра и альбомъ снимковъ живописи этого собора. Какъ сообщаютъ кіевскія газеты, въ виду предстоящаго въ будущемъ году открытія собора св. Владиміра, въ недавнее время приступлено къ составленію описанія этого собора. Оно будетъ состоять изъ двухъ частей: архитектурной, въ которой будетъ изложенъ весь ходъ работъ по сооруженію собора св. Владиміра, и художественной, въ которой будутъ описаны работы по внутренней отдѣлкѣ храма, живопись, мраморныя работы и т. п. Составленіе первой части взялъ на себя архитекторъ В. Н. Николаевъ, а второй—профессоръ А. В. Праховъ. Кромѣ того, ко дню открытія собора будетъ изданъ альбомъ снимковъ болѣе выдающихся художественныхъ произведеній, заключающихся въ соборѣ. По сообщенію «Кіевлянина», этотъ альбомъ будетъ заключать въ себѣ около 150

снимковъ, а по сообщенію газеты «Жизнь и Искусство»—болѣе 200 снимковъ. Изготовленіе снимковъ взялъ на себя фотографъ Лазовскій. Они приготляются орто-хроматическимъ способомъ и будутъ наклеиваться на цѣльные листы бристольскаго картона. Въ настоящее время уже сдѣлано 84 снимка; остальные будутъ изготовлены въ теченіе предстоящей зимы, по мѣрѣ освобожденія внутреннихъ стѣнъ храма отъ лѣсовъ и рештованій и очищенія картинъ отъ пыли. Такъ какъ пріобрѣтеніе альбомовъ большого формата, въ виду ихъ высокой стоимости (200 рублей), можетъ быть доступно немногимъ, то фотографическое заведеніе Лазовскаго предлагаетъ издать тотъ же альбомъ въ уменьшенномъ форматѣ и съ выпускомъ нѣкоторыхъ неважныхъ снимковъ, цѣнностію въ 25 рублей.

Полемика по поводу перестройки купола на Андреевской церкви. Въ напечатанной въ газетѣ «Жизнь и Искусство» статьѣ «Уничтоженія древняго Ярославова вала въ Кіевѣ», о которой мы упоминали въ предыдущей книгѣ «Кіевской Старины», г. Кибальчичъ, говоря между прочимъ о необходимости для Императорской Археологической Коммиссіи имѣть во многихъ пунктахъ имперіи своихъ агентовъ, на обязанности которыхъ было бы слѣдить за сохраненіемъ національныхъ историческихъ памятниковъ и безъ вѣдома которыхъ ни одинъ историческій памятникъ не только не уничтожался бы, но и не реставрировался,—добавилъ, что такую необходимость можно видѣть хотя бы на Андреевской церкви въ Кіевѣ, на которой въ настоящее время идетъ своебразное исправленіе линіи главнаго купола геніальнаго Растрелли, возмущающее истыхъ кіевлянъ. Это замѣчаніе г. Кибальчича вызвало появившееся въ той же газетѣ письмо инженера Я. Кривцова, который въ качествѣ завѣдывающаго технической стороной перестройки купола Андреевской церкви, счелъ нужнымъ, для возстановленія истины, разъяснить, что подлиннаго проэкта Растрелли или копіи съ него, насколько извѣстно, не существуетъ, что куполъ Андреевской церкви перестраивался не одинъ разъ и сохранилась ли при этихъ перестройкахъ первоначальная растрелліевская форма его—неизвѣстно; при перестройкѣ же въ настоящее время, предъ уничтоженіемъ стараго купола, были сняты съ него чертежи, фотографіи и шаблоны-лехалы съ натуры, согласно которымъ и построенъ новый куполъ, почему линія его не можетъ быть не такою, какой она была въ послѣдніе годы; если же она не кажется такою, то это можетъ быть объяснено оптическимъ обманомъ, происходящимъ, быть можетъ,

отъ не совсѣмъ убранныхъ лѣсовъ и незаконченности всѣхъ работъ.—Возражая г. Кривцову въ новой статьѣ, г. Кибальчичъ объяснилъ, что оправданія Кривцова могли бы имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ, какъ завѣдывающій технической стороною перестройки купола, сдѣлалъ это согласно 6 и 7 параграфовъ положенія объ археологической коммиссіи, по которому никакая реставрація монументальнаго памятника старины не должна быть производима безъ разрѣшенія и руководства академіи художествъ и археологической коммиссіи, гдѣ, весьма можетъ быть, сохраняются и какія-нибудь данныя объ Андреевской церкви, что рисункамъ и шаблонамъ-лекаламъ, о которыхъ говорится въ письмѣ Кривцова, нельзя довѣрять, потому что они сняты не Кривцовымъ, а подрядчиками и рабочими, не сознававшими важности воспроизводимыхъ ими предметовъ, фотографія же при переставныхъ съемкахъ еще не доведена до такого совершенства, чтобъ ею можно было пользоваться при подобныхъ архитектурныхъ работахъ, а разницу между старымъ и новымъ куполомъ Андреевской церкви отлично замѣтили, какъ ближайшіе сосѣди этой церкви, такъ и другіе старожилы г. Кіева.—Въ эту полемику между гг. Кривцовымъ и Кибальчичемъ вмѣшался г. Бошно, который въ своей статьѣ, подтверждая заявленіе Кибальчича, счелъ нужнымъ указать, въ чемъ именно, по его наблюденіямъ, заключаются тѣ измѣненія, которыя сдѣланы въ куполѣ Андреевской церкви, и говоритъ, что эти измѣненія были троякія: 1) самая характерная нижняя часть купола или пьедесталъ—теперь совсѣмъ отсутствуетъ, 2) въ средней части выпуклости расширены и 3) верхняя часть или шпицъ съужена и укорочена, въ общемъ же куполъ пониженъ саженъ до 3-хъ, чѣмъ уничтожена своеобразная красота его.

Отмѣчая эту полемику и не рѣшаясь утверждать, сдѣланы ли измѣненія при послѣдней перестройкѣ купола Андреевской церкви и, если сдѣланы, то кто въ нихъ повиненъ, мы съ своей стороны можемъ только сказать, что достаточно съ самымъ бѣглымъ вниманіемъ взглянуть на Андреевскую церковь и сравнить только что перестроенный главный куполъ съ малыми куполами ея, чтобы бросилась въ глаза большая разница между архитектурою главнаго купола и архитектурою малыхъ куполовъ; поднимаясь вверхъ въ легкихъ, тонкихъ, стройныхъ очертаніяхъ, эти малые куполы, совершенно гармонирующіе съ архитектурою всей церкви, какъ-бы стремятся въ вышину, тогда какъ раздавшійся въ ширину и слишкомъ короткій по сравне-

нію съ малыми куполами перестроенный главный куполъ изображаетъ изъ себя тяжелую на подъемъ приземистую фигуру, которая совершенно не соотвѣтствуетъ ни архитектурѣ малыхъ куполовъ, ни архитектурѣ всей церкви. Полагаемъ, что такую дисгармонію, безобразящую церковь, не могъ допустить Растрелли.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Записки товариства імени Шевченка. Выдавництво, присьвячене науці і письменьству украіньско-руского народу. Впорядковав др. Юліян Целевич. Частына І. У Львові. 1892. (Стр. 212).

Записки наукового товариства імени Шевченка. Том ІІ. Впор. Олександер Барвіньскій (ib. 1893). Том ІІІ, IV. Впор. Ол. Барвіньскій (ib., 1894). Том V, VI. Впор. Михайло Грушевській (ib., 1895). Стр. 189+231+200+208+183.

Въ перечисленныхъ шести томахъ «Записокъ» пояснены обстоятельства, при которыхъ возникло это крупное для восточной Галичины литературно-научное изданіе. Въ самыхъ общихъ чертахъ дѣло представляется такъ. Живое литературное движеніе шестидесятыхъ годовъ въ Малороссіи не осталось безъ вліянія на національно-литературныя стремленія галичанъ. Средоточіемъ литературнаго движенія эпохи въ Галичинѣ служили газеты «Вечерныцi», «Мета», «Нива» и «Правда». Среди галицкой интеллигенціи естественно явилась потребность въ основаніи общества для распространенія просвѣщенія въ народѣ и для изданія литературныхъ и научныхъ произведеній и школьныхъ учебниковъ на народномъ языкѣ. Съ этою цѣлью образовано было въ 1868 г. общество «Просвита» (просвѣщеніе). Опытъ вскорѣ показалъ, что преслѣдованіе обѣихъ цѣлей однимъ и тѣмъ же обществомъ—задача не изъ легкихъ и что заботы по изданію книгъ, учебниковъ и т. п. удобнѣе выдѣлить. Въ концѣ 1873 г., по иниціативѣ мѣстныхъ литераторовъ и ученыхъ, учреждено общество имени Шевченка, на основаніи утвержденнаго 11 декабря галицкимъ намѣстничествомъ устава. Въ слѣдующемъ году это общество обзавелось собственной типографіей и издало рядъ научныхъ и литературныхъ

трудовъ, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, приняло на себя изданіе газеты «Зоря», печатало учебныя книги и т. п. Значительное развитіе издательскаго дѣла поглощало массу времени и труда, отодвигая до поры до времени собственно научныя задачи, неизбѣжно возникающія при каждомъ сознательномъ умственномъ движеніи народа.

Въ 1892 году общество имени Шевченка пошло на встрѣчу этой назрѣвшей потребности мѣстной интеллигенціи и выработало для себя новый уставъ, поставивъ себѣ первою и главною задачею содѣйствовать развитію науки на родномъ языкѣ, заботиться о собираніи и сохраненіи всевозможныхъ памятниковъ мѣстной старины, о развитіи мѣстнаго искусства. Для этого должны служить изслѣдованія по исторіи украинско-русской письменности и искусства, по мѣстной исторіи и археологіи, а также по наукамъ философскимъ, политическимъ, экономическимъ, юридическимъ, математическимъ и естественнымъ; научные рефераты, сообщенія и бесѣды, съѣзды литераторовъ и художниковъ; изданіе своихъ записокъ и отдѣльныхъ научныхъ трудовъ; собираніе книгъ и памятниковъ для библіотеки и музея; выдача премій и пособій ученымъ, литераторамъ и художникамъ; наконецъ, содержаніе собственной типографіи и устройство книжнаго склада. Общество состоитъ изъ отдѣленій филологическаго, историко-философскаго и естественно-математическо-медицинскаго.— Измѣненный такимъ образомъ уставъ утвержденъ 16 ноября 1892 г., а въ 1893 г. «научное общество имени Шевченка» организовалось на новыхъ началахъ. По мысли учредителей, дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи дѣятельности общества должно быть учрежденіе мѣстной академіи наукъ, по примѣру другихъ славянскихъ и не-славянскихъ областей Австро-Венгріи. Въ появившихся до настоящаго времени шести томахъ «Записокъ» даны отдѣльныя обработки разнообразнаго научнаго матеріала по различнымъ отраслямъ знанія, независимо отъ статей критическихъ и библіографическихъ, но изъ протоколовъ засѣданій общества видно, что нынѣ, по иниціативѣ львовскаго профессора М. С. Грушевскаго, разрабатывается планъ цѣлой серіи научныхъ изданій документальнаго матеріала для мѣстной исторіи, въ высокой степени интереснаго и важнаго, какъ напр. люстрацій и инвентарей русскаго воеводства, самборскаго и дрогобыцкаго старостъ XVI в., люстрацій и книгъ XVI и XVII вв., хранящихся въ Варшавскомъ главномъ архивѣ и Московскомъ архивѣ мин. юстиціи, въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ, отдѣльныхъ исто-

рическихъ актовъ, хроникъ и лѣтописей, разбросанныхъ повсюду и частью еще нетронутыхъ, наконецъ, актовъ юридическихъ. Конечно, выполненіе этой задачи потребуетъ значительныхъ расходовъ, но нѣкоторая поддержка обществу уже оказана австрійскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія ассигнованіемъ на 1895 г. пособія въ 1500 гульденовъ.

Безполезно, полагаемъ, было-бы говорить о томъ сочувствіи, какого заслуживаетъ почтенная цѣль новаго научнаго общества; излишне было-бы также заниматься гаданіями относительно его будущности. Скажемъ лишь, что на полѣ историческаго изученія прошлаго русскихъ земель, вошедшихъ въ составъ австрійской монархіи, мѣстнымъ научнымъ силамъ предстоятъ задачи, важность которыхъ невозможно преувеличить. При современныхъ внутреннихъ отношеніяхъ въ Галичинѣ, при массѣ вопросовъ экономическаго и политическаго характера, остающихся неразрѣшенными въ согласіи съ жизненными интересами большинства мѣстнаго населенія, напрасно было-бы тѣшить себя химерами и ожидать, что изученіе прошлой и современной жизни этого народа можетъ идти въ духѣ спокойномъ, безпристрастномъ, такъ сказать академическомъ. Гдѣ есть условія для борьбы экономической и политической, тамъ и историческое и экономическое изученіе неизбѣжно получаютъ и не могутъ не получать специфическаго отпечатка, тамъ они непремѣнно отражаютъ на себѣ интересы жизни въ выборѣ-ли темъ для разработки, въ отношеніи-ли къ противоположнымъ мнѣніямъ, или въ общемъ освѣщеніи фактовъ и отношеній. Выработка прочнаго научнаго метода, уваженіе къ усвоеннымъ общеевропейскою наукою пріемамъ изслѣдованія необходимы и обязательны во всякомъ случаѣ, и если галицкая интеллигенція, въ пылу партійной борьбы, не забываетъ объ этомъ органическомъ условіи успѣха всякаго живого научнаго дѣла, если она стремится освѣтить свои притязанія основаніями, извлеченными изъ арсеналовъ науки, то на этомъ полѣ предстоитъ ей огромная масса труда тяжкаго и, при данныхъ условіяхъ, неблагодарнаго, но тѣмъ болѣе почтеннаго и заслуживающаго признанія своей важности.

Что же касается, въ частности, до вопроса о языкѣ, на которомъ «Общество» публикуетъ свои труды, то, кажется намъ, дѣло это вовсе и не подлежитъ ближайшему обсужденію, по своей очевидности: по нашему убѣжденію, тутъ нѣтъ предмета для обсужденія. Замѣтить можно лишь, что дѣло это, какъ всякое серьезное

дѣло, представляетъ на первыхъ порахъ много техническихъ трудностей; но трудности эти отнюдь не непреодолимыя, и вышедшіе томы «Записокъ» доказываютъ это блистательнымъ образомъ, въ чемъ легко убѣдиться всякому знакомому съ языкомъ, обратившись къ самимъ «Запискамъ».

Послѣ этихъ необходимыхъ предварительныхъ замѣчаній, постараемся указать вкратцѣ на общее содержаніе «Записокъ».

Древнѣйшей исторіи земель, населенныхъ русскимъ народомъ, посвящены въ запискахъ статьи гг. Сергіенка (Общественное движеніе на Украинѣ-Руси въ XIII в.—т. I), Иванова (Очеркъ изъ исторіи Волыни въ началѣ XIV в.—т. II), Паначовнаго (Древнѣйшія греческія босфорскія колоніи въ нынѣшней Кубанской области—т. II), Грушевскаго (Вступительная лекція въ курсъ древне-русской исторіи—т. IV) и Величка (Политическія и торговыя отношенія Руси и Византіи въ X и XI ст.—т. VI).

Въ статьѣ г. Сергіенка (I, 1—28) весьма живо обрисованъ общественный строй южно-русскихъ земель до нашествія татаръ, отмѣчены слѣды антагонизма между землею, съ одной стороны, и княземъ съ дружиною или боярствомъ (въ Галичинѣ)—съ другой, наконецъ, нарисованы своеобразныя политическія комбинаціи, выросшія на этой почвѣ въ татарскій періодъ.

Хорошее знакомство автора съ лѣтописями и литературой предмета даютъ ему возможность нарисовать картину, правда эпизодическую, но тѣмъ не менѣе цѣльную, насколько то позволяютъ наличные источники. Спорнымъ представляется намъ категорическое отрицаніе завоеванія при объясненіи причинъ указаннаго раздвоенія въ государственно-общественномъ укладѣ древне-русскихъ земель; не можемъ также раздѣлить увѣренности почтеннаго автора въ славянскомъ происхожденіи знаменитыхъ болоховскихъ князей. Но необходимо замѣтить, что эти вопросы до настоящаго времени остаются спорными въ наукѣ, г. Сергіенко не берется ихъ разрѣшать, и какъ бы они ни выяснились въ концѣ концовъ, нарисованная авторомъ историческая картина остается вѣрною въ основныхъ чертахъ.

Статья г. Иванова (II, 119—161) посвящена запутанному вопросу о генеалогіи волынскихъ князей послѣ Мстислава Даниловича. Какъ сводка свидѣтельствъ источниковъ и критическое обозрѣніе взглядовъ новѣйшихъ историковъ, статья эта имѣетъ свое значеніе для мѣстной исторіи, хотя указанные авторомъ вопросы не могутъ считаться окончательно разрѣшенными, по недостаточности налич-

ныхъ источниковъ. Результаты изысканій г. Иванова, опубликованныхъ въ «Запискахъ», вошли въ его книгу: «Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV вѣка». (Одесса, 1895).

Г. Паначовный (II, 1—61) задался цѣлью, путемъ личнаго обозрѣнія мѣстностей, упоминаемыхъ у Страбона, и сопоставленія извѣстій послѣдняго съ географическими указаніями надписей и другихъ авторовъ, провѣрить, возможно-ли полагаться на извѣстія Страбона. Выводы автора г. Паначовнаго вообще весьма благопріятны для этого географа; такъ, напр., нашъ авторъ склоняется къ мнѣнію, что Страбонъ дѣйствительно посѣтилъ упоминаемыя имъ мѣстности босфорскаго царства, далѣе пытается установить эти мѣстности по современной картѣ, наконецъ, подвергаетъ критическому разбору догадки по Страбону И. Е. Забѣлина (Труды III Археолог. Съѣзда, т. II) и признаетъ ихъ безусловно неправильными. Статья г. Паначовнаго написана съ большою запальчивостью, которая объясняется тѣмъ, что онъ потерялъ безплодно много времени на ознакомленіе съ догадками позднѣйшихъ историковъ и лишь послѣ того приступилъ къ самостоятельнымъ изысканіямъ по провѣркѣ извѣстій классическихъ авторовъ, писавшихъ о сѣверо-восточныхъ берегахъ Чернаго моря. Какъ намъ кажется, и послѣ изысканій г. Паначовнаго страбоновскіе вопросы остаются въ достаточной мѣрѣ темными. Къ статьѣ приложена карта, гдѣ показаны предполагаемыя мѣста древнихъ поселеній.

Вступительная лекція проф. Грушевскаго (IV, 140—150) посвящена сводкѣ данныхъ, характеризующихъ уровень культурнаго и общественнаго развитія насельниковъ южной Руси VIII—XII в., и указанію основныхъ точекъ зрѣнія автора при дальнѣйшей разработкѣ историко-археологическаго матеріала въ теченіе курса.

Наконецъ, статья д-ра Величка (VI, 1—36) даетъ сжатое, ясное изложеніе основныхъ фактовъ, рисующихъ отношенія Руси къ Византіи въ X и XI ст. Авторъ обнаруживаетъ значительное знакомство съ литературой вопроса, и статья его читается съ неослабѣвающимъ интересомъ. Ошибочнымъ кажется намъ лишь указаніе автора на существованіе перваго митрополита кіевскаго Михаила родомъ изъ Греціи или Сиріи; нѣсколько слабо воспользовался г. Величко археологическимъ матеріаломъ для характеристики торговыхъ сношеній и церковно-культурныхъ вліяній; тѣмъ не ме-

нѣе, какъ работа популярная въ лучшемъ смыслѣ слова, статья г. Величко вполнѣ умѣстна въ «Запискахъ».

Для исторіи XVIII в. не лишенъ интереса политическій памфлетъ 1774 или 1775 г. «Suplika successorów Gonty y Zelezniaka», найденный г. Макарушкой въ отдѣлѣ рукописей библіотеки Оссолинскихъ во Львовѣ (VI, 1—6). Памфлетъ направленъ противъ кн. Понинскаго, извѣстнаго дѣятеля перваго раздѣла Польши. Перечисливъ всѣ подвиги князя, мнимые наслѣдники Василій Гонта и Иванъ Зализнякъ доказываютъ въ своей просьбѣ королю, что Понинскій — ихъ вѣрный сотоварищъ и что поэтому они заслуживаютъ не меньшей награды, нежели онъ. Въ сатирѣ приводится нѣсколько характерныхъ бытовыхъ указаній.

Для исторіи литературы XIX в. находимъ въ «Запискахъ» статьи гг. Колессы, Конисскаго и Франка, посвященныя Т. Г. Шевченку и Богдану Залѣсскому. Въ статьѣ «Шевченко и Мицкевичъ» (III, 36—152) г. Колесса подробно анализируетъ тѣ произведенія малорусскаго поэта, въ которыхъ, по его мнѣнію, отразились слѣды разнообразныхъ литературныхъ вліяній (Пушкина, Мицкевича, Жуковскаго, Козлова). Кропотливая работа сравненія, доходящая нерѣдко до мелочей, даетъ автору поводъ высказать нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній по психологіи поэтическаго творчества вообще и показать, какъ заимствованные мотивы претворяются въ своеобразномъ, оригинальномъ духѣ поэта, не умаляя его самостоятельности. По методѣ изложенія такой же характеръ имѣетъ другая большая статья г. Колессы: «Украинскія народныя пѣсни въ поэзіи Богдана Залѣсскаго» (I, 124—208). Авторъ убѣдительно показываетъ, что вліяніе этихъ пѣсенъ на Залѣсскаго было лишь внѣшнимъ, поверхностнымъ, что уловить дуновеніе жизни и своеобразный складъ народной мысли, нашедшій выраженіе въ этихъ пѣсняхъ, польскій поэтъ не съумѣлъ и не могъ по основнымъ особенностямъ своего таланта и настроенія. Въ концѣ статьи приведены важнѣйшія указанія на малорусскія стихіи въ языкѣ Залѣсскаго. Къ сожалѣнію мы лишены возможности даже вкратцѣ намѣтить здѣсь существенныя аналогіи, установленныя авторомъ въ анализѣ произведеній названныхъ поэтовъ.

Статья г. Франка (VI, 1—20) [1]) посвящена подробному анализу поэмы Шевченка «Наймычка» сравнительно съ повѣстью тогоже имени,

---

[1]) Въ V и VI т. „Записокъ" страницы статей нумеруются отдѣльно, что несовсѣмъ удобно.

напечатанною въ 1844 г. на русскомъ языкѣ, и другими произведеніями малорусскаго поэта. Анализъ даетъ автору поводъ высказать нѣсколько цѣнныхъ соображеній о манерѣ поэтическаго творчества Ш. и о томъ направленіи идей, которое повело къ цѣлому ряду общихъ по замыслу поэмъ. Предположеніе автора, что поэма «Наймычка» была написана ранѣе повѣсти, основанное на сличеніи другихъ поэмъ съ русскими повѣстями Ш., кажется намъ весьма правдоподобнымъ. Вся статья г. Франка свидѣтельствуетъ о вдумчивости автора и умѣніи его обращаться съ литературно-поэтическимъ матеріаломъ.

Три статьи г. Кониссаго («Дѣтство Т. Г. Шевченка»—I, 87—123, «Юношество Т. Г. Шевченка до выкупа изъ крѣпостнаго права»—IV, 1—28 и «Т. Шевченко подъ арестомъ»—VI, 1—26) представляютъ начало біографіи поэта, до 23 іюня 1847 г. Авторъ весьма добросовѣстно сводитъ воедино всѣ имѣющіяся въ литературѣ біографическія данныя, критически разсматриваетъ ихъ, отдѣляетъ недостовѣрное и иллюстрируетъ эти данныя ссылками на произведенія поэта. Хотя новыхъ данныхъ при этомъ почти не приводится, но это не лишаетъ трудъ г. Кониссаго значенія для исторіи нашей литературы и быта. Такъ какъ въ дальнѣйшихъ томахъ «Записокъ» должно ожидать продолженія біографіи, то мы позволимъ себѣ выразить здѣсь пожеланіе, чтобы почтенный авторъ не утомлялъ вниманія читателя лирическими отступленіями, которыя способны лишь ослабить цѣльность впечатлѣнія.

Памяти Маркіана Шашкевича, Омельяна Огоновскаго и Омельяна Партицкаго посвящены небольшія статьи В. Коцовскаго (Ш, 25—35), И. Кокорудза (V, 1—34) и И. Копача (V, 5—10). Въ добавленіи къ біографіи Огоновскаго г. Кокорудзъ опубликовалъ въ «Запискахъ» (V, 1—14) словарь малорусскихъ словъ, заимствованныхъ изъ тюркскихъ нарѣчій. Словарь этотъ составленъ покойнымъ Огоновскимъ въ 1890 г. на основаніи труда Миклошича, съ нѣкоторыми дополненіями, и можетъ имѣть значеніе для справокъ.

Статья г. Сергіенка (II, 147—161) «Къ юбилею Ив. Котляревскаго». Desiderata» трактуетъ вопросъ о необходимости собранія матеріаловъ для научной біографіи Котляревскаго и для научнаго и иллюстрированнаго изданія его сочиненій.

Для исторіи языка въ «Запискахъ» имѣется статья г. Верхратскаго «Говоръ Замішанців» (Ш, 153—210), разнорѣчіе говора лемковъ (этому послѣднему авторомъ посвящена обширная статья въ

Archiv'ѣ Ячича, т. XIV—XVI). Г. Верхратскій, на основаніи личнаго изслѣдованія, приводитъ данныя для фонетики, корнесловія, этимологіи и синтаксиса, даетъ нѣкоторыя загадки, пѣсни и, наконецъ, словарь этого говора, живущаго и понынѣ въ 10 селахъ по р. Вислоку, съ населеніемъ до 6500 чел.

Въ рецензіи того-же автора на I т. «Матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка» И. Срезневскаго (V, 16—29) приведены многочисленныя параллели между древне-русскими словами и словами живыхъ говоровъ Галичины—гуцульскимъ, лемковскимъ, замишанскимъ и др.

Въ отдѣлахъ научной хроники и miscellanea встрѣчаются не лишенныя интереса отдѣльныя указанія на различные малоизвѣстные или вовсе неизвѣстные факты литературной, политической и общественной жизни, дается обзоръ научно-литературныхъ журналовъ Галичины и, частью, Россіи, обозрѣніе рѣдкихъ памятниковъ, отчеты о дѣятельности ученыхъ обществъ, раскопкахъ и т. п. Съ VI тома значительно расширенъ библіографическій отдѣлъ. Въ общемъ данъ болѣе или менѣе подробный отзывъ о 100 слишкомъ книгахъ, преимущественно русскихъ. Въ числѣ ихъ встрѣчаются рецензіи очень обстоятельныя, требовавшія значительнаго труда и знакомства съ предметомъ. Укажемъ, напр., на приведенную выше рецензію г. Верхратскаго, г. Студинскаго на книгу И. Франка объ I. Вишенскомъ (V, 29—48), г. Корженко на книгу А. Левицкаго о Свидригайлѣ (II, 162—169), г. Кopача о книгѣ Макульскаго 1770 г. о гайдамацкихъ движеніяхъ (ib., 169—172), г. Грушевскаго объ изданіяхъ Лопарева и Никольскаго (V, 1—18) и нѣкоторыя другія. Замѣтно вообще стремленіе редакціи «Записокъ» поставить этотъ важный отдѣлъ на подобающую высоту.

По отдѣлу наукъ общественныхъ и политическихъ «Записки» даютъ двѣ обширныя статьи: г. Ѳадея Рыльскаго «Студіі над основами розкладу богацьтва» (I, 29—86; II, 62—113) и г. Вячеслава Будзиновскаго «Аграрні відносини Галичини» (IV, 29—193).

Г. Рыльскій критически разсматриваетъ основныя понятія политической экономіи и ихъ методологическое значеніе для теоріи распредѣленія, останавливаясь главнымъ образомъ на трудахъ представителей классической школы политической экономіи. Статья г. Рыльскаго, кромѣ внутреннихъ ея достоинствъ, обусловливаемыхъ умѣніемъ автора разобраться въ запутанныхъ и сложныхъ вопросахъ теоріи и освѣтить ихъ фактами дѣйствительной жизни, поучительна,

какъ едва-ли не единственный опытъ подробнаго изложенія основныхъ понятій экономической науки на малорусскомъ языкѣ. По нашему мнѣнію, предстоявшая автору нелегкая задача выполнена имъ блистательно. Къ сожалѣнію, статья не окончена. Послѣ критики теоріи народонаселенія Мальтуса, авторъ предполагаетъ перейти къ историческому обозрѣнію факторовъ распредѣленія въ разныхъ странахъ культурнаго міра (II, 113), но въ III—VI томахъ «Записокъ» продолженія статьи нѣтъ, о чемъ нельзя не пожалѣть.

Обширное изслѣдованіе г. Будзиновскаго объ аграрныхъ отношеніяхъ Галичины, основанное главнымъ образомъ на оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ, на нашъ взглядъ, служитъ лучшимъ украшеніемъ «Записокъ». Тщательная разработка статистическаго матеріала, ясность изложенія, выдающееся умѣнье автора въ группировкѣ данныхъ и вытекающихъ изъ нихъ выводовъ невольно приковываютъ вниманіе читателя къ печальнымъ подробностямъ нарисованной суровой картины земельной и хозяйственной неурядицы. Въ общемъ, выводы г. Будзиновскаго мало утѣшительны. Дробленіе мелкой собственности въ Галичинѣ дошло до предѣла, дальше котораго идти некуда. Большая часть ея утратила всякое земледѣльческое значеніе, и большинство владѣльцевъ лишены матеріальныхъ условій для существованія. Чистый доходъ средняго крестьянскаго владѣльца не превышаетъ 10—12 гульденовъ. За вычетомъ податей и налоговъ остается 4—6 гульденовъ, недостаточныхъ даже для уплаты процентовъ ростовщикамъ. Спасеніемъ служили до послѣдняго времени заработки въ крупныхъ имѣніяхъ, которыя при патріархальномъ хозяйствѣ, требовали массы рабочихъ рукъ; но и этотъ рессурсъ начинаетъ нынѣ ускользать изъ рукъ крестьянъ. Не говоря уже о чистыхъ пролетаріяхъ, даже крестьяне-владѣльцы представляютъ, въ сущности, классъ безземельныхъ батраковъ, прикованный къ чужой землѣ, пока не вышвырнетъ его оттуда рука кредитора-ростовщика. Галицкій землевладѣлецъ—только номинальный собственникъ земли, фактическій же владѣлецъ —государство и ростовщикъ. Задолженность мелкаго землевладѣльца въ Галичинѣ достигла крайнихъ предѣловъ; въ результатѣ ея—переходъ крестьянской собственности въ руки ростовщиковъ. Переходъ всей вообще мелкой собственности въ руки представителей движимаго капитала, паденіе земледѣльческаго класса до уровня нищенствующаго пролетаріата—такова перспектива, улыбающаяся Галичинѣ. Если процессъ обезземеленія пойдетъ тѣмъ же путемъ, что донынѣ, и свободной игрѣ экономическихъ силъ не поставитъ рѣшительнаго и крѣпкаго

veto политическая власть, то другого выхода нельзя предвидѣть. Необходима глубокая и коренная реформа аграрнаго строя, такъ какъ пальятивы уже не помогутъ бѣдѣ. «Гірше як тут, нігде нам не може бути», заявляли крестьяне, массами эмигрировавшіе изъ восточной Галичины въ 1892 г., и эти слова служатъ автору ручательствомъ, что въ его выводахъ нѣтъ преувеличенія.

Помѣщая статью г. Будзиновскаго, редакція «Записокъ» оговорилась, что, быть можетъ, не всѣ взгляды и выводы автора подтвердятся наукою и практикою. Оговорка, какъ намъ кажется, довольно неудачная, такъ какъ всѣ существенные выводы автора обоснованы на строго провѣренныхъ, большею частію оффиціальныхъ данныхъ.

Сколько извѣстно, выводы г. Будзиновскаго до сихъ поръ не опровергнуты тѣмъ путемъ, какимъ они добыты.

Правда, въ Jahbuch'ѣ Шмоллера (XIX Jahrgang, 4 Heft, Leipzig, 1895, стр. 193—224) напечатана статья п. Адама Крыжановскаго изъ Кракова «Die Grundbesitzvertheilung in Galizien», гдѣ авторъ, не отрицая всѣхъ золъ, угрожающихъ Галичинѣ вслѣдствіе безнадежно-дурного положенія крестьянской массы, обращаетъ взоры на разныя спасительныя перспективы: массовую эмиграцію, сокращеніе дѣторожденій (къ сожалѣнію, die Natur-Völker мало способны къ такой предусмотрительности—стр. 220), образованіе класса среднихъ собственниковъ изъ контигента «кулаковъ» (стр. 223), класса крестьянской аристократіи, наконецъ, развитіе фабричной промышленности и интенсивной обработки земли, и рекомендуетъ государству озаботиться созданіемъ необходимыхъ условій для всѣхъ этихъ благъ,—но вѣдь эти desiderata не обязательны для научнаго изслѣдователя. Фактическихъ данныхъ, въ такомъ изобиліи приводимыхъ г. Будзиновскимъ, г. Крыжановскій, также опирающійся на показаніяхъ галицкой статистики, не подрываетъ ни единымъ словомъ; по его словамъ, Галичинѣ грозитъ паденіе standard of life всей народной массы, и промышленное развитіе послѣднихъ лѣтъ поставлено нынѣ на карту. Вотъ почему намъ кажется, что редакціонныя оговорки къ статьѣ г. Будзиновскаго излишни, тѣмъ болѣе, что авторъ не только констатируетъ зло, но и весьма обстоятельно выясняетъ причины, вызвавшія его, причины, говорящія далеко не въ пользу заправляющаго въ Галичинѣ класса.

Отмѣтимъ, наконецъ, что въ «Запискахъ» напечатаны нижеслѣдующія статьи по физикѣ, математикѣ и медицинѣ: г. Ив. Пу-

люя, «Аппаратъ для измѣренія разницы фазъ между перемѣнными электрическими токами» (III, 1—23), г. Вл. Левицкаго «О симметрическихъ выраженіяхъ изъ значеній функціи mod-m» (IV, 124—139) и д-ра Черняховскаго «Аппаратъ для измѣренія силы сокращеній uterus» (съ рисунками. II, 114—118).

Н. М.

„Труды девятаго археологическаго съѣзда въ Вильнѣ 1893 г." подъ редакціей гр. Уваровой и С. Слуцкаго, т. I, М. 1895 г.

Большинство трудовъ прежнихъ археологическихъ съѣздовъ очень запаздывало выходомъ въ свѣтъ. Изданіе Трудовъ девятаго съѣзда находится, повидимому, въ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ два года, отдѣляющіе выходъ настоящаго тома отъ съѣзда, сравнительно небольшой срокъ.

Среди разнообразныхъ статей, наполняющихъ этотъ томъ, археологіи юга Россіи касаются собственно двѣ: «Монеты великаго князя кіевскаго Изяслава Ярославича»—Н. И. Петрова и «Монетные клады Кіевской губ. до первой четверти XV в.»—В. С. Данилевича. Въ статьѣ проф. Петрова подвергается критикѣ чтеніе подписей на нѣкоторыхъ монетахъ, предложенное въ трудѣ гр. И. Толстого—«Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго». Именно, на монетахъ, приписываемыхъ гр. Толстымъ Ярославу I, на томъ основаніи, что на нихъ помѣщено христіанское имя этого князя—Георгій, пр. Петровъ тщательнымъ изслѣдованіемъ надписей и съ другими памятниками прочелъ имя Димитрія.

Другой критикъ сочиненія гр. Толстого—Н. П. Черневъ на другомъ видѣ монетъ, также приписываемыхъ Ярославу I, нашелъ имя Петра. Останавливаясь надъ тѣмъ, какому князю или какимъ князьямъ принадлежатъ эти монеты съ именами Димитрія и Петра, такъ какъ Ярославу I—Георгію онѣ принадлежать не могутъ, проф. Петровъ дѣлаетъ предположеніе о принадлежности ихъ сыну Ярослава I—Изяславу-Димитрію Ярославичу и, т. п., періодъ, въ теченіе котораго чеканились монеты въ древней Руси, немного продолжается, не обрываясь, какъ это полагали до сихъ поръ, на княженіи Ярослава Мудраго.

Въ небольшой статьѣ г. Данилевича подведены итоги монетнымъ кладамъ, найденнымъ въ предѣлахъ Кіевской губерніи. Мо-

неты 111-ти извѣстныхъ кладовъ авторъ распредѣляетъ на четыре группы: 1) греческія (8 кладовъ) и римскія (38 кл.); 2) византійскія (15 кл.), арабскія (12 кл.) и германскія (2 кл.); 3) русскія (26 кл.), составляющія переходную группу между монетами 2-й и 4-й группы, такъ какъ онѣ встрѣчаются въ кладахъ и вмѣстѣ съ византійскими монетами, и вмѣстѣ съ монетами 4-ой группы; 4) чешскія (9 кл.), золотоордынскія (8 кл.), червонно-русскія, генуэзскія и литовскія (три послѣднія по одному кладу). Разбирая затѣмъ клады по времени и по мѣсту нахожденія, г. Данилевичъ дѣлаетъ краткія заключенія о большемъ или меньшемъ развитіи сношеній данной области съ различными народами, о густотѣ населенія (наибольшею густотою отличались берега Днѣпра и средняя и южная части губерніи), о торговомъ пути (Днѣпръ, торговое же движеніе по Бугу прекратилось рано), о центральномъ положеніи въ торговлѣ Кіева и о распредѣленіи кладовъ въ самомъ Кіевѣ (большая часть на Старомъ Кіевѣ, затѣмъ идутъ Подолъ и Печерскъ, одинъ кладъ найденъ на Оболони). Къ статьѣ приложена карта (къ сожалѣнію, въ черезчуръ маломъ масштабѣ), на которой обозначены мѣста находокъ кладовъ. Сводъ данныхъ о кладахъ Кіевской губ. давно уже ждалъ своей очереди, такъ какъ матеріала накопилось довольно; благодаря г. Данилевичу, взявшему на себя этотъ трудъ и выполнившему его «не мудрствуя лукаво», клады приведены въ стройную систему.

Очень цѣнную работу представляетъ изъ себя «Археологическая карта Гродненской губ.». Ѳ. В. Покровскаго, приложенная къ настоящему тому трудовъ. Карта снабжена обширнымъ текстомъ, гдѣ, между прочимъ, помѣщенъ перечень источниковъ и топографическій и предметный указатели.

Упомянемъ еще объ одномъ рефератѣ археографическаго характера. Рефератъ этотъ принадлежитъ В. М. Площанскому и носитъ очень громкое названіе: «Акты холмскихъ судовъ XV—XVII вв., въ ихъ указаніяхъ для исторіи и этнографіи русскаго Забужья». Если вы ожидаете, судя по заглавію, встрѣтить здѣсь общую характеристику актовъ, то вы ошибетесь—весь рефератъ состоитъ буквально изъ «кусочковъ», мало чѣмъ связанныхъ другъ съ другомъ; тутъ есть и о русской азбукѣ, и о присягѣ именемъ св. Пятницы, и о Грицкѣ Кирдеѣ, и о церквахъ г. Холма и т. д. и т. д.; болѣе цѣнный «кусочекъ» посвященъ уніатскимъ епископамъ Пакостѣ, Рутскому и Меѳодію Терлецкому. Въ виду того, что авторъ въ самомъ началѣ реферата говоритъ о «снисхожденіи», мы на немъ

останавливаться не будемъ. Пожелаемъ въ заключеніе, чтобы и слѣдующіе томы трудовъ девятаго съѣзда не заставили себя долго ждать.

В.

Древности. Труды императорскаго московскаго археологическаго общества. Т. XV-й. Вып. 1 и 2. Москва. 1894. 42 л.

Въ 1-мъ вып. помѣщена статья П. Китицына—*Пограничный валъ, насыпанный въ Побужскомъ краѣ* (стр. 111—115)—служащая дополненіемъ къ статьѣ В. Б. Антоновича «О зміевыхъ валахъ въ Кіевской землѣ». Къ статьѣ приложенъ чертежъ вала на пространствѣ отъ р. Роси до р. Кодымы въ Херсонской губ.

Во 2-мъ вып. находимъ: 1) *Раскопки близъ с. Мануйловки кременецкаго уѣзда, въ 1887 и 1889 г. (стр. 39—52) Ю. Щербачева.* Описывая результаты раскопки нѣсколькихъ кургановъ (могилъ), авторъ упоминаетъ, что «старики малороссы разсказываютъ, что курганы насыпаны козаками и что на нихъ находились конные посты, предупреждавшіе пахарей при появленіи татаръ». 2) *Археологическая поѣздка по Черниговской и Минской губ. (стр. 121—124). В. Завитневича.* Произведена раскопка «земляного сооруженія», въ Черниговск. губ., возлѣ самаго Кіева, непосредственно за Днѣпромъ, при рѣкѣ Гнилушѣ. По мнѣнію автора, это сооруженіе есть упоминаемый въ лѣтописи (1026 г.)—«Городецъ», который затѣмъ «въ документахъ XVI—XVII в. выступаетъ подъ именемъ замка кіевск. князя Семена Олельковича».

просилъ въ ея той обиди, но и повѣренного ея не оставилъ бы, противъ которого моего учтивого отвѣту онъ, подполковникъ, во брань со гнѣвомъ, повторно, сказалъ мнѣ: лжешъ ты!—и тогда я ему отвѣтствовалъ, что я не лгу, развѣ ты лжешъ, то онъ, Львовъ, безъ всякой моей вини, началъ мене бранить разними бранними словами, називая бездѣлникомъ, дуракомъ и тунеядцемъ, и на всю избу обратясь, кричать на мене, противъ чего я ему, очищая себе, тіе слови саміе его, Лвова, отговаривалъ, 6) а при такой брани, что онъ, Лвовъ, бранилъ мене, полковникъ Тургеневъ, Воейковъ, Топѣлскій, подполковникъ Жураховскій, Хрипуновъ, генералного суда судіи, Яковъ Лизогубъ, Михайло Забѣла были ли всѣ, того не упомню. И на Воейкова, Жураховского, Лизогуба и Забѣлу, буде оніе были, зсилаюсь, а на Хрипунова для того, что по тому дѣлу было мое прошеніе къ господину гетману, чтобъ въ прошеніи его, Хрипунова, что онъ ему, Хрипунову, особливой другъ и въ сродствѣ, и на Топѣлскаго потому жъ, что ему, Хрипунову партикулярний другъ, не зсылаюсь.

Вовтор. 7. День былъ и ночи половина сходни во всемъ вчорайшому дню, а зъ полночи снѣгъ началъ ити и до свѣта укрилъ землю, и стала воздуха перемѣна. Сегодня рано ездилемъ въ судъ енер., где переписалъ Ладонка допросъ мой начисто и я подписался на немъ, и отехавши, заездилемъ до п. Михайла, оттоль домой. Черезъ Желязу писма получилемъ отъ Алексѣя Полуденского, зъ футора Артополотского, который обявляетъ, что засталъ скиртъ самихъ болшихъ 10 и пол., а продали скирту одну за 16 р., другую за 7 р. и 50 к., третую за 10 р. безъ 20 к. Демко Мах. за куеу вел. до Царицина проситъ по 6 р. и поднѣмается до Глухова звезти хочъ до 100 каменей. У п. Михайла позичилемъ 50 р.

Середа. 8. День былъ хмарний, снѣгъ великій ишолъ и покрилъ землю, потомъ росталъ, ночъ также хмарна, толко безъ морозу, и къ свѣту невеликій морозецъ. Не ездилемъ зъ дому никуда, але за приключившимся носовимъ катаромъ, принималемъ 80 капель тинктури... и было дѣйствія доволно.

Четвер. 9. День былъ хмарний и отчасти свѣтлій, а потомъ хмаренъ же, ночъ такова жъ, къ свѣту морозецъ хорошій. Ездилемъ въ городъ одноколкою, где обѣдалъ у дворѣ гетманскомъ, а у вечеру зъ п. Михайломъ ездили до енер. и тамъ програлемъ въ ломбаръ 69 к.

Патокъ. 10. День былъ хмарний зъ морозомъ, а съ полудня роставать стало и ночъ была отчасти хмарна, отчасти свѣтла, безъ сухого морозу, зъ вѣтромъ полуденнимъ. Сегодня былъ я на службѣ у ст. Анастасіи, где пасербѣцу Ударову я зъ п. Ѳедоровою Савичевою уводили въ церковь и оная миропомазана. У склепу билъ, где насипали лаgон. 6, а крим. 3 бутилки.

Субота 11. День былъ отчасти свѣтелъ и отчасти хмаренъ, такова жъ и ночъ, толко безъ морозу. У церквѣ судейской билъ я, обѣдалъ у себе зъ Денисовимъ и Шляковимъ. Жена зъ дѣтми зъ Тулиг. пріехала и сказала, что тринадцятую куѳу гор. сипано тамъ.

Неделя. 12. День былъ мокротеплій, хмарний, зъ вѣтрецомъ, ночъ такова жъ, толко вѣтеръ жестоко великій билъ полуденний. Сегодня зъ ночи еще, противъ неделѣ, вода великая на греблю пойшла и поверхъ мосту ялового. На службѣ былемъ у ст. Анастасіи, а обѣдалемъ у дворѣ гетманскомъ, у вечеру билъ у енорала Нарѣшкина, где съ нимъ и зъ п. Михайломъ игралемъ у ломбаръ зъ виграшомъ моимъ у енер. 31 к., а зъ проиграшомъ моимъ же п. Михайлу 1 р. и 64 к.

Понеделокъ. 13. День былъ весняний, свѣтлій, зъ вѣтромъ великимъ, полуденнимъ, ночъ также вѣтряна, хмарна и тепловата, къ свѣту дожчъ. Рѣчка Есмань зде, въ Глуховѣ, стала отъ ліоду очищатись и по множайшимъ мѣстамъ пойшла, чего для уже нелзя по ней ходить никому. Канцеляристи Шлякова конь утонулъ ниже скринѣ яловой, куда упалъ зъ мосту, за наводненіемъ великимъ. Обѣдалисмо у себе, а род. у генерала. У лазнѣ былемъ и кровъ рожками пускалемъ. Черезъ Шаргородского въ Роменъ писалемъ до родителки и 20 пѣлуль послалъ до брата зъ разолюціею на писмо Алексѣево и до Алексѣя о томъ же, а именно: о продажѣ сѣна, о виговору въ наемъ под. гор. до Царицина, о куплѣ тютюну, о

раздачѣ денегъ на 50 колѣсъ воловихъ. У козаковъ, мужичими грунтами владѣючихъ, взялъ роковщини по 2 р., итого 4 р. Желязѣ въ Борзну на покупки далемъ 6 таляр. быт.

Вовтор. 14. День былъ отчасти хмарний и отчасти свѣтлій, однако жъ вѣтрянъ, а потомъ тихъ, также и ночъ тиха, тепловата и хмарна, къ свѣту морозець. Александрови далемъ 50 чер., чтобъ переслалъ до Димитрія на сребро, до которого писалемъ о куплѣ чаю доброго въ Лѣпску и фузѣи четвероружной. Обѣдалисмо въ дому и никуда не ездили. Сегодня очистился ставъ отъ ліоду, а мало толко осталось.

Середа. 15. День былъ хмарній и около полудня съ снѣгомъ густенкимъ, а потомъ хмарно жъ и тепловато стало, ночъ ясна, зъ морозцемъ невеликимъ. Сегодня рано ездилемъ на службу до ст. Анастасіи, а оттоль въ дворъ гетманскій, где и обѣдалемъ; по обѣдѣ яздилемъ до п. обозного и тамъ посидѣвши зъ Яковомъ Жураховскимъ, повернулемся до п. Михайла, оттоль додому позно пріехалемъ.

Четвер. 16. День былъ хмарній зъ дощикомъ, ночъ зъ болшимъ и густымъ дожчемъ до свѣта. Сегодня рано былъ я у генерала Нарѣшкина, обѣдалъ въ дому, а у вечеру пріехалъ п. Михайло и поигравши со мною въ пѣкетъ, отехалъ домой.

Пятокъ. 17. Сей день былъ холодноватъ, свѣтелъ, а потомъ хмаренъ., ночъ холодна жъ, тиха, къ свѣту ясна зъ морозцемъ. Никуда зъ дому не ездилемъ. Зъ Сваркова черезъ крисковскіе подводи вислано овса при приставу Гаврилу Гребеннику, 13 четвертей овса, 2 у Криски, а 10 у Тулиголови, зъ которыхъ четверть на конѣ определить казалемъ.

Субота. 18. День и ночь свѣтліе зъ вѣтрецомъ малимъ холодноватимъ и къ свѣту неделному морозець. Сегодня обѣдалисмо въ дому, а я ездилъ потомъ въ городъ до п. Михайла, до Борзни и до церкви ст. Анастасіевской, на вечерню. Отписалемъ до брата Марка и реестеръ футорний артополотскій приложилемъ, что дворнику Павлу на руки здано.

Неделя. 19. День былъ свѣтлій, погодній, тихій, ночъ такъ же свѣтла, тиха, погодна, самая весняная, къ свѣту морозець. Обѣ-

далисмо у гетманскомъ двору, а по обѣдѣ зъ п. Михайломъ пріехалемъ до енерала Нарѣшкина, где съ нимъ играли въ ломбаръ зъ проиграшомъ моимъ 1 р. и 8 к., а играли до другой съ полночѣ.

Понедел. 20. Переполна. День былъ сперва свѣтлій, потомъ хмаренъ зъ силнимъ полуденнимъ вѣтромъ. Ночъ хмарна жъ и тихшая, а не тепловата. Обѣдалисмо у себе, никуда не ездилемъ. Жестянку сахару ліодового набыли, а якъ долго оная послужитъ запис. Роману, тулиг. старостѣ, далемъ на расходъ 4 р. и записалемъ.

Вовтор. 21. День былъ холодний зъ вѣтромъ полунощнимъ, хмарний, снѣжний, ночъ холодна жъ и вѣтрена, толко по болшой части свѣтла. Сегодня въ судъ подалемъ чолобитте на подполковника Лвова въ безчестіи его и нападкахъ на мене, и приложилъ копію атестату енер. Кропотова, которий и тутъ кричалъ на мене. Обѣдалемъ у дворѣ гетманскомъ, зъ п. Михаиломъ у пѣкетъ игралъ, у п. обозного билъ и у Радищева.

Середа. 22. День былъ холодній зъ вѣтромъ полунощнимъ, хмарній, у вечеру и въ ночѣ дожчъ и снѣгъ, зъ вѣтромъ силнимъ полунощнимъ же. Обѣдалъ я зъ родителемъ у генерала Семена Григоріевича и по обѣдѣ игралъ въ шахмати зъ нимъ же.

Четвер. 23. День и ночъ были сходніе вчорайшимъ, хмарніе, вѣтряніе, холодніе, снѣжніе и дощевіе. Обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до Богдана Іванов. Пасека, ротмистра смоленского. Отъ Пасека зъ п. Михайломъ поехалисмо до енерала и тамъ просидѣли, въ шахмати играючи.

Пятокъ. 24. День былъ вѣтряний, холодний, хмарний, а вѣтеръ полунощній, ночъ хмарна жъ, вѣтряна. Климъ пѣщанскій посланъ въ поля, а дана ему інструкцѣя въ 22-хъ пунктахъ: ревѣдовать старостъ сухонос. и перервинского, да черезъ его жъ далемъ 30 р. раздавать на сѣно въ Перервинцяхъ или въ Кривой Рудѣ. Отобралемъ отъ Дуплонога за коня на бургъ (въ кредитъ) у насъ взятого, 3 р. 50 к. Желязѣ доплатилемъ за покупки въ Борзнѣ справленніе 1 р. 70 к.

Субота. 25. День былъ хмарній, вѣтряній, полуденний вѣтеръ, дощеватъ; ночъ свѣтлѣйша мало, однакъ хмарна, вѣтряна и хо-

лодновата. На службѣ у ст. Анастасіи былъ, а обѣдалисмо всѣ въ дому, а съ нами п. Конзеровскій зъ панею, Гапка и Березовская. До пана гетмана прислана грамота о висилки козаковъ и мужиковъ, тридцати тисячъ, на линѣю для роботи. Передъ вечеромъ ездилемъ до енер., где съ нимъ, зъ п. Михайломъ и зъ докторомъ Бокомъ играли въ кадрилѣю зъ проиграшомъ 70 к.

Неделя. 26. День былъ весняний, почасти хмарній и почасти свѣтлій, тепловатъ, ночъ такова жъ власне, якъ и день зъ вѣтромъ полуденнимъ. На службѣ были у енералской церкви и обѣдали у него, зъ которимъ и ездилемъ до гетмана, где застали повернувшогося сына п. Михайлового Івашуту изъ Москви, куда ездилъ для лѣченіи ока, якого нѣкто не поднялся лѣчить. Гаврило, брата п. Михайла слуга, привезлъ мнѣ отъ Каратаева 35 бутилокъ, а взяли сюда добрихъ 25, а подлѣйшихъ 4, икри 10 фунтовъ, корки на затички полъфунта. Приговорували вчера гетманъ и енералъ козаковъ третую долю, а мужиковъ 2 долѣ, висилать на линѣю.

Понедел. 27. Весна. День былъ отчасти свѣтлій, а поменшой части хмарній, съ вѣтрецомъ полуденнимъ, тепловатъ весняною теплотою, и ночъ такова жъ. Рано въ судѣ подалемъ челобиття, одно на Якубовича, другое на Тихона Бобоша и Антоновича, о должнихъ денгахъ. Обѣдалемъ въ дому зъ родителемъ, а по обѣдѣ били у мене Думитрашко и Оболонскій, потомъ у лазнѣ милемся. Отъ Александра принеслъ Вѣжевскій покупку, родзѣнокъ 10 фунтовъ, да микгдаловъ 2 фунта, барилце вина и 4 каракатицѣ.

Вовтор. 28. День былъ свѣтлій, теплій, весняний, толко зъ вѣтромъ полуденнимъ, ночъ свѣтла жъ тиха и тепла. Обѣдалисмо въ дому о 4-мъ часѣ зъ полдня, для того, что родитель долго сидѣлъ у Мякинина и слушали дѣлъ своей канцеляріи, а подъ часъ обѣду братъ п. Михайло пріездилъ и посидя, отехалъ позно. Крѣпости купчіе разобравъ, позшивалъ порадочно.

Середа. 29. День былъ свѣтлій, теплій, весняний, тихій, ночъ такова жъ,—весняніе. Обѣдалемъ у генерала Нарѣшкина, а по обѣдѣ у шахмати игралъ, у вечеру ездилъ до обозного и посидя повер-

нулся домой, черезъ свой садъ водою, еднакъ въ первое. Зъ Коропа крисковци привезли 10 бочекъ пива безъдѣлного (?).

Четвер. 30. День и ночъ были саміе весняніе, тепліе, свѣтліе, тихіе. Рано ездилемъ въ Сварковъ, повернувшись обѣдалемъ у гетманскомъ дворѣ. Родитель поехалъ у Кролевець и Добротовъ.

Пятокъ. 31. День и ночь были весняніе, свѣтліе, толко въ день вѣтеръ полуденній вѣялъ немалій. Былъ я на службѣ у ст. Анастасіи, а пріехавши въ домъ, поѣхалемъ въ Тулиголови и ехалемъ часовъ около 4-хъ, и пріехалемъ передъ заходомъ слонца. У Тулиголовахъ засталъ у инбарѣ горѣлки 15 куховъ, а въ шестуюнадцать усипали 2 носатки, да у винницѣ непринятой куфа, (которую тамъ старостѣ для тамошняго расходу вишинковать дать опредѣлилемъ), у млинахъ розмѣру на кадку показалось, а сказивалъ мѣрочникъ, что после порахунку уже 5 кадокъ виробилось зъ размѣру, у пасицѣ пчоли всеей осталось 21.

Априль м-цъ. Субота. 1. День былъ сперва свѣтлій, а после полдня сталъ вѣтранъ, а вѣтеръ полунощний зъ хмарами, ночъ хмарна жъ, вѣтряна, холодна зъ снѣжкомъ и дощемъ, къ свѣту віяснилось, зъ холодомъ и вѣтромъ же. Обѣдалемъ у Тулиголовахъ, а по обѣдѣ пріехалъ родитель зъ Кролевця, которій изволилъ тамъ отдохнуть, а я поѣхавши, пріехалъ въ Глуховъ по заходѣ слонца. У Тулиголовахъ далемъ старостѣ еще 4 р. на тамошній расходъ.

Неделя. 2. День былъ свѣтлій, толко вѣтрянний и холодний, а вѣтеръ полнощный, ночъ такъже свѣтла и холодна, а вѣтеръ утихъ. Рано билисмо у генерала, оттоль у гетмана зъ родителемъ, где по службѣ Божой и обѣдалисмо, и видѣлись зъ полковникомъ миргородскимъ п. Павломъ, пріехавшимъ зъ п. гетмановою зъ Сорочинець, по умертвіи жени его; а потомъ зъ п. Михайломъ ездилисмо до генерала и играли зъ нимъ въ ломбаръ, а перестали, потревожившись необычайнымъ дзвономъ михайловского колокола великого, которій вновь продзвонювали. Пчолу подчистили въ Уздицѣ и сушъ забили, и воску взяли 40 фунт.

Понедел. 3. День былъ свѣтлій, тихій, але холодній, такова жъ ночъ зъ морозомъ. Юско повернулся зъ Ромна и привезлъ

писма отъ Клима о его обращеніи, и что Алексѣй остался тамъ править, въ небитности дворника будучаго на мѣсто сего, захоровавшого. Да отъ Якова Дуброви получилъ листъ, въ якомъ обявляетъ, что зъ данних Алексѣеви, а черезъ его врученныхъ ему 30 р., онъ якоби взялъ 10 р., будто зачисляя за горѣлку, 10 чер. размѣнялъ по 2 р. и 15 к. Забарѣ сварковскому далемъ 10 р. на заплаченне Шрамку двора съ полемъ сварковского. Вѣжевскій определенъ въ Криски и данъ ему наказъ, въ пунктахъ 7., а именно: объ излишной видачѣ денегъ на раціи и порцѣи, отъ сотника и комисара понурницкихъ требуемой, о нарадѣ бобилей на линѣю, о ихъ вспомогахъ пахарамъ въ харчи на дорогу и въ дому, такимъ образомъ, чтобъ оніе могли приробить дома, о посилки въ Радуль увѣдомитись, о старостѣ крис., о подрадѣ 2-хъ тисячъ дранѣ, о куплѣ овса на насѣнне и гречки на харчъ, на що далемъ и 3 р., о надсипанню горѣлки зъ куховъ. Да Юско жъ доносилъ, что продалъ онъ еще едну скирту сѣна, тамъ у футорѣ, за 7 р., а 3 скирти прежде (о чомъ марта 7-го), итого за 4 скирти сѣна узяли они 40 р. и 30 к.

Вовтор. 4. День былъ свѣтлій, теплій, весняній, такова жъ и ночъ. Родитель зъ опредѣленних на его рангъ маетностей, калиновцямъ и салогубовцямъ декляровалъ послушать до футора моего Артополотского, о чомъ и писалъ до брата Марка, черезъ Янжулового сына. Зъ Даниломъ, Івановимъ сыномъ, путивчаниномъ, цегелникомъ, договорился я робить ему цеглу, у футорѣ Калюжновскомъ 30 тисячъ, а за всякую тисячу по 40 к., да на всю 30 тисячъ дать ему жита четвертей 4, муки гречаной четверть 1, соли пудъ, сала пудъ, горѣлки квартъ 30, риби вялой 100, гороху полтори мѣрки и задатку ему далъ 10 а., а цегла была бъ самая добрая. У лазнѣ милемся и не ездилемъ сегодня никуда

Середа. 5. День и ночь были сходніе во всемъ вчорайшимъ. Свѣтліе, тепліе, тихіе. Черезъ Шпетакового сына писалъ родитель до брата Марка объ опредѣленіи Калиновки и Салогубовки, сѣлецъ, до футора моего Артополотского, до которого и я о томъ же писалъ, да писалъ же я до Клима о нарадѣ людей сухонос. и перер.

на линѣю, такъ якъ и зъ Крисіокъ, чтобъ бобилей послать, а пахарамъ помогать, о чомъ и до Петра Троцкого писалемъ, чтобъ онъ респектовалъ по слушности на Сухоносовку, да до брата п. Марка писалемъ о томъ, что взятіе денги за проданное мое сѣно роздали на косовицю, о томъ же и до Алексѣя Полуденского писалемъ. Черезъ Гузевича писалемъ до швакгра п. Якова Полуботка отвѣтъ поздравителній.

Четвер. 6. День и ночъ были сходніи во всемъ прежнимъ, свѣтліе, тепліе, тихіе. Сегодня сообщалися ст. Тайнамъ въ церквѣ Михайловской, а родитель у генер. церквѣ. Обѣдалиемо въ дому обще всѣ зъ родителемъ. Писалемъ до брата п. Марка черезъ сторожа роменского, чтобъ зъ Маемъ на 25 воз. зговорилъ и чтобъ послалъ до Якова Дуброви за 10 р. взятими.

Пятокъ. 7. День и ночъ были схожіе во всемъ прежнимъ, свѣтліе, тепліе зъ маленкимъ вѣтромъ. Служителямъ Янѣшевскому, Вѣжевскому, Петру, Василямъ обоимъ, Яремѣ, кухареви Ѳедорови, возницѣ Алексѣеви—по рублю дано, а Тарасу, Демьну и Яну не дано, для того, что они одолженни поболшъ. Янѣшевскій посланъ до Клима пѣщанского въ помощники для зняття калкуляцѣи зъ старостъ, да ему жъ данъ приказъ объ отобранню 10 р. отъ Якова Дуб., о присилки сюда ступака и о протчемъ. Да черезъ его жъ писалемъ до Клима о роздачѣ денегъ на сѣно, объ учиненню обстоятелной калкуляцѣи, о присылкѣ сюда проса и нарадѣ по соль 10 воз. 6 червоннихъ проминялъ по 2 р. и по 10 к., а семого брату п. Яну далъ.

Вел. субота. 8. День и половина ночи были сходніе прежнимъ, свѣтліе, тепліе, тихіе, а отъ полночи вѣтеръ, между встокомъ (?) полунощній повсталъ силній велми, что и заборъ намъ опроверглъ и стужу великую здѣлалъ зъ хмарою. Сегодня службы Божой слухалемъ у ст. Анастасій. Жена взяла вина зъ склепу лагуну солодкого и венгер. по 10 бутилокъ, да кримского 20 бутилокъ.

Воскресеніе. 9. Перемѣна къ холоду. День былъ вѣтряній, велми холодній, велми хмарній и снѣгъ проривался, ночъ вѣтряна жъ, холодна жъ велми и хмарна жъ, а къ свѣту вѣтеръ утихъ и

свѣтло стало. Рано были зъ род. у енер. зъ проздравленіемъ, а потомъ у гетмана, гдѣ и обѣдали всѣ ми, а по обѣдѣ посидѣвши доволно и зъ п. Михайломъ у пѣкетъ поигравши, пріехалемъ домой. Чаю жестянку насипалъ, а записалъ поколь тривать будетъ.

Понеделокъ. 10. День былъ свѣтлій, холодній, рано морозъ силненкій былъ и умерзла такъ была земля, що инде и коня здержувала, вѣтрець полунощний маленкій, ночъ также свѣтла, тиха да холодна. Сегодня служби Божой слухалисмо зъ род. у енералской церквѣ, где и обѣдалисмо, а по обѣдѣ у городъ заездилемъ, до Воейкова и до п. Михайла и п. Павла, где посидѣвши, вернулся домой. Брусъ, племянникъ Якова Вилимовича Бруса, зять князь Михайла Волод. Долгорукова, проехалъ Глуховъ до генерала Войзбаха, въ подполковникахъ въ полкъ Троецкій кавалеріи опредѣленъ, обѣдалъ у генерала и отехалъ по обѣдѣ. Вѣтеръ тутъ нагналъ води къ яловой скринѣ, где прорвада вода и избѣгла.

Перемѣна къ теплу. Вовтор. 11. День былъ свѣтлій, тепловатій, тихій, ночъ свѣтла жъ, тиха къ свѣту морозець. Рано былъ у енерала на службѣ, а у гетмана банкетъ былъ, где многіе и я обѣдалисмо, а по обѣдѣ сидѣлъ долго у п. Михайла и у п. Павла миргородского. Вѣжевскій повернулся зъ Крисіокъ и обявилъ: 1) что въ имбарѣ зимней гор. кухъ 4, а весняной кухъ 7, а въ носат. 9; 2) зъ крисковцевъ доправлено денегъ за 6 м-цей зимнихъ 63 р. 40 к., а еще доправленно жъ 49 р. 90 к., да комисари понорницкіе взяли 1 р. 80 к. на проездъ, итого всѣхъ денегъ 115 р. и 15 копѣекъ; 3) далъ на дрань дворнику 3 р., чтобъ купить.

Серода. 13. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, ночъ такова жъ, безъ морозу, къ свѣту вѣтеръ. Былъ на службѣ у ст. Анастасіи и у дворѣ гетманскомъ, а обѣдалъ вдому, по обѣдѣ—у гетмана зъ Пасекомъ. Вѣжевскій отправленъ въ Криски и данъ ему приказъ въ 12 пунктахъ, о платежу за порцѣи и рацѣи: 1) чтобъ платить за мартъ и априль противъ февраля, а недоплатки не отдавать, о чемъ всемъ и листъ до Самуйла Холодовича, полкового чернѣг. комисара, писалъ и въ запасъ далъ Вѣжевскому 80 р.

2) Горѣлка чтобъ полувигорная била, а худѣйшей не принимать. 3) Людей крисковскихъ зревѣдовать. 4) Овесъ тамъ покупать. 5) Зъ Миколая Товкаченка доправить 5 р. 64 к., а зверхъ тихъ денегъ доправить за 6 бочекъ пива по 30 а., после роздѣлки его зъ сотникомъ короповскимъ. 6) Заборъ зъ горшковъ отправляется ли и якъ, чтоб увѣдомился и мене увѣдомилъ и проч. Александру послалъ черезъ Вѣжовского 16 червон., за которіе онъ прислалъ 25 р. сцѣлнихъ, а осталніе после имѣлъ отдать.

Четвер. 13. День былъ холодноватъ, хмаренъ, вѣтрянъ велми, вѣтромъ полуденнимъ, къ вечеру дожчъ и въ ночѣ дожчъ, вѣтеръ и хмарно, къ свѣту дожчикъ и холодновато. Сегодня рано въ церквѣ веригинской службы Божой вислухавши, поехалисмо зъ женою въ Дунаецъ опроважать п. Павла миргородского, зъ п. гетмановою и братомъ п. Михайломъ; ехалисмо полъ 3 часа зъ залишкомъ и пріехавши, застали тамъ ихъ всѣхъ, где и обѣдалисмо и ночовали, и въ карти играли зъ вигрaшомъ моимъ полъ 2 р.

Пятокъ. 14. День былъ зранку хмаренъ и зъ дожчемъ густимъ, о полднѣ вияснилось и тепло стало, ночъ свѣтла, тепловата и тиха. Павелъ, полковникъ миргородскій, отехалъ передъ службою рано, а ми зъ п. Михайломъ ездили зъ собаки и намокши отъ дожчу доволно, повернулись на обѣдъ въ Дунаецъ, где и обѣдали зъ п. гетмановою. А по обѣдѣ поехали, п. гетманова въ Глуховъ черезъ Семеновку, а мы у футоръ Калюжновскій, а оттоль въ Сварковъ, где и ночовали.

Субота. 15. День былъ свѣтлій, теплій, ночъ тепла жъ, хмарна и зъ дожчемъ невелик., къ свѣту вияснилось. Рано зъ Сваркова по службѣ Божой поехалисмо и пріехали на обѣдъ въ Глуховъ, ехали велми поволно часовъ 2, и обѣдали зъ родителемъ и дѣтми въ дому. У лазвѣ мился. Сварковцамъ, опредѣленнимъ на линѣю, 7 человѣкъ, далемъ по золотому и свой возокъ съ конемъ, и казанокъ мѣдній у 7 фунтовъ.

Неделя. 16. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, а тепелъ гораздъ. Ночъ тепла жъ, хмарна, зъ дощемъ до свѣта. Банкетъ былъ у енерала, гдѣ гетманъ, старшина енер. п. Михайло и я били, и

подпивахомъ, потомъ въ кадрилѣю играючи, проигралъ 82 к. Зъ Крисіокъ привезли 8 сал. У Криски насипали жита, въ вѣдомствѣ Климовомъ будучого, четвертей 15, а приставъ Березнячий.

Понеделокъ. 17. День былъ хмарній, дощъ мало не черезъ увесь день ишолъ, тепло било до полдня, отъ полдня холодно, и и къ свѣту морозъ. Не ездилемъ никуда зъ дому, обѣдалисмо у себе жъ. Отправленъ Березнячій зъ житомъ въ Криски зъ 15 четвертми, да черезъ его жъ писалемъ до Вѣжевского о куплѣ тамъ овса и на оній послалемъ 2 р. Да Березнячому дали въ дорогу, на линѣю, казанокъ у полъ 8 фунт.

Вовтор. 18. День былъ зранку вѣтрянъ, толко жъ свѣтелъ и потомъ тепелъ, ночъ свѣтла, къ свѣту хмарно и холодновато, безъ морозу. Обѣдалисмо сегодня у сотника глух., на крестинахъ сына его Степана, а были гетманъ, генералъ и прочіе, а по обѣдѣ заездилъ до п. Михайла и въ дами поигравши, повернулся домой.

Середа. 19. День былъ свѣтелъ, тепелъ, тихъ и ночъ такова жъ, сегодня обѣдалисмо у себе зъ швакгромъ, п. Яковомъ Ханенкомъ, Максимомъ Троцкимъ и зъ женою его, а по обѣдѣ ездилемъ на Красную Горку проездится. Тютюну отобрали у тютюнника калюжновского 60 пуд. безъ 2-хъ фунт., а папушъ было 3687, отобралъ Демянъ и заложилъ въ городѣ, въ имбарѣ.

Четвер. 20. День былъ свѣтелъ, тепелъ, тихъ, ночъ такова жъ. Сегодня обѣдалисмо зъ женою у гетманскомъ дворѣ, оттоль заездилъ до Радищева, оттоль до енерала, где зъ п. Михайломъ игралъ въ ломбаръ безъ проиграшу. Родителка пріехала въ Глуховъ.

Пятокъ. 21. День былъ свѣтелъ сперва, холодноватъ, потомъ тепелъ, о полднѣ дощъ, потомъ знову свѣтловато, ночъ также свѣтла и тиха, и тепловата. Ездилемъ у футоръ Калюжновскій, оттоль въ Сварковъ и повернулемся назадъ передъ вечеромъ. До Ханенка, судіи стар., отослалемъ писма двѣ, до сестри Толстой, въ Москву, черезъ Тараса и пуделко золотое зъ стекломъ розбитимъ и 3 червонихъ въ литѣ на стекло и на чай, да одно писмо до Шаховского, а четвертое до Курбатова поздравителніе, а едетъ въ С. П. Бурхъ съ присягами.

Субота. 22. Сей день былъ свѣтлій, теплій, тихій, ночъ такова жъ, толко къ свѣту холодновата стала. Банкетъ былъ у насъ, обѣдали гетманъ, генералъ и протчіе, и подпіяхомъ. Зачулемъ, что якоби Петро Мировичъ попровожденъ отсюду, зъ Глухова, въ Москву подъ карауломъ отъ Воейкова, а за что—невѣдомо.

Неделя 23. День былъ сперва свѣтлій, потомъ дожчъ пошолъ, знову виаснилося, знову дожчъ зъ громомъ, которій на Бѣлополовцѣ жонку и дитя убилъ; потомъ хмаренъ, ночъ хмарна жъ, зъ дощемъ къ свѣту. Поехалисмо, по службѣ Божой, до Дунайця на праздникъ Георгія, въ гостѣ до п. Михайла, куда поехали жъ генералъ и прочіе великорос. гостѣ и гетманъ, где обѣдалисмо и подпіяхомъ.

Понедел. 24. День былъ хмарній, вѣтряний и холодний на примѣръ осѣнного; у вечеру выяснилось, ночъ свѣтла, тиха, холодна, къ свѣту морозъ хорошій показался. Сегодня также, въ Дунайцѣ, обѣдалисмо, родитель зъ маткою поехали въ Глуховъ, а мы дновалисмо тамъ и ночовали.

Вовтор. 25. День былъ вѣтрянъ и такъ же, якъ и вчорайшій холоденъ, у вечеру дощъ, и ночъ вѣтряна зъ дощемъ и холодновата. Сегодня обѣдалисмо въ Дунайцѣ, а по обѣдѣ гетманъ зъ гетмановою и ми зъ женою, такъ же сестра Чарнишева, тіотка Кондзеровская, Корсакъ зъ женою и Миклашевская поехалисмо зъ Дунайця, а мы заехали до футора Колюжновского, где немного позабавившись, пріехали въ Глуховъ. У вечеру посѣщали болного попа веригинского Астровского, которий зъ коня убился, уже тому шестий день, и лежитъ боленъ велми, горячка у него и боль у грудяхъ, знать нарушилъ легкое.

Середа. 26. День былъ отчасти свѣтлій и отчасти хмарний, толко жъ зъ ранку ишолъ дожчъ и передъ вечоромъ зъ громомъ, ночъ свѣтла, тиха, мѣрно холодна. Сегодня обѣдалисмо въ дому зъ родителми, а по обѣдѣ ездилемъ въ городъ за мѣрою куховъ, посилаючоюся въ Роменъ. Черезъ Андрѣя, бившого старосту коровайовского, послалемъ до брата п. Марка 10 червонних, на задатокъ Маю на 25 подводъ до Царицина зъ горѣлкою. Демяна Ту-

рянского, атамана глух., жена умре. У лазнѣ милемся и кровъ пустилемъ.

Четвер. 27. День былъ сперва холодноватъ и хмаренъ, потомъ свѣтелъ и тепелъ, у вечеру дожчъ силний зъ громомъ и блискавицею, теплій, въ ночѣ вѣтеръ силний, полнощний и дожчъ до свѣта велми силній. Обѣдалисмо у себе зъ родителми, а по обѣдѣ ездилемъ до Паска, где посидѣвши, позно въ домъ повернулемся. Андрей Астровскій, попъ веригинскій, отъ горячки умре, передъ полднемъ. Черезъ Мехея писалъ я до Клима о висилкѣ по соль волоскую воза зъ 4 волами, и 3 червонних на тое послалъ, да писалъ же до его и о присилкѣ вѣдомости о волахъ, сколко якихъ есть, такъ же о пріуготовленіи 10 воз. и воловъ по соль до Криму. Черезъ его жъ писалемъ до брата п. Марка о Маю повторително и чтобъ увѣдомилъ мене о тютюну моемъ, сколко оного тамъ есть въ Ромнѣ.

Пятокъ. 28. День былъ мокрій, хмарній, дощъ ишолъ увесь день, вѣтеръ жесточайшій, полнощний, которій сорвалъ часть даху зъ будинку Чарнишевого, и въ Сварковѣ свернулъ шопу (сарай) мою зъ колясками и въ Глуховѣ вивернулъ въ Жураховского дворѣ шопу жъ зовсѣмъ. Ночъ била вѣтряна жъ, дощъ ишолъ, передъ свѣтомъ перестлалъ толко, якъ у день, такъ и въ ночѣ, холодно велми было. Праздновали день сей коронацѣи ея в—ва, обѣдали у енерала и подпіяхомъ, а отъ енерала заехали къ мнѣ—Воейковъ, обозній, Пасекъ, Бокъ и Корсакъ, которіе послѣдніе 3 на поединки виказувались.

Субота. 29. День былъ хмарній, холодній, вѣтряний и рано зъ дощикомъ, ночъ тиха и випогодилось. Погребеніе сегодня чинено отцу Астровскому въ церкѣ его веригинской. Обѣдалисмо всѣ у себе и съ нами швакгеръ Полуботокъ, которий позавчора перейшолъ до насъ на квартеру въ домъ, отъ умершого Астровского, по смерти его. У вечеру ездилемъ до обозного енер., до Воейкова и Радищева.

Неделя. 30. День былъ велми холодній, вѣтряний, и увесь день дощъ ишолъ густий и холодний, напримѣръ осѣнного, у началѣ ночи пересталъ ити дожчъ и випогодилося. Банкетъ былъ у коменданта,

у которого гетманъ, генералъ, родитель и я обѣдали, оттоль заездилемъ до брата п. Михайла и позно домой повернулся.

Май м—ць. Понедел. 1. День былъ хмарний, вѣтряний, холодноватий, и между тимъ свѣтлій и тепловатъ. Ночъ свѣтла, тиха и мѣрно тепла. Обѣдалисмо сегодня въ себе зъ родителми, а у вечеру ездилъ я до п. Михайла, у которого посидѣвши, повернулся домой позно. Сегодня начали у насъ чистить сажавку человѣка 12, по 5 копѣекъ, на день по 2 порцѣи и по 3 рази исти.

Вовтор. 2. День былъ хмаренъ, отчасти свѣтелъ, потомъ у вечеру хмаренъ велми и зъ дожчемъ, ночъ вся хмарна зъ дощемъ. Сегодня обѣдалисмо у гетманскомъ дворѣ, на поминаню п. Михайловой, и до дому повернулемся заранния, а у вечеру билъ у енерала. Зъ Крисіокъ прійшли подводи и привезли 400 дранѣ и привезли извѣстіе, що тамъ 6 четвертей посѣяно овса.

Середа. 3. День былъ свѣтлій, теплій и тихій, ночъ такова жъ. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ родителми, и швакгеръ п. Яковъ, и п. Павлова кролевецкая (Огіевская), а по обѣдѣ ездилемъ до Паска, которому въ замѣну и свой зелений перестень, на знакъ пріязни, даровалъ. Оттоль заездилъ до Воейкова, у которого посидѣвши, повернулемся назадъ.

Четвер. 4. День былъ свѣтлій, теплій, и ночъ такова жъ. Рано былъ я у городѣ, въ гетманскомъ дворѣ, обѣдалъ у себе зъ родителми, а по обѣдѣ былъ у енерала и игралъ въ кадрилѣю, зъ проиграшомъ моимъ 35 к.

Пятокъ. 5. День былъ и ночъ свѣтліе, тепліе и тихіе. Рано поехалъ я зъ Глухова и ездилъ до футора Калюжновского, оттоль до Сваркова, где и заночовалъ, и со мною брати оба, Лука и Иванъ, и Федко роменскій. Зъ Сухоносовки пріехалъ Глухій, Дядѣнъ братъ, и привезлъ масла и сира по дѣжцѣ, полотна локоть 100, мухояру 5, ве... 35. У Тулиг. людямъ позичили жита четвертей 43, о чомъ реестрикъ особливий, а имъ за позичку—зъ Тулиг. привезти въ Сварковъ по 4 колодки отъ четверти, или по 5 день работать. Да въ Сварковъ позичили четвертей 10, а имъ зверхъ робить по 4 днѣ. Купилисмо бруссз дубового 23 по 5 а. Собичовцямъ позичили 10

четвериковъ глух. давной мѣри, а имъ зверхъ жита, привезти въ Сварковъ по 6 колодъ зъ Пироговки, отъ четверика, по 3 тросаженнихъ, а по 3 четверосаженнихъ.

Субота. 6. День и ночъ были свѣтліе, тепліе и тихіе. Обѣдалъ я зъ братами у Сварковѣ, а по обѣдѣ поехалисмо до Глухова и по надъ Клевенею едучи, заездилъ до попадѣ Заруцкой, на греблю Заруцкого, и потомъ пріехалемъ въ Глуховъ, где заехалъ до Паска, оттоль до гетманского двору, где видѣлся зъ п. Петромъ, полковникомъ лубенскимъ, и позно уже повернулемся домой.

Неделя. 7. День былъ свѣтлій, тихій и теплій, ночъ тиха жъ, толко къ свѣту невеликій дощикъ. Сегодня обѣдалъ я у гетманскомъ дворѣ, а по обѣдѣ зъ п. Петромъ и княземъ Кантокузинимъ, полковникомъ нарвского полку, и п. Петровою игралъ у ломбаръ, зъ проиграшомъ 5 копѣекъ. Пріехали отъ ревизѣи Климъ и Янѣшевскій и привезли калкуляцѣю настарод., сухонос. и перер. и футоровъ Криворуд. и Артополотского. Черезъ Дядю Глухого послалъ на соль въ Кримъ 40 р.: 20 р. (sic) до 10 чорвон.

Понеделя. 8. День былъ сперва свѣтлій, теплій и тихій, а потомъ вѣтрянъ вѣтромъ полунощнимъ и холодноватъ, и ночъ такова жъ. Сегодня рано былъ я у енерала и обѣдалъ, а оттоль повернувшись, захоровалъ на спину и плечи, и въ банѣ терся, первей редкою, а потомъ соллю и шпѣгинаромъ. До Крисіокъ послали жита четвертей 10. Сварков. людямъ позичили на одробутокъ четвертей 12 повторнимъ разомъ, итого 22 четверти позичили. Овса полъчетверика купили за 80 к. Брусовъ 26 купили по 14 и по 15 к., въ томъ числѣ два четверосаж. по 15 к., тину (?) возовъ 16, по 6 шаг.

Вовтор. 9. День былъ вѣтрянъ, свѣтелъ и отчасти холодноватъ, вечеръ и ночъ тихіе, ночъ же сперва свѣтла, потомъ почасти хмарна. Сегодня въ дому обѣдалемъ зъ родителемъ, а не ездилемъ никуда за болѣзнію моею на спину и вязи, и поперекъ прийшовшою. У вечеру ездилъ до Бока и отдалъ ему рецептъ дѣлать декоктъ и лѣкарства зъ зеліи... (слѣдуютъ латинскія названія). Въ Тулиголовѣ Климъ въ винницю отпустилъ жита четвертой 18, черезъ Чурка, пристава тулиголовского.

Серода. 10. День былъ зранку холодноватъ, свѣтелъ, а потомъ тихъ и тепелъ. Ночъ была свѣтла, тепла и тиха. Тулиголовцомъ еще позичили четвертей 10, на такой же отроботокъ, итого позичили тулиголовцямъ четвертей 53: 52 (sic). Теселъ уздицкихъ сегодня уговорили по 2 р. на чверть. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ у енерала зъ п. Петромъ игралъ у ліомбардъ, зъ проиграшомъ 52 к.

Четвер. 11. День былъ и ночъ свѣтліе, тихіе и тепліе. Сегодня обѣдалисмо въ дому зъ маткою, а по обѣдѣ ездилемъ въ городъ, до брата п. Михайла и п. Петра, у которого игралисмо въ ліомбаръ, зъ виграшомъ 26 к. Стар. крисковскій Шихъ повернулся зъ Кенѣшперга и привезлъ 3 бочки вина нѣмецкого, 12 штукъ штамету, сахару ліодового швабского и карунокъ золотихъ лот. „ “, а срѣбнихъ „ “. Кровъ зъ головной жили пускалъ я.

Пятокъ. 12. День былъ свѣтлій, теплій, але велми вѣтрянъ вѣтромъ полуденниимъ, ночъ свѣтла, тепла и тиха. Обѣдалисмо сегодня у себе зъ маткою, а родитель у Мякинина. Алексѣй посланъ въ Роменъ за покупками и дано ему 50 червонныхъ отъ мене зъ роспискою и приказъ въ пунктахъ; такъ же зъ нимъ и Янѣшевскій посланъ для продажи коней, и данъ ему приказъ, и на дорогу дано имъ 20 к. Началъ я пить декоктъ по рецепту Бидлова, составу Бока. Радищевъ и Пасекъ были у сватахъ за Оболонскимъ.

Суббота. 13. День былъ свѣтлій, теплій, збытъ вѣтряній, ночъ сперва свѣтла, потомъ хмарна и къ свѣту вѣтряна, а прежде тиха и тепла. Сегодня обѣдалисмо вкупѣ зъ родителми, а по обѣдѣ родителка отехала зъ братомъ Лукою до Кролевца и Шабалинова, а я ездилъ на тую сторону рѣки до Кочубея и до обозного, и посидѣвши у нихъ, повернулся домой. Господаръ зъ Пироговки повернулся и привезлъ вѣдомость, что тамъ дерева всего 100, которое подрадилъ перерѣзоватъ пополамъ и за 100 шнуровъ 4 р. Сегодня копать окончили работники сажовку нашу, которихъ менше 15 и болше 30 не было, а копали около двохъ недель, день платился имъ сперва по 5 к., а потомъ по 4 к., по 2 порцѣи и три рази кормить; самихъ денегъ вийшло болшъ 10 р.

ности и гоненія, возбраняющіи къ счастливѣйшей моей судьбѣ, потомъ видя съ наилюбезнѣйшихъ и пріятнѣйшихъ вашихъ писемъ соболѣзнованіе ваше о моемъ страданіи, въ которомъ пріятно бъ было мнѣ умереть, и при всемъ такомъ счастіи, мнѣ благопріятствующемъ, не вижу васъ, божества моего, которой одинъ взглядъ можетъ рассѣять всѣ изнуренные силы мои отъ тягчайшей разлуки, по сіе время меня терзающей, не знаю на какой конецъ, и не вижу иной дороги, токмо преселенія къ вѣчности! За что же меня пеняете и велите мнѣ быть спокойну, тому, у котораго всѣ средства къ тому отняты, и какъ можно окруженному огнемъ защищаться отъ пламя? Готовъ повиноваться вашему уставу, доколѣ могущества во мнѣ достанетъ, но если все меня предаетъ на снѣденіе горестнѣйшей печали, то видно, что жизнь моя подобно свѣчи угаснетъ. Можетъ быть я предъ вами, божество мое, и виноватъ, что не скрываю предъ вами мое ужаснѣйшее положеніе, видя изъ вашихъ наилюбезнѣйшихъ писемъ ваше величайшее участіе въ моей непомѣрной печали, что еще болѣе растворяетъ израненное мое сердце. Не сѣтуйте, наидрагоцѣннѣйшій ангелъ мой, жизнь души моей Настасія Петровна, обо мнѣ! я долженъ пить сію чашу, но вы, сокровище мое неоцѣненное, довольно терпѣли уже и берегите ваше здравіе, несравненное мнѣ съ цѣлымъ свѣтомъ и малѣйшая ущербъ онаго ей Богу меня лишитъ жизни. О семъ васъ, душа души моей, прошу именемъ безпредѣльной любви нашей и вѣчной, да не останется вотще мое къ вамъ прошеніе.

Почтеннѣйшій и рѣдкой трудъ вашихъ прекраснѣйшихъ и любезнѣйшихъ вашихъ для меня рукъ, я имѣлъ счастіе получить и сколь онъ мнѣ дѣлаетъ величайшаго удовольствія и пріятности, и съ другой стороны боюсь я, чтобъ вы, божество мое, частымъ упражненіемъ не повредили бы вашихъ прекраснѣйшихъ глазъ, отъ которыхъ я надѣюсь моего воскресенія и кои во всю жизнь мою пребудутъ солнцемъ и луною.

Цѣлуя ваши наилюбезнѣйшія ручки за прекраснѣйшее рукодѣліе тысячу и тысячу кратъ, долженъ вамъ сказать, что во ономъ никогда табаку не будетъ, а буду имѣть его всегда въ моемъ виду и насыщаться очезрѣніемъ. Наконецъ припадаю къ колѣнамъ вашимъ и лобзая оные, поручаю себя въ вашу непоколебимую любовь и нерушимую вѣрность, я жъ честь имѣю, обожая и пылая пламенемъ горячайшей любви наполненной къ вамъ, жизніоночку моему, вѣрностію до послѣдней минуты жизни моей, цѣлуя безъчисленно ваши,

дражайшаго ангела моего, ручки, отдаю вамъ себя вѣчно и остаюсь вашъ подвласній, съ совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и искренѣйшею преданностію вашъ, м. г—ни, вѣрнѣйшій и покорнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ.

Честь имѣю вамъ, душа жизни моей, посилать при семъ башмаковъ 12 паръ, кои и прошу покорнѣйше благосклонно принять, чѣмъ много усчастливите вашего вѣрнѣйшаго Ваничку, цѣлующаго сто тысячъ тысячъ ваши прекраснѣйшія ножки.

31. Дражайшая владычица души моей, вѣчная обладательница сердца моего, любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настенка! Цѣлуя цѣлую и омываю слезами первѣйшую и пріятнѣйшую отраду мнѣ здѣсь— прекраснѣйшіе строки ваши, коихъ безъпрерывное повтореніе чтенія есть найлучшее и веселѣйшее употребленіе времени, а протчее, какъ же мнѣ предъ вами, душею души моей, таить, клявшись отворить дверь внутренности моей и кою вы ясно видѣли и видѣть во вѣкъ будете и какъ мнѣ осмѣлиться отъ васъ, прекраснѣйшаго ангела моего, скрывать, а больше здѣлаться клятвопреступникомъ и отъ напоминанія сего имени страшнѣйшаго дрожу отъ ужасу и не токмо быть таковымъ, зрѣть подобное чудовище—чувствъ лишило бъ меня! Безподобно виноватъ предъ вами, жизніоночокъ мой, маминька, красота моя, причинивши вамъ столько безпокойства, но цѣлуя ваши прекраснѣйшіе ножки, предъ коими падши, лежу и прошу ослабы моей винѣ, нашедши въ васъ божественную добродѣтель и красоту во вѣки неувяцаемую, до безъконечности любя прекраснѣйшую Настенку, вѣрнѣйшаго и первѣйшаго въ свѣтѣ друга, коего мнѣ малѣйшее неудовольствіе причинитъ смерть, въ чемъ вамъ божусь Богомъ, сколько моя жизнь теперь не въ опасности, боюсь, чтобъ не лишиться ума, терзаясь поминутно разлукой, не воображая, чтобы тѣлесное твердое сложеніе могло мнѣ измѣнить, но и о томъ не ручаюсь, я во власти Бога и прошу его, чтобъ онъ меня подкрѣпилъ, но мочи моей нестаетъ, всякой часъ мнѣ годомъ кажется. Васъ же, любезнѣйшаго и вѣрнѣйшаго друга моего, прошу слезно, прекраснѣйшую Настенку, берегите себя, когда вамъ милъ Ваненка, коему вашъ покой и неувядаемое здравіе суть соки жизненые и которой надѣется отъ васъ, душечки моей, милучаечки (sic), когда насъ Всемогущій соединитъ, тогда конечно не сумнюсь я, жизнь моя Настенка, не оставитъ удѣлить ослабѣвшему здоровью и твердости ума и будетъ мнѣ во всю жизнь мою путеводителемъ моимъ и подпорою силъ моихъ. Знаю, что

отлично графъ [1]) расположенъ къ батюшкѣ Г. Григоріевичу [2]) и къ бабушкѣ нашей, но сколько я могу понимать содержаніе нашего дѣла, то долженъ вамъ сказать, что графъ настоящаго конца не здѣлаетъ и предастъ на расмотрѣніе судамъ, что до крайности продлится. Дай Богъ, чтобъ такъ не сталось, какъ я воображаю, въ томъ первѣйшее было бъ мое благополучіе и преграда къ концу жизни моей, кого съ стрепетомъ предусматриваю не токмо въ послѣдней сей карточкѣ, кою имѣлъ счастіе отъ васъ получитъ есть участь, но и всѣ, кои я прежде получалъ и въ нихъ состоитъ все мое богатство и первѣйшее здѣсь и навсегда сокровище. Поминутно цѣлую, живо представляя писателя оныхъ, говорю къ нимъ, плачу, прошу отъ нихъ отвѣта, но, Боже мой милостивый, горчайшая моя участь: они мнѣ мнѣ ничего не говорятъ! Потомъ, обращаюсь ихъ читать, тутъ стремлящійся разудокъ непоколебимъ бываетъ и тишина его поборетъ читавши и перечитавши, съизнова отдаю себя весть, куда они меня влекутъ. Какое утѣшеніе внезапно возвеселяетъ мою мысль, приводятъ меня къ вратамъ храму моему и въ н[illegible]ервенникомъ вижу прекраснѣйшаго ангела моего Настеньку, повелѣваетъ она божество мое, ея на вѣкъ подвластному Ваненькѣ стать на каменѣ, укрѣпленному ею неподражаемою вѣрностью и вѣрною любовію! Послушенъ твоему божескому (sic), преклоня колѣно мое предъ тобою и клянусь получать вовѣкъ твой святѣйшій законъ и простря длани мои, вопію злезно: да не буду забвенъ тобою, моя богиня, тебя обожая, тебѣ служа, твоей щедротой и вѣрностіею упитанъ, продли мнѣ жизнь и удостой въ твоихъ объятіяхъ скончать мои дни. Сколько вы обижаете, милушечка моя Настенка, Ваненку вашего, написавши въ вашемъ письмѣ, чтобы я, васъ боготворящій, извинилъ, что будто вы худо написали, на что такъ меня наказывать, того, который здѣсь и навсегда вмѣняетъ себѣ за благополучіе лобызать пилъ (sic) вашихъ ногъ! На послѣдокъ поручаю себя вамъ на вѣкъ, тысячу сладостей мнѣ возвѣщающій отъ васъ, милѣйшей моей Настенки, цѣлую миліонъ миліоновъ разъ вашу наипрекраснѣйшую грудь, добродѣтельнѣйшую душу, наиріятнѣйшіе глаза, наипрекраснѣйшія ручки и любезнѣйшія ножки. О горе мое великое! Боже мой милосердный, доживу ли я до того наищастливѣйшаго часу, чтобъ мнѣ разцѣловать душечку мою, жизніоночка, красоту, ангела моего наидрагоцѣннѣйшаго Настенку! Не

---

[1]) Румянцевъ.

[2]) Фридрикевичу.

забывай же меня, душа души моей! Несетъ къ вамъ, милѣйшей моей Настенки, сія страница всѣ мои поцѣлуи, примите ихъ и не забывайте счастіе имѣюшаго быть вѣчнымъ обладателемъ вашей души, сердца и мыслей, и наконецъ всею Настенкою, вашего обожателя вѣрнѣйшаго и покорнѣйшаго до послѣдней минуты жизни моей Ваненку. Цвѣточки прежней присылки поѣлъ, а что теперъ счастіе имѣлъ получить, два въ кисетѣ стоять на томъ мѣстѣ, въ головахъ *(Безъ числа)*.

32. Прекраснѣйшій свѣтъ очей моихъ, жизнь души моей, любезнѣйшій ангелъ мой, вѣрнѣйшій другъ мой Настасія Петровна! Ежечастно, не выпуская изъ рукъ вашихъ милѣйшихъ чидолочокъ, (sic), цѣлую ихъ и какая это отрада въ горестнѣйшей здѣсь моей жизни! Скажите мнѣ, маменька, жизніоночокъ, душа души моей, примѣчаете ли вы хотя маленькой лучъ надежды ?—скоро ли васъ, душечку мою, увижу? Не сумнюсь, чтобъ отъ васъ что было сокрыто, что о насъ говорятъ. Утѣште меня, наидрагоцѣннѣйшій предметъ всего моего благополучія, увѣдомленіемъ. Охъ, еще долго ли томиться духу въ стѣнной душѣ моей? Божусь вамъ, мое любезнѣйшее сердце, что примѣчаю себя, что врядъ ли я могу далѣе сносить наитягшее время разлуки безъ потерянія невозвратно силъ моихъ, нужныхъ къ продолженію жизни. Вы себѣ, charme de ma vie, представить не можете, сколько мнѣ досады причиняетъ непостоянность теперешней дороги, которая меня по сихъ поръ удерживала писать къ вамъ, да и теперь еще на отвагу пущаю, боюсь, что мои письма съ человѣкомъ не потонули; но какъ бы то ни было, терпѣнія въ себѣ болѣе не обрѣтаю. Мнѣ кажется, что я уже не живу на свѣтѣ и погребенъ! Ахъ естли что пагубнѣйшее на свѣтѣ и кто же примѣрно злымъ рокомъ наказанъ болѣе? Отнята у меня душа и покой и мню, что я васъ уже восемь годъ не видѣлъ. Надобно, чтобъ былъ зрителемъ, если можетъ быть мнѣ въ свѣтѣ злодѣй, то и тотъ, увѣренъ я совершенно, надо мною долженъ бы умилостивиться и кажется, что былъ бы убѣжденъ моею сильнѣйшею тоскою и терзаніемъ! День у меня начинается и кончится тѣмъ, что подымаю руки къ Богу, восклицаю, дабы онъ васъ, жизніоночка, укрѣпилъ въ драгоцѣннѣйшемъ вашемъ для меня здравіи, прося, дабы онъ пощадилъ вашу несравненную мнѣ съ цѣлымъ свѣтомъ жизнь, а инако можетъ онъ истребить двухъ вѣрно и свято клявшихся любить другъ друга. Наконецъ, будемъ ли мы имѣть скоро благопріятную погоду, коя насъ принесла бы къ тихому пристанищу. О Боже, Боже нашъ, укроти гонящую насъ злость!

Не забывайте меня, наидрагоцѣннѣйшій ангелъ и любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, Настасія Петровна! Цѣлую ваши сладчайшіе уста, ручки и ножки тысяча тысячу кратъ! Пріимите жъ душа жизни моей сей мой знакъ нѣжнѣйшей и чистѣйшей и вѣчной любви. До послѣдняго изпущенія во мнѣ дыханія, въ чемъ, клянусь вамъ Богомъ, таково чувство къ вамъ не премѣнится во мнѣ. Въ несумнѣной надеждѣ, что вы тѣмъ же желаніемъ ко мнѣ и знаете, что я тотъ счастливой въ свѣтѣ безъ примѣрно и отъ васъ ожидаю на вѣкъ repos de mes jours.—*(Безъ числа).*

Въ то время когда женихъ велъ эту переписку съ невѣстою, въ Городницкомъ уѣздномъ судѣ начато было дѣло по жалобѣ П. С. Милорадовича на тещу и ея брата, Г. Г. Фридрикевича, «за неотдачу» дочери, когда онъ ѣздилъ за нею въ Смячь (стр. 65). Рѣшеніе суда по этой жалобѣ слѣдуетъ за симъ.

33. Рѣшеніе Городницкаго уѣзднаго суда по жалобѣ П. С. Милорадовича на тещу и ея брата Г. Г. Фридрикевича, „за неотдачу“ дочери Анастасіи. 1789 г., 14 ноября.

1789 года, ноября 14-го дня. По указу ея императорскаго величества, Городницкій уѣздній судъ слушалъ экстрактъ и все подлѣнное дѣло, въ семъ судѣ произведенное по жалобѣ г. генералъ-маіора Петра Степановича Милорадовича на жену бунчуковаго товарища Анастасію Полуботкову и г. статск. сов. предсѣдателя Черниговской гражданской палаты Григорія Григорьевича Фридрикевича, за не отдачу ему зъ вѣдому Фридрикевича состоящаго въ селѣ Смячѣ дочери его дѣвици Анастасіи и за приключенное тамо ему, г. Милорадовичу, обруганія чести его. По разсмотрѣніи онаго дѣла, оказалось: г. ген.-м. Петръ Степановичъ Милорадовичъ содержаніе иска своего показалъ о безчестіи, произшедшемъ первоначально отъ поступка дочери его дѣвицы Настасіи, якая призрѣвши свой непосредственной долгъ въ повиновеніи и почитаніи родителя, надъ законы оскорбила своего отца въ семъ: когда онъ, г. Милорадовичъ, за нею уже достигшою настоящаго совершеннолѣтія, примѣтилъ нѣкоторую неблагопристойную, съ одного сожалѣнія родительскаго, дабы отвратить все вредное честности, приказывалъ ей ѣхать съ нимъ съ села Смячи, въ домъ его, въ селѣ Жукоткахъ состоящій, то она сего не

исполнила, показавъ и другія непристойности противъ отца. Между тѣмъ, послѣдовалъ изъ дальнѣйшей ему, г. Милорадовичу, обидѣ, отъ другихъ на вредъ честѣ и здоровья опасной поступокъ, по нижеписанному объясняющой съ обстоятельствъ дѣла оказавшіеся въ томъ начальнѣйшіе причины, претенсію г. Милорадовича составляющіе, на отвѣтчиковъ гг. ст. сов. палаты гражданской предсѣдателя Фридрикевича, удоствующую бунчуковаго товарища жену Анастасію Полуботкову, полковника г. Леонтовича и жену сего Софію Леонтовичеву. Оные Фридрикевичъ и Леонтовичъ между собою братья, а Полуботкова имъ сестра, союзъ ихъ родства доказываетъ дружбу, а сія объясняется г. Милорадовичемъ по какой то на него злобѣ, противоборствующею тому усердію, якое вообще всѣхъ свойственниковъ обязываетъ и такъ хотя и Милорадовичъ есть въ свойствѣ Полубо̂тковой зять, ибо имѣлъ за собою Полуботковой дочь Софію, уже умершую, отъ которой означенная дѣвица Настасія рождена, но не полагаясь ни на кого, самъ болѣе, яко отецъ, долженъ стараться и всегда старался о дочери воспитаніемъ ей приличнымъ и отдачею въ замужье за достойнаго жениха. Напротивъ того Полуботкова, какъ доказываетъ онъ, Милорадовичъ, единственно посему, что въ домѣ своемъ имѣла оную его дочь, на время отъ него Милорадовича, по прозьбѣ ея Полуботковой, отпущенную, зъ совѣту Фридрикевича и протчихъ своихъ согласниковъ соизволяла на отдачу оной его дочери въ замужье за жениха по характеру и чести его Милорадовича да и протчихъ другихъ превосходныхъ достоинствъ къ нему объ ней адресующихся, несвойственнаго, почему онъ, Милорадовичъ, получивъ о семъ свѣдѣніе, видя непристойность и предразсуждая стремленіе Фридрикевичемъ и другими на обѣду его, особливо потому, что и дочь его ими обольщена будучи, вышедъ съ пристойности о томъ же предложенномъ ей женихѣ къ нему, Милорадовичу, писала, рѣшился самъ ѣхать въ Борови къ Полуботковой, и видѣть свою дочь. За прі̂ѣздомъ же 27-го марта сего года, тамъ дочери не засталъ, а увезена она предпоказанною полковницею Леонтовичевою въ село Смячъ, въ домѣ Фридрикевичевъ и такъ онъ, и въ Смячъ отправился, гдѣ засталъ въ показанномъ Фридрикевичевомъ домѣ оную его дочь, лежащую въ постели, подъ видомъ болѣзни, въ которой объявила она, что не можетъ якобы простудою, а примѣчательно де имъ Милорадовичемъ вымышленное притворство, единственно, чтобъ закрыть предпріятіи, клонящіеся къ дальшему ея зъ женихомъ, тамъ же въ Смячи бывшимъ Леонтовичевою обзнакомленію, а за тѣмъ положилъ было намѣреніе взять ее

къ себѣ въ домъ, но она, дочь его, покусилась первіе, обманывать его, Милорадовича, неимѣніемъ якобы шубы выѣхать на стужу, а наконецъ вышовъ съ условіемъ взять на себя теплую обувь, скрылась. Свѣдавъ же онъ, Милорадовичъ, чресъ дворовую дѣвку, что она, дочь его, заперта въ одной комнатѣ, которая, какъ ему Леонтовичъ объявилъ, что то есть кладовая и ключъ въ Фридрикевича, сквозь двери той комнаты, окошко и сквозь стѣны, гдѣ только ей можно было слышать, єколько ни старался, однакожъ все то вмѣсто склоненія къ богоугодному повиновенія внушенію, произвело въ ней всемѣрное отъ него г. Милорадовича отвращеніе и дерзкое, даже до неистовства, ослушаніе, къ горчайшему его, отца своего, оскорбленію, такъ что дерзнула она виговорить ему, что она есть не въ его, но въ волѣ бабки своей, не слушаетъ его и не поѣдетъ съ нимъ. Наконецъ увидѣлъ онъ, г. Милорадовичъ, многочисленную толпу собранныхъ Леонтовичемъ смяцкихъ мужиковъ и дворовыхъ его и Фридрикевичевыхъ людей, съ дубинами, окружавшихъ его, г. Милорадовича, которые въ глазахъ его, находившихся при немъ слугъ его уже отталкивали по зашеямъ, добираясь и къ нему, г. Милорадовичу, самому, ежели бъ онъ далѣе поступилъ на требованіе дочери его, ибо Леонтовичева съ мужемъ своимъ ругая его, выговаривали приказывать связали (sic) бы его, Милорадевича, изъ чего убѣжденнымъ онъ нашелся оттудова удалиться, оставшись обруганнымъ въ несносное поношеніе чести и характера его, оставя и дочь его, отъ него удалившуюсь презрѣнно, въ нарушеніе законовъ. Посему случаю описанной г. Милорадовича обиды, онъ поступивъ правильно, неусиловываясь далѣе, противно законамъ и не дѣлаясь самъ себѣ судіею, видя обиду и дальшое на оную стремленіе въ опасность здоровья и въ поношеніе чести произведенные, жаловался памѣстническому правленію, отъ котораго въ нижній земскій городницкій судъ послѣдовалъ указъ съ предписаніемъ, чтобы земскій исправникъ и два дворянскіе засѣдатели освѣдомлясь, гдѣ бы означенная, удалющаясь отъ повиновенія своему родителю дѣвица Настасія Милорадовичевна ни находилась, отправясь туда взявъ ее, препроводили самъ исправникъ благопристойнымъ образомъ въ Черниговъ для порученія отцу ея, г. Милорадовичу. Но когда судъ нижній земскій учинилъ выѣздъ свой въ Смячъ, гдѣ была оная дѣвица Настасія, и далъ случившимся тамъ въ домѣ Фридрикевича г. полковнику Леонтовичу, женѣ его Софіи Леонтовичевой и Анастасіи Полуботковой повѣстки съ требованіемъ оной Милорадовичевой дочери и дачи нужного къ слѣдствію показанія, то и за симъ закон-

нымъ суда требованіемъ тѣ—Леонтовичъ, жена его и Полуботкова поступили съ неправильными ихъ отговорками, клонящимись на то, чтобъ отвратить судовое оное требованіе, о чемъ доказуютъ поданные отъ нихъ сего года, апрѣля 4-го, въ нижній земскій Городницкій судъ объясненія. И Полуботкова, извиняя оную дѣвицу болѣзнію, вводила нижній судъ въ ту комнату, гдѣ сія въ постели больною оказывалась, тамо судъ ее уговаривалъ въ послушности отцу, напоминая обязанность дѣтей родителямъ и чтобы къ повиновенію волѣ его ѣхала къ нему зъ земскимъ исправникомъ, но тутъ дѣвица представляла, якобы не можетъ сего исполнить по болѣзни. За дальнѣйшимъ же суда требованіемъ о выполненіи по указу намѣстническаго правленія, Полуботкова объявила, что суду взять ея, Милорадовичевой, нынѣ не попускаетъ и ее отъ зятя судомъ защищаетъ, а при таковомъ объявленіи Полуботковою и что въ комнаты начали собираться служители въ немаломъ числѣ, не могъ нижній земскій судъ Милорадовичевой отъ туду отобрать, и таковы объявленія Полуботковой словами дѣйствіе заключающими, призналъ тотъ нижній судъ сопротивленіе закону и должности суда, бывшаго при вышеписанномъ случаѣ съ подобающимъ обрядомъ, для того по силѣ высочайшаго устава благочинія 271-й статьѣ, о поступленіи съ Полуботковой по законамъ, сему суду представилъ съ приложеніемъ всего происхожденія дѣла, которое совмѣстно съ означеннымъ суднымъ процессомъ произведеннымъ дѣломъ, разсматривая судъ, въ основаніе своего мнѣнія и во утвержеміе истины, находилъ: 1-е, что г. Милорадовичъ описанную выше сего причиненную обиду ему, относя болѣе до отвѣтчиковъ Фридрикевича и Полуботковой, яко они производители той, поясняетъ, какъ Фридрикевичъ Полуботковой писалъ съ Чернигова, увѣдомляя ее, что онъ, Милорадовичъ, ѣдетъ въ Боровичи, такъ же о даванныхъ ей, Полуботковой, совѣтахъ скрыть отъ него дочь и о протчемъ, затѣмъ послѣдовавшемъ съ вѣдома и согласія его, но на сіе хотя Фридрикевичъ, не дѣлая признанія, объясняется, будто не былъ во время показаннаго происшествія въ своемъ домѣ и далѣе опровергаетъ искъ Милорадовича, подводя высочайшій манифестъ, состоявшійся 1787 года, апрѣля 21-го, въ коемъ де всѣ мѣры употреблены на взысканіе обиды, что она бываетъ словами, письмомъ и дѣйствіемъ, а о воображеніяхъ съ худыхъ, о комъ ни есть, мыслей происходимыхъ, ни слова не сказано, и истецъ де будто съ однихъ домысловъ своихъ заключаетъ объ немъ, отвѣтчику, худо, но судя таковъ поступокъ по мнѣнію прямому и по законамъ весьма немало-

важной, въ справедливости показаннаго происшествія слѣдуетъ увѣриться на слѣдствіи нижняго земскаго суда, какъ на урядовомъ засвидѣтельствованіи и на ономъ основываясь, нельзя прямого и опроверженія истины сдѣлать заключенія, поелику онымъ слѣдствіемъ доказывается, что дочь истца Милорадовича и за судовымъ ее увѣщаніемъ, по указу намѣстническаго правленія, съ жалобы его истца, Милорадовича, о повиновеніи своему отцу, требующему того суда, оказалась ослушною, притворивъ себѣ болѣзнь, въ самомъ же дѣлѣ оной не было, и для того то судъ о ея болѣзни ничего утвердительнаго не полагаетъ, а не возможность свою въ исполненіи намѣстническаго правленія указа, чтобъ доставить ее въ Черниговъ, къ порученію отцу, пояснилъ въ томъ, что она самовольно отказалась, несмотря на усиловное судебное требованіе, болѣе же въ томъ являются причины дѣйствій отвѣтчиковъ Фридрикевича и Полуботковой, съ коихъ въ домѣ Фридрикевича собраны были собственные его люди какъ судъ пишетъ, въ немаломъ числѣ, и дѣлали видъ недопущенія суда, изъ за чего нельзя подумать чего либо по его дозволенію, ибо бывшіе тамъ г. Леонтовичъ и его жена да Полуботкова не только не были согласны въ споможеніи суду, но еще и противоборствовали судовому требованію, а Полуботкова напослѣдокъ прямо оказала ослушность въ неповиновеніи закону и должности суда, выговоривъ, что не допуститъ суда, и за то подвержена отвѣту, въ справедливости тое нижняго земскаго суда показаніе и сей уѣздный судъ признаетъ, опровергая отвѣтчиковъ въ томъ оспариваніе, на одномъ голословіи основанное законно, потому что право статутовое, розд. 7-го, арт. 1-й, узаконяетъ «о сознатьи урядовомъ, чтобъ урядъ уряду вѣрилъ. 2, Объясняемое отвѣтчиками Фридрикевичемъ и Полуботковою оправдавіе истцевой дочери поступка въ неповиновеніи отцу, что она уже есть совершенныхъ лѣтъ и во владѣніи имѣнія, такъ какъ и въ замужествѣ властна, показываетъ несходственность самихъ ихъ отвѣтчиковъ, въ невинности оправданія, и тѣмъ все оное помрачаетъ, а болѣе утверждаетъ и первоначальное происшествіе г. Милорадовичемъ объясненное, что по ихъ совѣту и наставленію, какъ тамъ объяснено, въ крайнѣйшую его, Милорадовича, обиду дочь его приведена въ неповиновеніе родителю надъ законы противное оному отвѣтчиковъ мнѣнію содержащіе, какъ то по праву разд. 3-го, арт. 4-го, дочь до выходу въ замужье должна быть подъ опекою отца, высочайшаго устава благочинія ст. 41-й, отд. 2-го, въ пунктахъ 10-мъ и 11-мъ: «родители суть властелины надъ своими дѣтьми, а дѣти имѣютъ долгъ оказывать чисто-

сердечное почтеніе, послушаніе, покорность и любовь и служить имъ самимъ дѣломъ. По уложенью, гл. 22-й, п. 4-й, за грубыя рѣчи на отца или матерь, дѣтямъ узаконено весьма строгое наказаніе, а чтобы таковы сродники, какъ отвѣтчики, имѣли надъ дочерью истцевою волю, сего узаконенія, не только негдѣ нѣтъ, но по 8-му артикулу, раздѣла 5-го запрещается дочерямъ безъ вѣдома своихъ родителей выходить въ замужье подъ потеряніемъ наслѣдія. Итакъ что можетъ быть важнѣе сего поступка истцевой дочери, дерзнувшей презрительнымъ образомъ оскорбить и опечалить родителя всѣми достоинствами своими и честь превосходительнаго и ни въ чемъ противнаго повода на развратъ дочери не показавшаго, какъ о семъ изъ дѣла ничего не открылось. 3, По изъясненію въ первомъ пунктѣ есть причины на отвѣтчиковъ, что они отцу учинили изъясненное имъ безчестіе, списываясь одинъ съ другимъ и совѣтуясь къ произведенію того въ дѣйство по высочайшему именному указу 1787 г., апрѣля 21, состоявшемуся, въ 3-мъ пунктѣ сказано: оскорбленіе или обиды есть буди кто кого вредитъ въ правѣ или по совѣсти, какъ то порочитъ...... пренебрежетъ, уничтожитъ или задеретъ; въ 9-мъ пунктѣ, чтобъ слово, письмо или дѣйствіе почтено было за обиду или оскорбленіе надлежитъ знать—было ли намѣреніе обидить или оскорбить или вредить; въ 10-мъ: пренебреженіе къ особѣ ближняго съ намѣреніемъ обижать или оскорбить, или вредъ ему лично, (или женѣ или чаду, или служителю) или ближнимъ его, есть обида. Противу сего законоположенія сравнивая объясненную истцемъ жалобу противъ дочери поступка и самому ему безчестія и иначе можно заключить, что то есть обида, да еще тяжкая, о чемъ по 16-му пункту того жъ высочайшаго указа есть узаконеніе, а во исполненіе оного указа въ лучшое подтвержденіе предписанныхъ слѣдуетъ еще и другими законными способами дойтить истинны, что точно было отвѣтчиковъ къ обидѣ истца намѣреніе, и затѣмъ приступить къ заключенію законнаго приговора. Вслѣдствіе жъ сего, поелику съ обоихъ сторонъ были при показанномъ произшествіи посполитые люди ихъ собственные, съ коихъ нѣкоторые участвовали въ томъ, о чемъ идетъ дѣло, а затѣмъ по праву раздѣла 4-го, арт. 78-го, быть имъ свидѣтелми не можно, отвѣтчики жъ Фридривевичъ и Полуботкова въ оправданіе себя ничего законнаго не представили, и даже отвестись совѣстію, по зсылкѣ на оную отъ истца Милорадовича въ утвержденіе ихъ запирательства и въ обнаруженіе справедливости, непріемлются надъ узаконеніе въ воинскомъ процессѣ 2-й части, главы 1-й, въ 3-мъ

пунктѣ, гдѣ сказано, что отвѣтчикъ невинность свою доказать основательно долженъ; истецъ же Милорадовичъ, сверхъ оной, на присягу отвѣтчиковъ зсылки въ приносимой имъ жалобѣ взялся и самъ за присягу заповодомъ ихъ отвѣтчиковъ, Фридрикевича и Полуботковой, и они отвѣтчики его отъ присяги ничѣмъ законно не отводятъ; присягу жъ челобитчику чинить позволяетъ воинскаго процесса части 2-й, гл. 5-й, п. 2-й, да и по праву раздѣла 4-го, артикула 77-му, узаконено: въ недостатки писемъ или свидѣтелей, быть доказательствомъ и оправданіемъ и чрезъ присягу. Для того приговорили: по вышеписаннымъ обстоятельствамъ и законамъ, истцу г. генералъ-маіору Милорадовичу по добровольному его забирательству (sic) въ утвержденіе—справедливости, въ жалобѣ его дать присягу за поводомъ въ согласіе 81-го артикула, раздѣла 4-го, отвѣтчиками Фридрикевичемъ и Полуботковою въ томъ, что совершенному его Милорадовича знанію, они, отвѣтчики Фридрикевичъ и Полуботкова, по согласію между ними обидѣли его Милорадовича тѣмъ, что дочь его Настасію убѣдили призрѣть его повелѣніе и согласиться къ выходу въ замужье за отставного сукундъ-маіора Лашкевича, а когда онъ будетъ требовать ей ѣхать съ нимъ въ село Жукотки, то она отказаться должна, и такъ точно исполнилось, и онъ, Милорадовичъ, какъ ѣхалъ въ село Боровичи, то съ нихъ Фридрикевичъ встрѣтя его, Милорадовича, на дорогѣ, подъ Черниговомъ, прошлаго марта 26-го, предваряя его пріѣздъ чрезъ своего нарочнаго, далъ Полуботковой знать, а сія отправила ту его дочь въ с. Смячь, въ домъ Фридрикевича, съ полковницею Софіей Леонтовичевой, и затѣмъ и онъ, Милорадовичъ, не заставши дочери въ Боровичахъ, 28 марта пришелъ туда же въ Смячь, но Полуботкова трократно посылала двороваго служителя своего Леонтія Полтавца съ письмами къ брату своему Степану Леонтовичу съ тѣмъ, чтобъ онъ дочери его, Милорадовича, брать не допустилъ и то все, что дочь его Милорадовича, первое отговаривалась болѣзнію, потомъ скрылась и издѣлала ему, Милорадовичу, оскорбленіе, выговаривая, что она есть не въ его волѣ, не слушаетъ его и не поѣдетъ съ нимъ, учинено съ поводу и наущенію ихъ, отвѣтчиковъ, да полковника Леонтовича и жены его, притомъ онъ, Леонтовичъ, выговаривалъ ему Милорадовичу сіи слова: что дочь есть не въ его волѣ, и она съ нимъ не поѣдетъ, равно тому и жена его, ругаясь, съ мужемъ своимъ выговаривала: приказать связали бы его Милорадовича! И видѣлъ уже онъ, Милорадовичъ, изъ числа собранныхъ дворовыхъ служителей, что служитель Леонтовичевъ выталкивалъ по шеи съ

комнаты двороваго его, Милорадовича, писаря, а другаго служителя, тамо съ нимъ бывшаго, ругая, выгонилъ вонъ съ комнаты; наконецъ, онъ, Милорадовичъ, оставшись посмѣяннымъ и обруганнымъ отъ дочери своей призрѣнный и обезчещенный отъ часто поминаемаго, полковника Степана Леонтовича и жены его собраніемъ толпы мужиковъ и служителей дворовыхъ Фридрикевича, окружившихъ было и самого его, Милорадовича, къ препятствію дочери его, принужденнымъ себя найшолъ отъѣхать зъ двора сыяцкого Фвидрикевичевого, да и за выѣздомъ нижняго земскаго Городницкаго суда, по указу намѣстническаго правленія, для взятія и доставленія оной его дочери Милорадовича, что учинено суду ослушаніе и недопущеніе, то и сіе здѣлано звѣдома и согласія отвѣтчика Фридрикевича, и ежели онъ, г. Милорадовичъ, такову присягу учинитъ, въ чемъ здѣлается уже совершенной по законамъ доводъ, или когда его отвѣтчики Фридрикевичъ и Полуботкова къ оной присягѣ не поведутъ, доказывая тѣмъ своей винности, то и приступить къ обвиненію ихъ отвѣтчиковъ, такъ какъ законы повелѣваютъ; въ законахъ же напечатано: «воинскаго 19-го артикула, въ толкованіи,—равное наказаніе чинится надъ тѣмъ, котораго преступленіе хотя къ дѣйству и не приведено, но токмо его воля и хотѣніе къ тому было; 21-го артикула: всѣ офицеры и солдаты къ фелдмаршаламъ и генераламъ имѣютъ всякое должное почтеніе воздавать, а естли кто дерзнетъ онымъ или единаго изъ нихъ непристойными и насмѣшными словами поносить, оный имѣетъ по важности своихъ словъ и состоянію особы предъ воинскимъ судомъ публично отпущенія свое вины просить, или заключеніемъ, или какимъ инымъ наказаніемъ, по благоразсужденію, наказанъ быть; 24-го артикула, въ толкованіи, между протчимъ почтеніе генералитету всеконечно и весьма имѣетъ ненарушимо быть. Въ уложеніи, главы 10-й, статьи 83-й, «чиновнымъ людямъ безчестіе платить противъ ихъ окладовъ, что кому государеваго денежнаго жалованья». То по силѣ сихъ узаконеній взыскать съ отвѣтчиковъ Фридрикевича и Полуботковой за безчестіе истца ген.-маіора Милорадовича, по чину его генеральскому, окладное жалонанье, къ коему полагаются и подлежащіе получаемые жъ по тому чину, въ силу воинскаго устава, раціоны, именно окладного жалованья порозь съ отвѣтчиковъ по 1800 рублей, за раціоны годовые по справочнымъ, въ мартѣ мѣсяцѣ бывшимъ, цѣнамъ симъ уѣзднымъ судомъ вѣрно отъ нижняго земскаго Городницкаго суда забратымъ, за 480 раціоновъ по 702 рубли, всѣхъ же 5002 рубл., но отдать оные деньги истцу г. Милорадовичу сверхъ того по

силѣ предписаннаго 21-го воинскаго артикула предъ судомъ, Оные жъ отвѣтчики въ него, истца, публично имѣютъ просить отпущенія своей вины. Если жъ онъ, Милорадовичъ, назначенной присяги не выполнитъ, то въ искѣ его отказать; относительно жъ жалобы его, истца Милорадовича, на полковника Леонтовича и его жену Софію за безчестіе, то въ семъ претенсію безъ всякого заключенія оставить, потому, что самъ истецъ, г. Милорадовичъ, въ доводѣ его противу отвѣтчицы Полуботковой, между протчимъ, изъяснилъ, что онъ удержалъ свой искъ на тѣхъ Леонтовича и жену его, желая во первыхъ, развѣдаться съ наставниками ихъ на обиду истцеву, но въ свое время и въ подлежащемъ судѣ, въ которомъ они осѣдлость свою имѣютъ, искать не упуститъ и на оныхъ, какова воля ему, г. Милорадовичу, и предоставляется. А что принадлежитъ до просьбы повѣреннаго отвѣтчиковъ войск. тов. Калѣновскаго на екстрактѣ подписанной, чтобы ввесть копію прошеніе приложенное при отводѣ со стороны отвѣтчицы Полуботковой, подаванного въ Черниговское намѣстническое правленіе, съ изъясненіемъ оправдающимъ ее противъ обжалованія истцемъ, г. Милорадовичемъ, то сего судъ здѣлать не можетъ, затѣмъ, что то прошеніе никѣмъ не подписано и напрасно приложено, болѣе жъ всего наполнено оное разными непринадлежащими къ дѣлу выраженіями и есть въ немъ бранныя слова, съ каковыми прошенія принимать запрещаетъ правит. сената указъ, состоявшійся въ силу имяннаго ея императорскаго величества повелѣнія 1764 года, сентября 13-го. И сіе рѣшеніе, при открытыхъ дверяхъ, въ присутствіи суда, объявить обоимъ сторонъ или отъ нихъ правно-уполномоченнымъ съ указными подписками. А когда оное дойдетъ до исполненія, то съ присужденной ко взысканію суммы 5002 р., взыскать по Уложенію, гл. 10-й, п. п. 124 и 127, пошлинъ, положенныхъ съ судныхъ дѣлъ, съ рубля по 10 копѣекъ, 502 р., съ суда пересуда 20 к. и праваго десятка 2 к., а всѣхъ 502 р. 22 коп. и о томъ взысканію, слѣдуемомъ въ казну на основаніи высочайше апробованныхъ отъ ея императорскаго величества правилъ 1784 г., марта 24-го, статьи 21-й, отослать къ уѣзному Городницкому казначею свѣдѣніе.—

Было ли приведено это рѣшеніе Городницкаго уѣзнаго суда въ исполненіе—изъ другихъ бумагъ не видно. Вмѣстѣ съ жалобою въ намѣстническое правленіе, П. С. Милорадовичъ просилъ тогдашняго

епархіальнаго архіерея сдѣлать распоряженіе, чтобы дочь его Настасью священники Новгородосѣверской епархіи съ И. С. Лашкевичемъ не вѣнчали.

34. Прошеніе П. С. Милорадовича къ новгородсѣверскому епархіалному архіерею о томъ, чтобы дочь его Настасью мѣстные священники съ И. С. Лашкевичемъ не вѣнчали. 1789 г., мартъ.

Его ясне въ Богу преосвященству, преосвященнѣйшему Иларіону, епископу новгородъ-сѣверскому и глуховскому. Генералъ-маіора Милорадовича прошеніе. Нещастливое состояніе дѣвицы, дочери моей Анастасіи, развращенное тещею моею Анастасіею Полуботковою понуждаетъ меня прибѣгнуть къ вашему преосвященству просить, какъ збереженія бѣдственного ее, такъ равно и собственного моего жребія позоромъ и вѣчнымъ чести, характера и дома моего обруганіемъ предуготованного. Она, теща моя, съ ст. сов. Фридрикевичемъ, братовою Леонтовичевою Софіею Борковскою и съ ея мужемъ, безъ вѣдома и благоволенія (благословенія?) моего, выписали женихомъ для еѣ, дочери моей, епархіи вашего пр.—ва изъ с. Брахлова, отст. секундъ-маіора Ивана Степанова сына Лашкевича, и удаливъ дочь мою, дѣвицу, отъ моего съ нею свиданья, обласкали и согласили до такой неблагопристойности, что она, дѣвица, дочь моя, при многократныхъ бабы своей убѣжденіяхъ, покусилась собственноручно ко мнѣ писать два письма, готово составленные ей отъ Фридрикевича [1]) издревле мнѣ и роду моему недоброхотствующаго, прося моего позволенія въ замужье за показанного Лашкевича.—Сія дочь моя, оставшаясь отъ матери въ пяти лѣтахъ, получа мое воспитаніе вперенія страха Божія, повиновенія святымъ его заповѣдемъ и познанія закона, временно прибыла въ сказанной бабы своей въ с. Боровичахъ, почему заставленъ былъ при настоящей распутицѣ, преодолѣвая, оставшимись въ старости силами, всякіе трудности, искать видѣть ея, и когда, сего мѣсяца 27 числа, пріѣхалъ я въ домъ тещи моей, тутъ противъ всякаго чаянія моего, дочери моей не засталъ. Объявилась она, на вопросъ мой, что оставшись одна говѣть, отправила еѣ въ с. Смячъ, въ домъ вышесказанного ст. сов. Фридрикевича съ братовою, отставного полковника Степана Леонтовича женою, Софіею Васильевою дочерью Борковскою, какъ и въ самомъ дѣлѣ, по извѣданію моему, увезена она

---

[1]) См. выше, стр. 58 и 59.

туды скоропостижно оною Леонтовичевою, привозившею выше унамѣненнаго жениха, на простыхъ мужичьихъ саняхъ, гдѣ и нашелъ сказанную Леонтовичеву, мужа ей и дочь мою, но и тутъ еѣ скрыли отъ меня. Таковой тещи моей надъ дочерью моею поступокъ порывалъ уязвленное родителскаго сердоболія состояніе преслѣдовать еѣ въ горницахъ, гдѣ еѣ скрывали, и свѣдавъ чрезъ одну дворовую дѣвку, служанку, что она заперта въ одной комнатѣ. которая (какъ мнѣ Леонтовичъ обявилъ), что то есть кладовая и ключъ въ Фридрикевича; однако жъ толпою собранныхъ мужиковъ взять не допустили. По толь постыдному надъ дочерью моею и надъ самимъ мною съ обруганіемъ чести моей произшествію, несомнѣнно предвидить я долженъ, что сказанная теща моя предпріяла искать удобности, чтобъ дочь мою презрѣнными путями, безъ воли и благословенія моего, съ вышепомянутымъ маіоромъ Иваномъ Лашкевичемъ сочетать непозволеннымъ церковью святою бракомъ, то и призрите, ваше пр—во, надъ оскорбленнымъ бѣднаго рожденія безчестными интригами старикомъ, повелѣте предержащею паствы вашей властію, ежели гдѣ у коего либо прихода, изъ ближайшихъ епархіи вашего пр—ва, протопопіи, она, теща моя или кто другій изъ единомышленниковъ еѣ проситимутъ о обвѣнчаніи дочери моей съ означеннымъ маіоромъ Иваномъ Лашкевичемъ, такъ какъ они скоропостижно искать сего намѣрены, особливо въ селахъ Бряхловѣ, Савинкахъ и въ Романовкѣ, принадлежащемъ Борковсковнѣ Леентовичевой, бракосочетанія ихъ не совершить и тѣмъ спасая отъ бѣдственно наносимыхъ слѣдствій, заставить дочь мою исполнить долгъ приверженности родителю своему, спасая и самого себя, и домъ мой отъ презорнаго тещею и родомъ еѣ устроеннаго съ оскорбленіемъ чести поношенія. Генералъ-маіоръ Милорадовичъ.

На семъ прошеніи его пр—ва послѣдовала резолюція такова: «Я уже далъ на примѣчаніе дикастеріи, какъ о отлагаемыхъ свадьбахъ послѣ вѣнчаній, такъ и о другихъ непорядочныхъ вѣнчаніяхъ. Поводомъ сего и болѣ подтвердить правленіямъ, чтобы недремленно наблюдали за священствомъ, дабы бѣглыхъ отъ родителей отнюдь вѣнчать не дерзали, а кто учинитъ таковая, со всякою бы строгостію такого отрѣшивъ отъ всего, въ дикастерію представленнобъ къ сужденію по законамъ. 789 года марта « » дня».

Принятыя П. С. Милорадовичемъ мѣры противъ брака дочери его съ Лашкевичемъ оказались однакожъ безуспѣшны, такъ какъ его теща, а особенно Фридрикевичъ оказались искуснѣе въ достиженіи намѣченной цѣли, какъ видно изъ слѣдующаго документа.

35. Постановленіе Сосницкаго уѣзднаго суда о разрѣшеніи Настасьѣ Милорадовичевнѣ выйти замужъ за И. С. Лашкевича. 1789 г., 22 мая.

1789 года, маія 22 дня. По указу ея императорскаго величества, уѣздній Сосницкій судъ слушавъ поданныхъ въ сей судъ отъ удовствующей умершаго бунчуковаго товарища Семена Полуботка жены Анастасіи г-жѣ Полуботковой и внуки еѣ, г. генералъ маіора Петра Милорадовича дочери Настасіи Милорадовичевны, чрезъ уполномоченного повѣренного ихъ, войск. товар. Терентія Сенчевского, двоихъ просбъ, которыми онѣ представляютъ: первою, Полуботкова, что показанный зять еѣ Милорадовичъ, по своому пристрастію къ дитинному имѣнію, старался всегда отказувать обзывающимся къ дочерѣ его многимъ изъ достойныхъ дворянъ женихамъ, не требуя тутъ ни выбора, ни согласія дочери, но самъ помимо знанія ея все то производилъ, привелъ еѣ безъ выдачи въ замужье въ двадцать слишкомъ лѣтъ, и ни имѣнія онъ, Милорадовичъ, наслѣдственного прописанной дочерѣ моей Настасіи не отдаетъ, и въ замужье ити запрещаетъ, стѣсняя свою дочъ, по одному желанію, далѣе либо и навсегда, владѣть еѣ имѣніемъ, ввелъ еѣ въ лѣта, полагаетъ на ея Полуботкову право обмолодить его дочь имѣніемъ, и то все удостовѣряетъ представленными при томъ прошеніи писмами отъ его, Милорадовича, къ ней, Полуботковой, и дочерѣ своей 1788 года, ноября 24, и 789 г. февраля 8 и 12 чиселъ, писанными; второю, Милорадовичевна, что повинуясь она судбѣ, жизнію всѣхъ людей располагающей, предъизбрала себѣ въ супружество маіора Ивана Степанова сына Лашкевича, и хотя всеповиннѣйше просила отца своего на то благословенія, но отецъ еѣ, Милорадовичъ, по прописаннымъ въ прошеніи бабки еѣ Полуботковой, въ сей судъ поданномъ, обстоятелствамъ, въ томъ ей отказалъ. Не надѣясь же когда получить родителское на то позволеніе, чтобы по высочайшому имянному ея императорскаго величества, 1785 года декабря 22 состоявшомусь указу, ползоватся ей, Милорадовичевнѣ, свободою совершенолѣтія, къ чему по лѣтамъ ей право давно уже еи открылось, за помощію оной бабки еѣ Полубот-

ковой, которой воли отъ отца еѣ съ дней сиротства и малолѣтства она, Милорадовичевна, ввѣрена, ею возращена, воспитана и отъ еѣ одной, какъ объ ней пекущейся, зависитъ совершеніе еѣ, Милорадовичевны, блага, прибѣгая къ законамъ, просили по силѣ помянутаго высочайшаго имяннаго указа и статутовыхъ правъ, роздѣла 3, артикула 39 и роздѣла 5, артикуловъ 8 и 9-го, въ воспользованіи свободою совершенолѣтія и въ выходѣ еѣ, Милорадовичевнѣ, въ замужье за избраннаго ею жениха, дворянина хорошихъ достоинствъ маіора Лашкевича, дать ей, Милорадовичевнѣ, урядовое позволеніе и изъ тѣхъ просбъ и учиненныхъ по онымъ судовыхъ опредѣленій выдать ей, Милорадовичевнѣ, выпись. *Опредѣлили*: какъ въ правѣ книги статутъ, роздѣла 3-го, въ артикулѣ 39, узаконено: дѣвицъ шляхтянокъ и всякого иншого стану породи женской гвалтомъ ни за кого не отдавать безъ воли ихъ, но каждой съ нихъ, за совѣтомъ приятелей ихъ, за кого похощетъ, за того въ супружество волно ити и отдаватся.—А роздѣла 5, въ артикулѣ 8: естли бы отецъ дочери своей, ради имѣній еѣ материнскихъ, или мать, ради имѣній дочери своей отческихъ, не выдавали замужъ, то такова дать можетъ по артикулу 9-му, того жъ роздѣла, а въ ономъ артикулѣ сказано: ежели бъ дѣвица имѣла совершенныя лѣта, а братья или дядьи, задерживая оную, не хотѣли замужъ видать, то должно о томъ дать знать до уряду, чрезъ кревнихъ или чрезъ сосѣдъ, либо чрезъ кого иного, а урядъ взявши о томъ совершенное свидѣніе, что тѣ, въ опекѣ коихъ есть, замужъ еѣ не хотятъ выдать, имѣетъ ей дозволить замужъ выходить. Съ представленныхъ же отъ просителки Полуботковой, при просбѣ еѣ, писемъ ген.-м. Милорадовича совершено значится: въ 1-мъ, 1788 ноября 24, что онѣ, Милорадовичъ, г. Лашкевича не охуждаетъ и ни богатимъ, ни убогимъ не почитаетъ и что онъ не можетъ къ выдачи дочери замужъ, ни за Лашкевича, ни за кого другого, не знавши ни дому, ни имѣнія, ни сохранивши на таковъ случай правного порядка относително записа жениха невѣсти не приступитъ и что дочь его немолодая невѣста, такъ же что способъ помолодѣть еи въ рукахъ еѣ, Полуботковой, состоитъ, ежели она внукѣ своей запишетъ и опредѣлитъ имѣніе село Боровичи, что тогда дочь его не только обмолодѣть можетъ, но и болше, когда дѣйствително узнаютъ—пріятнѣйшою здѣлается всякому благородному жениху; 2-мъ, 789 году, февраля 8, что де г. Лашкевичъ къ нему, Милорадовичу, приездилъ и что открылось ему, по доволному испытанію и разсужденію, что онъ вовся не можетъ приступить къ согласію во

удоволствіе требованія, какъ матушки его, Лашкевича, такъ и его самого, и что онъ, Милорадовичъ, попеченія и усердія ея Полуботковой о его дочери благороднимъ и чувствителнимъ сердцемъ пріемлетъ, однако жъ по природной своей связѣ братерства, не отобравши отъ его мнѣнія, не можетъ рѣшиться на всекрайнѣйшее расположеніе дочери своей; да 3-мъ, того жъ года, февраля 12, что онъ, Милорадовичъ, въ выборѣ жениха принужденія ей, Милорадовичевнѣ, не дѣлаетъ, кромѣ отеческого совѣта и чтобъ несумнѣнно надѣялась, что получитъ съ превосходнѣйшими дарованіями выборъ свой и его къ тому благословеніе, а о г. Лашкевичѣ нѣтъ отъ него ни согласія, ни волѣ, ни благословенія. Съ каковыхъ писемъ сей судъ и предвидитъ явное его, Милорадовича, въ непозволеніи къ выходу дочери его Настасіи въ замужье препятствіе, повидимому, для единственного толко владѣнія имъ имѣніемъ еѣ материнскимъ и пріобрѣтеніи съ онаго себѣ користей. И какъ по праву статутовому, роздѣла 4, въ артикулѣ 77, писменные доказателства узаконено почитать первѣйшими и основательнѣйшими, то надъ собственноручные его, Милорадовича, писма, сему суду больше и свидѣнія совершенного забирать не слѣдуетъ. Для того, по вышеписаннымъ обстоятелствамъ и законамъ, такъ же и по соизволенію и просбѣ бабки еѣ Милорадовичевны, Полуботковой, дозволить просителки Настасіи Милорадовичевнѣ вытить въ замужье за избраннаго ею жениха маіора Лашкевича, потомъ съ поданныхъ въ сей судъ просбъ и сего опредѣленія выдать ей, Милорадовичевнѣ, урядовой выписъ и повѣренному Сеичевскому обявить, а съ приложенныхъ писемъ оставить при семъ судѣ справочние копіи. Подлѣнное подписали: Иванъ Демидовскій, Григорій Максимовичъ. 1790 года, октября 7 дня, сіе опредѣленіе я слушалъ и что онымъ вѣритель мой г. генералъ маіоръ П. С. Милорадовичъ недоволенъ и имѣетъ взнесть куда слѣдуетъ апеляційную жалобу, въ томъ я по его довѣренности подписалъ—надв. сов. Илья Бажановъ. Уѣзднаго суда секретарь Іванъ Горбачевъ.

Послѣдствіемъ приведеннаго постановленія было повѣнчаніе 23-го мая дочери П. С. Милорадовича съ И. С. Лашкевичемъ, вызвавшее жалобу отца на *засѣдателей* Сосницкаго уѣзднаго суда, разрѣшившихъ этотъ бракъ.

---

36. Рѣшеніе Новгородсѣверскаго верхняго земскаго суда. 1790 г., 5 декабря.

1790 года, декабря 5 дня. По указу ея императорскаго величества Новгородско-сѣверскій верхній земскій судъ, 2-го д—та, слушали: происхожденіи по жалобѣ г. генералъ-маіора Петра Милорадовича на засѣдателей уѣздного Сосницкого суда примеръ-маіора Демидовского и карнѣта Максимовича, за здѣланное ими, якобы въ противность законовъ, опредѣленіе отъ имени уѣздного Сосницкого суда о дозволеніи дочери его Анастасіи вступить въ супружество, по ея желанію, за секундъ-маіора Ивана Лашкевича, въ намѣстническомъ правленіи бывшимъ и при указѣ изъ оного правленія въ сей судъ къ разсмотрѣнію присланнымъ, тако жъ вступившаго въ сей судъ по апеляціи его, г. Милорадовича, на то опредѣленіе поданной изъ уѣздного Сосницкого суда объ ономъ дѣлѣ, и по разсмотреніи всего вышеписаннаго, оказалось: 1-е, когда дошла въ намѣстническое правленіе отъ г. Милорадовича о вышеписанномъ на засѣдателей Демидовскаго и Максимовича жалоба, то намѣстническое правленіе, по отысканіи противъ оной отъ уѣзднаго Сосницкаго суда рапорта, найдя, что обстоятельство дѣла сего до разбора онаго правленія не принадлежитъ, учиненнымъ прошлаго 1789 г., ноября 23 д., опредѣленіемъ заключило: по резонамъ въ немъ изясненнимъ, отослать тѣ происхожденіи въ сей судъ, съ тѣмъ, чтобы оній въ учиненіи по немъ разсмотрѣнія поступилъ по законамъ, и по разсмотрѣніи подлѣннаго дѣла и опредѣленія уѣзднаго суда, донеслъ тому правленію къ надлежащому опредѣленію о наложеніи на виновныхъ пени или къ вядшему взысканію, буди окажутся и члены уѣзднаго суда учинившими опредѣленіе о выходѣ въ замужье оной дочери г. Милорадовича, точно простирая власть свою въ противность законовъ, и какъ 2-е, за разсмотрѣніемъ въ семъ судѣ оныхъ происхожденій, не оказалось сего, чтобы въ сходство 173 статьи высочайшихъ учрежденій отъ него, Милорадовича, на прописанное уѣзднаго суда опредѣленіе подана была въ сей судъ апеляція или же какая жалоба, то отъ сего суда предоставлено было намѣстническому правленію рапортомъ, что оній безъ такой его, г. Милорадовича, апеляціи прописанного дѣла взять на разсмотрѣніе самъ собою, надъ оную 173 статью высочайшихъ учрежденій, не смѣетъ. 3-е, по сему представленію отъ намѣстническаго правленія предписано было уѣздному Сосницкому суду оное его опредѣленіе по содержанію 200 статей высочайшихъ учрежденій, кому слѣдутъ обя-

вить надлежащимъ порядкомъ и по выполненіи на переносъ дѣлъ обряда, буде пожелаетъ г. Милорадовичъ, поступить далѣе по 230 статьи высочайшихъ же учрежденій, и о томъ сему суду за извѣстіе дано знать указомъ; вслѣдствіе чего, 4-е, уѣздный судъ допустя со стороны его, г. Милорадовича, подписать на такомъ опредѣленіи недовольство и выполнить о переносѣ дѣлъ обрядовъ, за выдачаю уже со стороны его жъ, Милорадовича, на оное въ указанной срокъ въ сей судъ апеляцію прислалъ въ сей судъ, въ сіе заведенное въ немъ по сему случаю дѣло; 5-е, зъ сего дѣла оказалось, что оного г. Милорадовича теща, а дочери его Настасіи родная бабка, жена бунч. товар. Настасія Полуботкова, имѣющая свое помѣстье въ уѣздѣ Сосницкомъ, при коей и та дочь его Настасія Милорадовичевна съ малолѣтства находилась (какъ и отъ него Милорадовича въ жалобахъ его изяснено) и она, Настасія Милорадовичевна, поданными въ уѣздный Сосницкій судъ прошеніями представили: съ нихъ, Полуботкова, что онъ, г. Милорадовичъ, по своему пристрастію къ дитинному имѣнію, старался всегда отказывать отзывавшимся къ дочери его многимъ изъ достойныхъ дворянъ женихамъ, не требуя тутъ ни выбора, ни согласія дочери, но самъ и мимо знанія ея, все то производилъ, привелъ еѣ, безъ выдачи въ замужье, въ двадцать слишкомъ лѣтъ и имѣнія онъ, Милорадовичъ, наслѣдственного прописанной дочери своей Настасіи не отдаетъ и въ замужье итти запрещаетъ, стѣсняя ей по одному желанію далѣе либо и всегда владѣть имѣніями, ей принадлежащими, ввелъ еѣ въ лѣта, полагаетъ на ея Полуботкову право обмолодить его дочь имѣніемъ и то все удостовѣряетъ представленными при томъ прошеніи письмами отъ него, Милорадовича, къ ней Полуботковой и дочерѣ своей, 1788 г., ноября 24, и 789 г., февраля 8 и 12 числъ писанными, а дочь его Настасія Милорадовичевна, что повинуясь она судбѣ, жизнію всѣхъ людей располагающей, предизбрала себѣ въ супружество маіора Ивана Степанова сына Лашкевича и хотя всеповиннѣйше просила отца своего на то благословенія, но отецъ еѣ, Милорадовичъ, по прописаннымъ въ означенномъ бабки еѣ Полуботковой прошеніи обстоятелствамъ, въ томъ ей отказалъ. Не надѣясь же когда получить родителское на то позволеніе, чтобы по высочайшему ея величества 1785 г. декабря 22, состоявшомусь указу пользоваться, ей, Милорадовичевнѣ, свободою совершеннолѣтія, къ чему по лѣтамъ еи, право давно уже ей открылось, за помощію оной бабки, которой воли отъ отца еѣ съ дней малолѣтства еи, она, Милорадовичевна, ввѣренна, ею возращена,

воспитанна и отъ еѣ одной, какъ объ ней пекущейся, зависитъ совершеніе еѣ, Милорадовичевны, блага, о чемъ всемъ изяснивъ, прибѣгая къ законамъ, просили, по силѣ помянутого высочайшаго именного указа и статутовыхъ правъ, роздѣла 3, арт. 39, и роздѣла 5, арт. 8 и 9, въ восползованіи свободою совершеннолѣтія и въ выходѣ еѣ въ замужье за избранного ею жениха, дворянина хорошихъ достоинствъ маіора Лашкевича, дать ей, Милорадовичевнѣ, урядовое позволеніе—и изъ тѣхъ прозбъ и учиненнихъ по онымъ судовихъ опредѣленій видать ей Милорадовичевнѣ выпись. 6-е, по симъ ихъ прошеніямъ оный уѣздній судъ, усмотря изъ представленнихъ при прошеніи Полуботковой его, г. Милорадовича, писемъ къ ней, Полуботковой, и тоя дочери его Настасіи послѣдовавшихъ, что онъ, Милорадовичъ, согласія своего не полагалъ къ вступленію въ супружество за Лашкевича, не показивая въ нихъ таковому своему несогласію никакой причини и почитая достовѣрнимъ свѣдѣніемъ о нежеланіи его, Милорадовича, къ вступленію дочери его, по изъясненнимъ въ жалобахъ Полуботковой резонамъ, за кого либо въ супружество, учиненнимъ прошлого 789 г. маія 22, опредѣленіемъ заключилъ: на основаніи права книги статутъ, розд. 3, арт. 39 и розд. 3 арт. 8 и 9, въ разсужденіи вишеписанныхъ обстоятелствъ, дозволить по собственному еи желанію виитить въ замужье за показанного маіора Лашкевича и въ томъ видать ей надлежащую урядовую випись; и хотя, 7-е, онъ, г. Милорадовичъ, то уѣздного суда опредѣленіе, на которое взошла отъ сторони его (какъ вышеписанно) и апеляція, называетъ въ жалобахъ своихъ и той апеляціи незаконнымъ, однакъ же оного такимъ почесть неможно по нижеслѣдующимъ резонамъ: 8-е, онъ, г. Милорадовичъ, хотя показиваетъ, что прописанной дочери его Настасіи Лашкевичевой виходить въ замужье, за отзывавшихся до того достойныхъ жениховъ, никогда не препятствовалъ, но за кого именно и кто былъ такой женихъ не обясняетъ; зъ приложеннихъ же его писемъ и по апеляціи со сторони его поданной видно одно его неблаговоленіе къ виходу въ замужье за Лашкевича, не показивая тому никакой правилной причини, почему бы Лашкевичъ не могъ быть дочери его таковимъ женихомъ, за каковихъ не было отъ него, Милорадовича, ей препятствія, то изъ сего ничего другого заключить невозможно, какъ токмо то, что онъ, Милорадовичъ, самъ причиною тому, что дочь его, бывъ уже совершеннолѣтія (sic), не могучи испросить отъ него вступить въ супружество за избранного ею жениха соизволенія, принуждена была прибѣгнуть для того, согласно законамъ, къ уряду, ибо когда

бы онъ, какъ по апеляціи пишетъ, важную причину препятствовать къ виходу еи за Лашкевича въ замужье имѣлъ, (кромѣ владѣнія принадлежащими еи имѣніями, какъ отъ Полуботковой и дочерв его уѣздному суду представлено), то бы конечно не проминулъ объ оной ей, Лашкевичевой, при испрошеніи еще позволенія, дать знать или же по крайней мѣрѣ обнаружить оную, хотя уже нинѣ по дѣлу, однакожъ имъ сего не учинено, слѣдовательно и остался въ томъ бездоказателнимъ. Что жъ лежитъ до того, что часто упоминаемое опредѣленіе подписано двумя засѣдателями Демидовскимъ и Максимовичемъ, безъ судьи, кой видѣлъ, что особи, до коихъ опредѣленіе оное относилось т. е. онъ, Милорадовичъ, и дочь его Лашкевичева, ни по имѣнію, ни по своему пребыванію, тому суду подвѣдоми не были, якоби недолжни били на то поступити, а особливо въ такое время, когда по высочайшимъ учрежденіямъ присудствію быть не положено, то и сіе его, г. Милорадовича, показаніе правильнимъ почестся не можетъ, потому что тѣ засѣдатели Демидовскій и Максимовичъ, бывъ въ то время по указнимъ дѣламъ въ присудствіи, (какъ зъ репорту уѣздного суда въ намѣстническомъ правленіи на указъ оного последовавшимъ значится), не имѣли причины дочери его, Милорадовича, ищущей отъ уздного суда, яко надлежащаго уряда, въ справедливой своей прозбы удовлетворенія, отказать, а особливо, когда она и пребываніе свое въ томъ уѣздѣ при бабки еи Полуботковой, въ томъ же просившей, съ малолѣтства имѣла; постановляемой же имъ Милорадовичемъ резонъ, что ни по имѣнію, ни по настоящему его пребыванію, не могъ онъ быть тому суду подвѣдомъ, также неправилно, ибо тутъ не объ имѣніи отъ дочери его оному суду прозба простиралась, но о позволеніи, по причинамъ вышепрописаннимъ, къ виходу въ замужье за избраннаго ею жениха Лашкевича, на основаніи вышеписанныхъ правъ, по коимъ урядъ за изисваніемъ достовѣрнихъ свидѣній о причинахъ въ нихъ описаннихъ, имѣетъ право объ ономъ позволеніе дать. Большаго жъ свидѣнія о несогласіи г. Милорадовича на соизволеніе итить упомянутой дочери его въ замужье по точнымъ словамъ, изясненнимъ въ предизображенномъ 9-мъ арт. 5, не обязанъ былъ, яко въ предписаннихъ писмахъ явно онъ нежеланіе свое таковое, какое долженствовалъ забрать бы судъ, обнаружилъ въ писмѣ писанномъ имъ къ дочери, сими словами о г. Лашкевичѣ: нѣтъ отъ меня ни согласія, ни волѣ, ни благословенія моего тебѣ. Сего жъ въ томъ артикулѣ не сказанно, чтобы токмо тотъ урядъ въ дачи таковихъ позволеній, гдѣ кто положеніемъ имѣніе имѣетъ, свою силу долженъ

имѣть, а протчіе нѣтъ. Для того приказали: по всѣмъ вышеписанмымъ обстоятельствамъ предписанное уѣздного Сосницкого суда опредѣленіе, яко не въ противность законовъ, но согласно онимъ учиненное, утвердить. Что жъ лежитъ до претенсіи его, сверхъ всего вышеписанного, въ апеляціи изясненной о дворовомъ его, Милорадовича, человѣку Якову, якобы ею, Лашкевичевою, взятомъ со всѣмъ его семейством, то какъ оная есть сверхъ дѣла и безъ надлежащихъ доказателствъ, то потому оная, такъ какъ и въ протчемъ, нынѣ до разбора сего суда принадлежать не можетъ. За употребленную жъ на сей протоколъ вомѣсто гербовой простую, три листа бумагу подлежащіе 30 коп. денги для причисленія оних въ казенний доходъ, взискать съ него, г. Милорадовича, и сей протоколъ ему, г. Милорадовичу, надлежащимъ порядкомъ обявить, а намѣстничеекому правленію о всемъ вышеписанномъ отрапортовать. На подлинномъ тако: Андрей Рачинскій, при своемъ мнѣніи. Андрей Дергунъ. Григорій Лишень, при своемъ мнѣніи. Григорій Великошапка. Николай Рославецъ. Василій Короткевичъ.

1796 года, декабря 16, сей протоколъ г. генерала-маіора Петра Милорадовича повѣренному кол. асс. Андрею Миллеру въ присутствіи, при откритыхъ дверяхъ, обявливанъ. Секретарь Петръ Хмелникъ. 1790 г., дек. 16, сей протоколъ повѣренний г. ген.-м. Милорадовича слушалъ и онымъ недоволенъ и имѣетъ взнесть въ палату гражданского суда сего намѣстничества апеляцію, въ чемъ и подписался кол. асс. Андрей Миллеръ.

37. Рѣшеніе Новгородсѣверской палаты гражданскаго суда по жалобѣ П. С. Милорадовича на рѣшеніе 2-го департамента Новгородсѣверскаго верхняго земскаго суда. 1791 г., 29 января.

1791 года, генваря 29 дня. По указу ея императорскаго величества, Новгородосѣверскаго намѣстничества палаты гражданскаго суда слушавъ подлинное дѣло, вступившее въ сію палату изъ здѣшняго верхняго земскаго суда, 2-го департамента, на апеляцію со стороны г. ген.-м. П. С. Милорадовича, на приговоръ того суда о неправильно данномъ Сосницкаго уѣзднаго суда засѣдателями примеръ-маіоромъ Демидовскимъ и корнетомъ Максимовичемъ, отъ лица уѣзднаго суда, позволеніи дочери его, г. Милорадовича, Настасіи вытить въ замужье за отставного сек.-м. И. С. Лашкевича *Приказали*: какъ съ онаго значится, что г. ген.-м. Милорадовичъ,

первіе, Новгородосѣверскому намѣстническому правленію, а затѣмъ, по аппеляціямъ, въ верхній земскій судъ и въ сію палату поданнымъ изъяснилъ свою жалобу въ томъ, что теща его, бунч. тов. жена Настасія Полуботкова выпросивъ у его дочь Настасію, его коштомъ и стараніемъ воспитанную и обученную всему тому, чего законъ божескій, честность и характеръ его, требовали, для пріобученія еще хозяйственныхъ управленій, но вомѣсто такова къ хозяйству приобученія, разстроивъ жизнь той дочери его до такой степени, что она отринувъ отъ себя страхъ божій, пустилася на неповиновеніе и огорченіе родителя своего, и, безъ вѣдома и согласія его, нашла женихомъ дочери его упомянутаго Лашкевича, и ознакомивъ оную въ домѣ своемъ съ Лашкевичемъ, старалась всѣми мѣрами о бракосочетаніи ихъ, требуя отъ его г. гем.-м., чрезъ письмо его, на то позволенія, и когда онъ поѣхалъ къ той тещѣ его въ Боровичи, гдѣ она жительствуетъ, а оттоль въ Смячъ гдѣ теща его укрывала дочь его отъ его, г. Милорадовича, для взятья той его дочери къ себѣ, но тамъ не токмо оная ему, ген.-м. Милорадовичу, невозвращена, но еще отъ родственниковъ тещи его обруганъ, обезчещенъ и обиженъ, а дочь его Настасія притворялась больною и выговоривъ сіи слова, что она не въ его отца своего волѣ и не слушаетъ его, наконецъ отъ его, отца своего, скрылась. Затѣмъ же подано отъ оной тещи его ген.-маіора въ уѣздный Сосницкій судъ, маія 22 дня, 1789 года, прошеніе, что будто, по пристрастію его ген.-маіора къ дитинному имѣнію, отказывалъ онъ отзывавшимся къ дочери его женихамъ; равно потому же и послѣднему Лашкевичу отказываетъ, и прилагая въ доказательство три писмы его, Милорадовича, просили на выходъ въ замужье внукѣ ея за Лашкевича позволенія, чего и оная ея внука, и дочь его Милорадовича, чрезъ особо поданное того же числа прошеніе, просила; по тѣмъ прошеніямъ того же самаго числа, какого поданы оныя, уѣзднаго Сосницкаго суда два засѣдателя Демидовскій Максимовичъ, составя изъ себя судъ, учинили опредѣленіе, какъ де уѣздный судъ съ писемъ его, Милорадовича, предвидитъ явное его Милорадовича въ непозволеніи къ выходу дочери его Нистасіи въ замужье препятствіе, повидимому для единственнаго только владѣнія имъ имѣніемъ еи материстымъ и пріобрѣтенія себѣ съ онаго користи, для того и по соизволенію и просьбѣ бабки еи, Милорадовичевны, Полуботковой, дозволить ей Милорадовичевнѣ вытить въ замужье за за взбраннаго ею жениха маіора Лашкевича и по поданной первоначально отъ гем.-м. Милорадовича въ намѣстническое правленіе жа-

лобѣ на двухъ засѣдателей, поступившихъ на таковое опредѣленіе въ противность выраженнымъ въ той его жалобѣ законамъ. Когда намѣстническое правленіе, по взятому отъ суда уѣздного объясненію и по препровожденію въ судъ верхній по сему дѣлу всего происхожденія къ подлежащему въ ономъ разсмотрѣнію и опредѣленію за полученіемъ отъ сего репорта дало знать указомъ верхнему земскому суду, что посланнымъ изъ онаго правленія въ уѣздный Сосницкій судъ указомъ предписано упоминаемое того суда рѣшительное опредѣленіе, учиненное о дозволеніи г. Милорадовича дочери вытить въ замужество, по содержанію высочайшихъ учрежденій 200 статьи, кому слѣдуетъ объявить надлежащимъ порядкомъ и по выполненіи на переносъ дѣла обряда, буде пожелаетъ г. Милорадовичъ, поступить далѣе по по 203 статьи высочайшихъ учрежденій, то судъ верхній земскій по разсмотрѣніи вшедшаго въ оный изъ суда уѣздного, по аппеляціи Милорадовича, опредѣленія и всего происхожденія по сему дѣлу, своимъ приговоромъ утвердилъ оное, (кромѣ двухъ—предсѣдателя Рачинского и засѣдателя Лишня, давшихъ по сему особыя мнѣнія), поставляя резономъ, что тѣ уѣздные засѣдатели не имѣли причины дочери его, Милорадовича, въ прозьбѣ еи отказать, когда она и пребываніе свое въ томъ уѣздѣ, при бабкѣ ея Полуботковой, въ томъ же просившей, съ малолѣтства имѣя, да и прозьба де простиралась не объ имѣніи, но о позволеніи къ выходу въ замужье, изъясняя при томъ содержаніе письма отъ Милорадовича, писаннаго сими словами: большого де свѣдѣнія о несогласіи г. Милорадовича на соизволеніе итить дочери его въ замужье по точнымъ словамъ 9-го арт. розд. 5-го, не обязанъ былъ, яко въ прописанныхъ письмахъ явно онъ нежеланіе свое, такое каковое долженствовалъ судъ забрать, обнаружилъ въ письмѣ писанномъ имъ къ дочери сими словами: о г. Лашкевичѣ нѣтъ отъ меня ни согласія, ни воли, ни благословенія моего тебѣ. Палата же, при ревизіи сего дѣла, находитъ: оба оные, засѣдателей Сосницкаго уѣзднаго суда Демидовскаго и Максимовича опредѣленіе и верхне-земского суда приговоръ—неправильными. Посему 1-е, въ правѣ книгѣ статутъ, розд. 5, арт. 8, въ параграфѣ 2, узаконено: гдѣ бы то случилось, что отецъ дочери своей для имѣній еѣ матерныхъ или маты для имѣній дочери своей отческихъ, подъ владѣніемъ своимъ содержа, оной выдать замужъ не хотѣли, тогда таковая дочь по силѣ арт. 9, сего же роздѣла поступить можетъ, а по оному 9-му артикулу сказано: если бы дѣвица была въ лѣтахъ своихъ, а братья или дяди ея удерживая, не похотѣли замужъ отдавать, то однако жъ сама вольно не имѣетъ ни

за кого ити, но должна дать знать уряду о томъ чрезъ пріятелей или сосѣдовъ пли чрезъ кого либо можетъ, а урядъ взявъ о томъ совершенную вѣдомость, что родственники, въ которыхъ въ досмотрѣ она есть, замужъ ее выдавать не хотятъ, имѣетъ ей позволить замужъ итти, то по такому изреченію сего закона надлежало бы нынѣшней Лашкевичевой доказать первіе, сходственно законамъ, нехотѣніе ея родителя для имѣній ея матерnстыхъ на выдачу въ замужье, потомъ дать знать о семъ нехотѣніи уряду тому, подъ вѣдомствомъ котораго имѣніе ея родителя и еи по матерѣ ее, ей надлежавшое положеніемъ находится, а сей могъ бы поступить въ забратіи совершеннаго извѣстія по изображенному 9 артикулу, роздѣла 5-го, но напротивъ того, 1-е, чтобъ родитель еѣ, Лашкевичевой, г. ген.-м. Милорадовичъ не видавалъ ее замужъ для имѣнія материстаго, о томъ по дѣлу сему не только нѣтъ достовѣрныхъ доказательствъ, но еще изъ писемъ его, тещею его Полуботковою представленныхъ въ уѣздный Сосницкій судъ, (которымъ верхній земскій судъ даетъ неправильно другій смыслъ), явственна горячая его и сердобольная къ дочери его любовь, отеческое попеченіе и желаніе ей жениха съ превосходнѣйшими дарованіями и что онъ, въ предупрежденіе иногда могущихъ случиться для дочери его непріятностей, не изъявляетъ согласія къ выдачѣ въ замужье за такого жениха, котораго онъ не знаетъ ни дому, ни имѣнія, а въ выборѣ жениха принужденія не дѣлаетъ кромѣ отеческаго совѣта, которымъ наконецъ заключаетъ, что о г. Лашкевичѣ нѣтъ отъ его ни согласія, ни благословенія въ разсужденіи многихъ и важныхъ причинъ, о которыхъ въ послѣднемъ, отъ 22 февраля 789 года, письмѣ обѣщалъ изъяснить словесно; но по удаленію еѣ, Лашкевичевой отъ своего родителя, не могъ онъ сыскать къ тому случая, слѣдовательно и засѣдатели уѣздного Сосницкаго суда, а послѣдуя имъ и верхній земскій судъ почитаютъ его, г. Милорадовича, интересующимся къ дитинному имѣнію весьма неосновательно и, болѣе сказать, гадательно, въ противность 54 арт., розд. 4, а показанный Милорадовичъ не имѣвъ способу въ уѣздномъ Сосницкомъ судѣ, какъ въ ономъ сіе дѣло начало и конецъ возымѣло, безъ призыву и свѣдѣнія его и по односторонней жалобѣ, оправдатся въ взводимомъ на его отъ тещи и дочери къ имѣнію пристрастіи, въ поданной въ палату аппеляціи, забирается на присягу, что онъ никогда въ имѣніи дочерномъ не интересовался, а болѣе еще своими трудами пріобрѣталъ оное, имѣя двухъ дѣтей сына и ее, въ равной назначалъ подѣлъ и къ тому приглашалъ ее въ свой домъ для раздѣла съ ея братомъ, а его сы-

номъ, имѣнія, равно когда многіе достойные женихи о ней отзывались къ нему, г. Милорадовичу, то онъ въ чувствѣ родительскомъ, желая ей лучшаго блага, не только не препятствовалъ ей выйти въ замужье за достойнѣйшаго, но еще способствовалъ совѣтами и увѣщаніями своими; 2-е, вомѣсто подлежащаго суда, отозвались она, Лашкевичева и ея бабка Полуботкова, о дачи позволенія къ выходу ей въ замужье Сосницкому уѣздному суду, подъ которого судомъ ни имѣнія родителя ея, ни ей самой по матери надлежавшаго, ни она лично на жительствѣ, кромѣ временнаго у бабки ея Полуботковой пребыванія, не состоятъ, какъ удостовѣряютъ при дѣлѣ семъ имѣющіяся письменные доказательства. 3-е, засѣдатели Демидовскій и Максимовичъ, не взирая на то, что по 196 статьи высочайшихъ учрежденій, въ уѣздномъ судѣ засѣдаетъ уѣздный судья и два засѣдателя и въ между роки—безъ судьи, здѣлали отъ лица суда опредѣленіе по одному голословному отзыву бабки Лашкевичевой и ея самой, дать ей, Лашкевичевой, позволеніе выйтить въ замужье, не отобравъ въ сходство права, розд. 5, арт. 9, достовѣрнаго извѣстія о несоглашеніи отца ея для имѣнія, коего узаконеннымъ порядкомъ и получить не могла, по несостоянію отца ея, Милорадовича, въ подсудимости тому суду ни по жительству его въ томъ уѣздѣ, ни по имѣнію, и такимъ образомъ несоблюдши въ точности вышеписаннаго артикула, поступили несходственно 420 статьи высочайшихъ учрежденій, гдѣ узаконено: уѣздного суда власть далѣе того округа, гдѣ учрежденъ не распространяется; хотя же они, засѣдатели, въ опредѣленіи, такъ какъ и верхній земскій судъ въ своемъ приговорѣ, написали, что она Лашкевичева жила при бабкѣ своей Полуботковой, которая о семъ же позволеніи согласна и просила Сосницкаго уѣзднаго суда, то и сіе ихъ разсужденіе неправильно, ибо по арт. 11, роздѣла 5, въ послѣднемъ отдѣленіи, сказано: мать дочерей своихъ безъ совѣта, и знанія опекуновъ своихъ въ супружество зговаривать и отдавать не должна, слѣдовательно естьли по сему праву родной матери не позволяется безъ вѣдома и согласія опекуновъ, и дочерей зговаривать и отдавать замужъ, то тѣмъ болѣе бабка не могла безъ воли и согласія родителя, въ живыхъ сущаго, ни зговаривать, ни о позволеніи просить въ уѣзномъ Сосницкомъ судѣ. Для того опредѣленіе уѣзднаго Сосницкаго суда одними засѣдателями, безъ судьи, въ лицѣ суда, и приговоръ верхняго земскаго суда, послѣдовавшіе по одному мнительному ихъ, безъ оправданія его, Милорадовича, и доказательства разсужденію, что якобы онъ для пристра-

стія къ дитинному имѣнію не хотѣлъ дочери своей выдать въ замужье, какъ не по обстоятельствамъ дѣла и не въ сходство вышеписанныхъ законовъ, уничтожить, о чемъ послать и въ верхній земскій судъ указъ, а поповоду, что сему дѣлу изъ уѣзднаго суда теченіе по апелляціямъ дало намѣстническое правленіе и требовало отъ верхняго земскаго суда донесенія, что по разсмотрѣніи окажется, то сообщить о всемъ вышеписанномъ Новгородско-сѣверскому намѣстническому правленію. За издержанную жъ по сему дѣлу въ верхнемъ земскомъ судѣ, вмѣсто гербовой, простую три листа бумагу, по указной цѣнѣ деньги, взыскавъ съ кого слѣдуетъ по законамъ, причислить ихъ въ казенный доходъ, и сіе рѣшеніе объявить обѣимъ сторонамъ за подписками. На копіи тако: Иванъ Селецкій. Иванъ Марковичъ. Иванъ Пулчевскій. Никита Баксій. (?) По листамъ скрѣпилъ секретарь тит. сов. Иванъ Балабанъ. 1791 года, генваря 31 дня, сіе рѣшеніе по извѣренію г. ген.-м. Милорадовича, кол. рег. Андрей Аксюку, при открытыхъ палаты дверяхъ, объявливано. Протоколистъ Степанъ Яценко. 1791 года, генваря 31, сіе рѣшеніе по извѣренію г. ген.-м. Милорадовича слушавъ, и что онымъ доволенъ, въ томъ подписался кол. рег. Аксюкъ. Копію скрѣпилъ по листамъ тит. сов. Иванъ Балабанъ.

Вслѣдъ за жалобой на *засѣдателей* Сосницкаго уѣзднаго суда, за незаконное разрѣшеніе Настасьѣ Петровнѣ повѣнчаться съ Лашкевичемъ, П. С. Милорадовичъ подалъ въ Городницкій уѣздный судъ прошеніе объ *отреченіи* отъ дочери и о томъ, чтобы «она затѣмъ къ материнскому ея имѣнію болѣе не интересовалась».

---

38. Прошеніе П. С. Милорадовича въ Городницкій уѣздный судъ объ отреченіи отъ дочери и о лишеніи ея права на материнское имѣніе. 1789 г., 9 августа.

По титулѣ. Приноситъ жалобу ген.-м. Петръ Степановъ сынъ Милорадовичъ, а о чемъ тому слѣдуютъ пункты: 1). По смерти жены моей Софіи Семеновой дочери Полуботковой, осталося трое дѣтей, сынъ Григорій и двѣ дочери Анастасія и Марія; съ оныхъ Марія волею Всевышняго помре, Анастасія жъ будучи немалымъ моимъ коштомъ воспитанна и по прозбѣ мене бабы ея, а моей тещи, живучи въ домѣ ее, совратившися съ пути, закономъ божіимъ и гражданскимъ предустановленнаго дѣтямъ на повиновеніе родителемъ своимъ, пред-

почла мнѣ бабу свою удову Анастасію Степанову Леонтовичеву, дочь Полуботкову, и ближнихъ роду еѣ, оставила и удалилнся, бѣгала и отвращалася отъ меня, и когда въ преслѣдованіи моемъ самоволно, и по совѣту бабы своей и еѣ братовъ, уѣхала съ бабиного дому, изъ села Боровичъ, въ село Смячъ, куда она ѣхала скоропостижно и безстыднымъ образомъ, съ мужикомъ и на мужичихъ саняхъ, въ домъ ст. сов. Фридрикевича, по лучшей тутъ удобности неприлично дѣвичью полу, видѣться и обращаться съ женихомъ своимъ и въ ономъ мною сыскана была, то выговаривала мнѣ, что она есть не въ моей волѣ и не слушаетъ меня, подвергши въ томъ домѣ, яко недоброхотствующемъ мнѣ, по навожденію хозяина онаго и состояніе здоровья моего въ опаснѣйшія слѣдствія, ибо въ ономъ Фридрикевическомъ домѣ я былъ отъ находящойся тамо полковницѣ Софіи Василіевой дочери, съ мужемъ ея отст. полковникомъ Степаномъ Леонтовичемъ, обруганъ собранными отъ оныхъ фридрикевичевыми людми и ихъ служителями атакованъ и до безпредѣлности обезчещенъ, о семъ всемъ явствуя подаваемые отъ мене жалобы къ преосвященнымъ архіереямъ—черниговскому Іерофею и новгородо-сѣверскому Иларіону и въ намѣстническое Черниговское правленіе, а въ уѣздный Городницкій судъ и самые иски; къ томужь обжаловала меня предъ урядомъ губерніи Новгородско-сѣверской уѣзднымъ Сосницкимъ судомъ, противъ совѣсти и честности, заинтересованіемъ якобы къ удержанію материстаго имѣнія, наконецъ же дерзнула противъ волѣ моей и безъ родителскаго благословенія самовольно въ замужье за оного жъ жениха отст. маіора Ивана Степанова сына Лашкевича выйтить. 2). А сверхъ того, она жъ, дочь моя Настасія, къ найгорестнѣйшему меня удрученію, дворового слугу моего по имени Якова, съ женою и съ споженнымъ отъ его ребіонкомъ, съ малолѣтства въ домѣ моемъ воспитаннаго, въ содержаніи коего находилися сребро и всякія столовыя вещи, ключи отъ кладовой и погребъ съ пи́тейнымъ запасомъ, подговорила уйти къ себѣ, котораго приняла и содержитъ у себя, оставивъ меня, находившагося немалое время безъ услуги, и за таковые отъ показанной дочери моей противные всѣмъ законамъ поступки, при старости лѣтъ моихъ презрѣннымъ образомъ, въ позорномъ видѣ, я, отецъ ея, несносно будучи обиженъ и призрѣнъ, оной дочери моей Настасіи, по силѣ закона малороссійскаго, книги статутъ, розд. 8, арт. 7, въ началѣ котораго гласъ повелѣваетъ: изрекаться родителямъ дѣтей своихъ таковыхъ, которые тронутъ ихъ родителей рукою, то есть на тѣлѣ, но оная дочь болѣе тѣлеснаго чувствованія поразила меня при-

чиною и посредствомъ побѣгу ее въ помянутой домъ и скрытіе своего въ ономъ, гдѣ я, какъ выше упомянуто, безъчестіемъ тронутъ и уязвленъ на чести моей, а сверхъ того подговоромъ ея къ побѣгу вышеупомянутого служителя моего къ себѣ, обидимъ нахожусь, изрекаюся оной съ тѣмъ, что она Анастасія и дочерью моею называться да не дерзаетъ. Она жъ дочь моя Настасія, такъ какъ безъ волѣ и благословенія родительскаго, упорнымъ и самовольнымъ образомъ вышедшая въ замужье, недвижимаго материстаго имѣнія, части на ней спадавшей, въ силѣ законовъ права малороссійскаго, розд. 5, арт. 8, лишается, и какъ она, дочь моя, противозаконною поступкою своею въ недвижимомъ материстомъ имѣніи право свое потеряла, то посему оному недвижимому жены моей материстому имѣнію остается одинъ законный наслѣдникъ сынъ мой, надв. сов. Григорій Милорадовичъ, и чтобъ показанная Лашкевичева до сына моего ни подъ какимъ предлогомъ за оное имѣніе дѣла и никакой претенсіи не имѣла, симъ прошу, дабы повелѣно было сію мою жалобу намѣстничества Черниговскаго въ уѣздномъ Городницкомъ судѣ принять, записать и содержать въ цѣлости; чтобы же показанная дочь моя, въ послѣдней уже разъ сіе praзваніе получающая, къ прописанному имѣнію не интересовалася, о семъ здѣлать по вышеписаннымъ и другимъ законамъ на таковый случай имѣющимся, опредѣленіе, всемилостивѣйшая государиня, прошу вашего императорскаго величества по сей моей жалобѣ рѣшеніе учинить. 1789 г. августа 9 числа. Къ подачѣ подлежитъ въ уѣздный Городницкій судъ. Къ сей жалобѣ ген.-м. Петръ Милорадовичъ руку приложилъ.

Засимъ на прошеніи значится: «1789 г., августа 17. Опредѣлили: какъ проситель, г. ген.-м. Петръ Степановичъ Милорадовичъ, жалобою своею, въ которой онъ означаетъ неблагопристойные поступки дочери его, вышедшей нынѣ въ замужье за отст. маіора Ивана Лашкевича, Настасіи Лашкевичевой подалъ въ сей судъ персонално и за тою подачею, когда оная жалоба въ присутствіи суда при битности его г. Милорадовича прочтена, онъ во всемъ написанномъ въ той жалобѣ, не отмѣняя ничего, въ точности ея утверждая, созналъ изрекательство свое отъ оной Анастасіи дочери своей, съ тѣмъ заключеніемъ, чтобы оная за показанное ему ея отвращеніе, презрѣніе, непослушаніе, показанные грубости и потому жъ что онъ г. Милорадовичъ причиною ея Настасіи бытія въ домѣ г. ст. сов. Григорія Григоріевича Фридрикевича, въ которой она нарочито съѣхала и тамо отъ онаго укрывалася, обруганъ и до безпредѣльности обезчещенъ,

также безъ волѣ и благословенія его отческаго, выходъ въ замужье за показаннаго маіора Лашкевича, не дерзала впредъ называтся дочерью его, а за сей послѣдній поступокъ, что самовольно поступила выйтить въ замужье, лишаетъ еи имѣнія части и въ томъ всемъ основывается онъ, г. Милорадовичъ, на правахъ статута, розд. 8, арт. 7, и розд. 5, арт. 8; въ сихъ же правахъ—въ первомъ, за обиду отъ дѣтей родителемъ причиненную, отрекаться родителемъ дозволено, а по 2-му, сказано: буде бы дѣвица безъ волѣ отца и матери пошла замужъ, таковая лишается посага и имѣнія отческаго и материстаго, також и спадковъ, а естли бы въ отца одна была, тогда отеческіе и материстіе имѣнія на близкихъ наслѣдниковъ, мимо таковой дѣвицѣ самой и потомковъ ея, спадаютъ. Для того показанную жалобу по силѣ вышеписанныхъ правъ учиненную и персонально по вышеписанному предъ судомъ сознанную и утвержденную, оставляя въ изображенной ея силѣ, для предбудущой надобности вписать въ крѣпостную книгу, на троичные сего года роки заведенную, въ точности, отъ слова до слова, и о семъ просителю г. генер.-маіору Милорадовичу или отъ его уполномоченному обявить.

Вѣроятно, это прошеніе П. С. Милорадовича вызвало со стороны его дочери печатаемую за симъ *улиточную запись*, которою она права свои на материнское имѣніе передала мужу.

---

39. Улиточная запись Настасьи Петровны Лашкевичъ на материнское имѣніе мужу своему И. С. Лашкевичу. 1790 г., 11 іюля.

1790 года, іюля 14 дня. Я, дочь ген. м. Петра Степановича Милорадовича, жена маіора Ивана Степановича сына Лашкевича, чрезъ сіе сознаю, что по смерти матери моей Софія Милорадовичевой остались въ наслѣдіе мнѣ и родному брату моему Григорію Петровичу Милорадовичу собственныя ея матери нашей недвижимыя и движимыя имѣнія въ нынѣшнемъ Черниговскомъ намѣстничествѣ, въ уѣздѣ Черниговскомъ, д. Криничное, съ приписными къ ней рудними, въ Городницкомъ уѣздѣ, въ селахъ, деревняхъ и хуторахъ, именно: Боханѣ, Веселейкахъ, Вереблевѣ, Высокинѣ, Голобурдахъ, въ Духовской слободѣ, въ Довгунахъ, въ Злѣевѣ, въ Кухарахъ, въ Коробкахъ,

въ Кротынѣ, въ Любечѣ, въ Лопатняхъ, въ Монькахъ, въ Мохначахъ, въ Мысахъ, въ Новоселкахъ, въ Пищикахъ, въ Петрикахъ, въ х. Разсудовскомъ, въ Радулѣ, въ Радьковкѣ, въ Сидоровскомъ, въ Семендѣяхъ, въ Сенькахъ, въ Степановкѣ, въ Сваричовкѣ, въ Убѣжичахъ и въ другихъ мѣстахъ, а особливо записанные матери моей за внесенье отъ ея мужа, а моего отца, реченнаго Милорадовича, со крестьяны обоего пола съ ихъ селеніями, имуществомъ, съ землями, съ хуторами, съ мельницами, съ разными угодіями, съ заводами и всѣми и всякими принадлежностьми, платами и доходами, недвижимые и движимые имѣнія, со дня смерти матери моей донынѣ остаются во владѣніи показанныхъ отца моего и брата, съ коихъ я, какъ при моемъ малолѣтствѣ, такъ и пришедши въ совершенные лѣта, надлежащаго снабдѣнія и содержанія не получала, да и по выходѣ въ замужество, надлежащей мнѣ со всего того наслѣднаго моего имѣнія и ихъ доходовъ половинной части и ничего нимало отецъ и братъ по моимъ отзывамъ, прошеніямъ и требованіямъ, не отдаютъ мнѣ и отдать наклонности не имѣютъ, чѣмъ привели меня къ необходимости сей, что я принуждена чрезъ судебныя мѣста доходить теперь въ всемъ показанномъ имѣній надлежащей мнѣ по законамъ половинной части; но, какъ по женскому состоянію моему, не въ силахъ я лично въ судебныхъ мѣстахъ производить о семъ дѣло, для того все право мое, служащее мнѣ по наслѣдію, на отысканіе помянутыхъ наслѣдственныхъ имѣній моихъ, платъ и доходовъ съ оныхъ и на вѣчный раздѣлъ оныхъ-же имѣній съ братомъ моимъ Григоріемъ Петровичемъ Милорадовичемъ уливаю мужу моему, маіору Ивану Лашкевичу, съ такимъ уполномочіемъ, что онъ, мужъ мой, силенъ и воленъ самъ собою лично, или чрезъ уполномоченныхъ отъ себя, о томъ наслѣдномъ имѣніи моемъ, по раздѣлѣ онаго съ братомъ, произвесть въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ искательство, и въ случаѣ споровъ учинить доказательство, доходить рѣшенія, выслушать оное, въ надобномъ случаѣ возымѣть и продолжать до высшихъ судебныхъ мѣстъ, начавъ отъ уѣзднаго суда по порядку хотя-бы и до правительствующаго сената аппеляціи; а когда настанетъ случай къ вѣчному дѣлежу съ братомъ моимъ всѣхъ наслѣдныхъ имѣній нашихъ, добровольно или по судовому рѣшенію, то и оный дѣлежъ ему-жъ, мужу моему учинить, дѣлчіе подписать, въ судѣ сознать и принадлежащую на меня часть принять въ мое владѣніе, а что мужъ мой или отъ него уполномоченные въ судебныхъ мѣстахъ и при дѣлежѣ вѣчномъ учинатъ, взыщутъ, или утратятъ,—я въ томъ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.
